

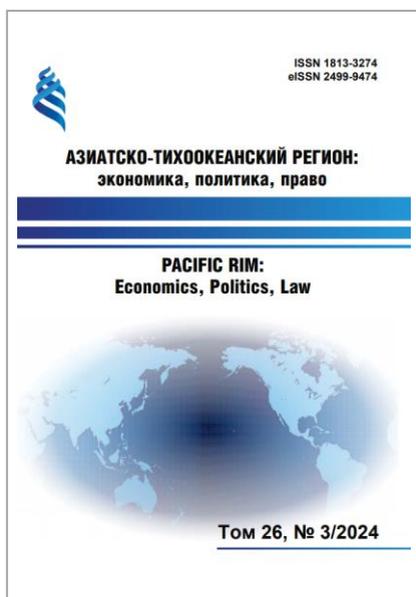
АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН: экономика, политика, право

PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law

Научный журнал

Учредитель и издатель:

Основан в 1999 году
Выходит 4 раза в год

690922, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство ПИ № ФС 77-65746 от 20.05.2016.

Подписной индекс 83612.

Включён в Перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук.

Индексируется в базах данных РИНЦ, Киберленинка, Google Scholar, Publons, Ulrich's Periodicals Directory.

Отпечатано в типографии
Издательства Дальневосточного
федерального университета
690091, Приморский край,
г. Владивосток, ул. Пушкинская, 10

Адрес редакции:

690922, Приморский край, г. Владивосток, остров
Русский, п. Аякс, д. 10, кампус ДВФУ, корп. А (24),
к. А920-923

Подписано в печать 07.10.2024.
Тираж 500 экз. (1-й завод 1–25). Заказ 262.
Дата выхода в свет 11.10.2024.
Цена свободная

Редактор *Л. В. Студенчикова*
Перевод на английский язык *Н. В. Бетанкурт*
Редактор References *Т. В. Поликарпова*
Компьютерная верстка *Г. П. Писаревой*

ISSN 1813-3274 (print) ISSN 2499-9474 (online)
DOI <https://doi.org/10.24866/1813-3274>

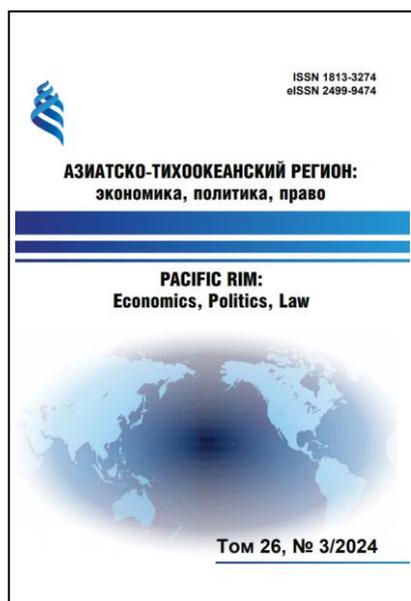
Vol. 26
No. 3
2024

PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law

Aziatsko-Tihookeanskij region. Èkonomika, politika, pravo

Scientific Journal

*The Journal was established in 1999
Published 4 times a year*

Printed by the printing house
of the Far Eastern Federal University
Publishing House
690091, Vladivostok, 10 Pushkinskaya str.

Signed for publication 07.10.2024.
The circulation is 500 copies
(1st batch 1–25). Order 262.
Release date 11.10.2024.
The price is free.

© FEFU, 2024

Founder and publisher:

690922, Vladivostok, Russky Island, 10 Ajax Bay

The Journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor), certificate ПИ No. ФС 77-65746 dated 20.05.2016.

The Journal has been recommended by the Higher Certification Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publication of major results of Candidate and Doctoral Dissertations.

The Journal is indexed in the Russian Index of Science Citation, Cyberleninka, Google Scholar, Publons, Ulrich's Periodicals Directory.

Editorial office address:

690922, Vladivostok, Russky Island, 10 Ajax Bay,
FEFU Campus, Building A, office A920–923

Editor *L. V. Studenchikova*

Translation into English by *N. V. Betancourt*

References editor *T. V. Polikarpova*

Computer layout *G. P. Pisareva*

Главный редактор журнала

КОРОБЕЕВ заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Владивосток, Российская Федерация
Александр Иванович

Заместители главного редактора

ГАВРИЛОВ заведующий кафедрой международного публичного и частного права Юридической школы Дальневосточного федерального университета, доктор юридических наук, доцент, Владивосток, Российская Федерация
Вячеслав Вячеславович

МАМЫЧЕВ профессор кафедры теории и истории государства и права Юридической школы Дальневосточного федерального университета, доктор политических наук, доцент, Владивосток, Российская Федерация
Алексей Юрьевич

Ответственный секретарь

КОРОЧЕНЦЕВ профессор департамента общей и экспериментальной физики Института наукоемких технологий и передовых материалов Дальневосточного федерального университета, кандидат химических наук, доцент, Владивосток, Российская Федерация
Владимир Владимирович

Редакционная коллегия

БАКЛАНОВ академик Российской академии наук, научный руководитель Тихоокеанского института географии ДВО РАН, доктор географических наук, Владивосток, Российская Федерация
Пётр Яковлевич
БЕЛКИН советник директора Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Владивосток, Российская Федерация
Виктор Григорьевич

ВАНДЕРХЗВААГ директор Института морского и экологического права, Юридическая школа им. Шулиха, Университет Дэлхаузи, PhD, профессор, Галифакс, Новая Шотландия, Канада
Дэвид

ВОЛЫНЧУК ведущий научный сотрудник Центра глобальных и региональных исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, доктор политических наук, доцент, Владивосток, Российская Федерация
Андрей Борисович

ВОТИНЦЕВА член-корреспондент Российской академии естественных наук, доктор экономических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, Санкт-Петербург, Российская Федерация
Людмила Ивановна

ЖАРИКОВ профессор кафедры мировой экономики Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета, доктор экономических наук, профессор, Владивосток, Российская Федерация
Евгений Прокофьевич

КАПУСТИН научный руководитель Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, президент Российской ассоциации международного права, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Москва, Российская Федерация
Анатолий Яковлевич

КНЯЗЕВ Сергей Дмитриевич	судья Конституционного Суда Российской Федерации, профессор кафедры административного права Юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, Санкт-Петербург, Российская Федерация
КОРОТКИХ Наталья Николаевна	профессор кафедры уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, доктор юридических наук, профессор, Владивосток, Российская Федерация
КОШЕЛЬ Алексей Сергеевич	проректор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», кандидат политических наук, доктор юридических наук, доцент, Москва, Российская Федерация
КУРИЛОВ Владимир Иванович	член международного экспертного совета при Верховном Суде Китайской Народной Республики, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, Владивосток, Российская Федерация
ЛИ Ик Хён	вице-президент Университета Моквон, Тэджон, Республика Корея
НОМОКОНОВ Виталий Анатольевич	профессор кафедры уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета, доктор юридических наук, профессор, Владивосток, Российская Федерация
ПАК Ноенг	профессор права Юридической школы Университета Корё, директор Центра киберправа Университета Корё, президент Центра международных исследований киберправа в Корее, Сеул, Республика Корея, почётный доктор Юридической школы Дальневосточного федерального университета
ПАНОВА Инна Викторовна	профессор департамента публичных дисциплин факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», судья Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в отставке, доктор юридических наук, профессор, Москва, Российская Федерация
ПЕСЦОВ Сергей Константинович	профессор кафедры международных отношений Восточного института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета, доктор политических наук, профессор, Владивосток, Российская Федерация
РОГОВ Игорь Иванович	заместитель исполнительного директора Фонда первого президента Республики Казахстан, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель Республики Казахстан, Астана, Республика Казахстан
СЕВАСТЬЯНОВ Сергей Витальевич	профессор кафедры международных отношений Восточного института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета, доцент, доктор политических наук, Владивосток, Российская Федерация
ТРЕТЬЯК Ольга Анатольевна	заведующая кафедрой стратегического маркетинга факультета бизнеса и менеджмента Школы бизнеса и делового администрирования Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор экономических наук, профессор, Москва, Российская Федерация
ФУ Куенчен	профессор Юридического института «Кайюань» Шанхайского транспортного университета, Шанхай, Китайская Народная Республика
ХУАН Даосю	председатель Научно-исследовательского центра по изучению российского права, профессор, Пекин, Китайская Народная Республика

Editor-in-Chief

Alexander I. Korobeev Chair of Department of Criminal Law and Criminology, School of Law, Far Eastern Federal University, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Vladivostok, Russian Federation

Deputy of Editor-in-Chief

Vyacheslav V. Gavrilov Chair of Department of International Public and Private Law, School of Law, Far Eastern Federal University, Doctor of Law, Associate Professor, Vladivostok, Russian Federation

Alexey Yu. Mamychev Professor of Department of Theory and History of State and Law, School of Law, Far Eastern Federal University, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Vladivostok, Russian Federation

Assistant editor

Vladimir V. Korochentsev Professor of Department of General and Experimental Physics, Institute of High Technologies and Advanced Materials, Far Eastern Federal University, Candidate of Sciences (Chemistry), Associate Professor, Vladivostok, Russian Federation

Editorial Board

Petr Ya. Baklanov Academician of Russian Academy of Sciences, scientific director of Pacific Institute of Geography, Far Eastern Branch of RAS, Doctor of Geographical Sciences, Vladivostok, Russian Federation

Victor G. Belkin Advisor to the Director of School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Economics, Professor, Vladivostok, Russian Federation

David VanderZwaag Director of Institute of Marine and Environmental Law, Schulich School of Law, Dalhousie University, PhD, Professor, Halifax, Nova Scotia, Canada

Andrey B. Volynchuk Leading Researcher, Center for Global and Regional Studies, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far East Branch of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Political Science, Associate Professor, Vladivostok, Russian Federation

Lyudmila I. Votintseva Professor of Department of Modern Banking, Honored Educationalist, Doctor of Economics, Professor, Saint Petersburg, Russian Federation

Evgeny P. Zharikov Professor of Department of World Economy, School of Economics and Management, Far Eastern Federal University, Professor, Vladivostok, Russian Federation

Anatoly Ya. Kapustin Scientific Director of the Institute of Legislation and Comparative Law Research under the Government of the Russian Federation, President of Russian Association of International Law, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Moscow, Russian Federation

Sergey D. Knyazev Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, Professor of Department of Administrative Law, Faculty of Law, Saint Petersburg State University, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russian Federation

- Natalia N. Korotkikh** Professor of Department of Criminal Law and Criminology, School of Law, Far Eastern Federal University, Doctor of Law, Professor, Vladivostok, Russian Federation
- Alexey S. Koshel** Vice Rector of the National Research University "Higher School of Economics", Doctor of Law, Associate Professor, Moscow, Russian Federation
- Vladimir I. Kurilov** Member of International Expert Committee within the Supreme Court of People's Republic of China, Honored Educationalist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Vladivostok, Russian Federation
- Ik Hyeon Rhee** Vice President, Mokwon University, Daejeon, the Republic of Korea
- Vitaly A. Nomokonov** Professor of Department of Criminal Law and Criminology, School of Law, Far Eastern Federal University, Doctor of Law, Professor, Vladivostok, Russian Federation
- Park Nohyoung** Professor of Law of Korea University, Director of Cyber Law Center, Korea University, President of Center fo International Cyber Law Studies in Korea, Seoul, Republic of Korea, Honorary Doctor of the School of Law of Far Eastern Federal University
- Inna V. Panova** Professor of Department of Public Disciplines, Faculty of Law, National Research University "Higher School of Economics", Retired Judge of Supreme Arbitration Court of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Moscow, Russian Federation
- Sergey K. Pestsov** Professor of Department of International Relations, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University, Doctor of Political Sciences, Professor, Vladivostok, Russian Federation
- Igor I. Rogov** Deputy of Executive Director, Foundation of the First President of Kazakhstan, Doctor of Law, Professor, Honored Researcher of the Republic of Kazakhstan, Astana, Republic of Kazakhstan
- Sergey V. Sevastyanov** Professor of Department of International Relations, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Vladivostok, Russian Federation
- Olga A. Tretyak** Head of the Department of Strategic Marketing, Faculty of Business and Management, School of Business and Business Administration, National Research University "Higher School of Economics", Doctor of Economics, Professor, Moscow, Russian Federation
- Fu Kuen-chen** Professor, Ko Guan Law Institute of Shanghai Jiao Tong University, Shanghai, People's Republic of China
- Huang Daoxiu** Chairman of the Research Centre for the Study of Russian Law, Professor, Beijing, People's Republic of China

Содержание

К читателям журнала.....	9
ЭКОНОМИКА	13
Матаннанов А.К., Данилова Л.И. Взаимодействие бизнеса, образования и власти в системе среднего профессионального образования в регионе	13
Павлюк А.В., Максимович Р.О., Кондратьев А.Д. Обоснование необходимости развития сети морских грузопассажирских перевозок между субъектами Дальневосточного федерального округа Российской Федерации	25
Белкин Д.С. Оптимизация внешней политики Министерства строительства РФ: от СНГ к ЕАЭС и БРИКС	38
Наку А.А. Транстихоокеанское партнерство и всестороннее региональное экономическое партнерство как международно-правовая модель экономической интеграции в Азиатско-Тихоокеанском регионе	55
Фу Юаньюань, Демиденко Д.С. Анализ развития современной двусторонней торговли между РФ и КНР	73
ПОЛИТИКА	84
Мордовцева Т.В. Концептуальные признаки технологического суверенитета в государственной политике и академической практике	84
Волынчук А.Б. Особенности военно-технического сотрудничества России и Индии: динамика, риски и перспективы партнерства	94
Ты Тхи Тхоа, Нгуен Дык Кыонг. Стабильность современной политической системы Вьетнама: эволюция, вызовы и перспективы.....	116
ПРАВО	131
Процевский В.А., Моисеенко М.А. Проблемы правового регулирования деятельности профсоюзных организаций	131
Хабибулина О.В. К вопросу о видах ограничений для публичных служащих Российской Федерации	140
Архипов Д.Д., Гарцева Ю.Ю., Миллер В.Ю. К вопросу применения цифровой криминалистики в современных условиях.....	158
Шипунова М.Н. Обман как способ совершения преступления: проблемы теории и практики	169
Углова Е.А. Имплементация международно-правовых норм об ответственности за экоцид в российском уголовном праве	182
Чжан Вэньсянь. Научный смысл и суть концепции «верховенства Конституции в управлении государством» и «верховенства Конституции в исполнении властных полномочий» в КНР	195

Contents

To the readers	9
ECONOMICS	13
Matannanov A.K., Danilova L.I. Interaction of business, education and government in the system of secondary vocational education in the region.....	13
Pavlyuk A.V., Maksimovich R.O., Kondratyev A.D. Substantiation of the need to develop a system of maritime cargo and passenger transportation between the subjects of the Far Eastern Federal Area of the Russian Federation	25
Belkin D.S. Optimizing the foreign policy of the Ministry of Construction of the Russian Federation: from CIS to EAEU and BRICS	38
Naku A.A. Trans-Pacific partnership and regional comprehensive economic partnership as a model international legal structure for economic integration in the Asia-Pacific.....	55
Fu Yuanyuan, Demidenko D.S. Analyzing the development of modern bilateral trade between the Russian Federation and the PRC	73
POLITICS	84
Mordovtseva T.V. Conceptual signs of technological sovereignty in public policy and academic practice	84
Volynchuk A.B. Peculiarities of military-technical cooperation between Russia and India: dynamics, risks and partnership prospects.....	94
Tu Thi Thoa, Nguyen Duc Cuong. Stability of the modern Vietnamese political system: evolution, challenges, and prospects.....	116
LAW	131
Protsevsky V.A., Moiseenko M.A. Problems of legal regulation of the activities of trade union organisations	131
Khabibulina O.V. On the types of restrictions for public servants in the Russian Federation....	140
Arkipov D.D., Gartseva Yu.Yu., Miller V.Yu. On the issue of the application of digital forensics in modern conditions.....	158
Shipunova M.N. Deception as the way of committing a crime: problems of theory and practice	169
Uglova E.A. Implementation of international legal norms on responsibility for ecocide in the Russian criminal law	182
Zhang Wenxian. Scientific meaning and essence of the concepts of ‘supremacy of the Constitution in the state governance’ and ‘supremacy of the Constitution in the exercise of power’ in the PRC	195

К читателям журнала

Издаваемый Дальневосточным федеральным университетом с 1999 года журнал «Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право» является рецензируемым научным журналом и публикует материалы, связанные с научным осмыслением динамичного развития Азиатско-Тихоокеанского региона как российскими, так и зарубежными авторами.

Цель журнала – нести знания и информацию, предоставляя возможность российским и зарубежным учёным, представителям органов власти и крупного бизнеса, непосредственно участвующим в политической и социально-экономической жизни региона, высказывать собственные мнения и суждения относительно проблем развития АТР и Дальнего Востока России.

Материалы журнала адресуются руководителям организаций, учёным, преподавателям и студентам. В журнале глубоко и профессионально освещаются проблемы в экономической, политической и правовой сферах через их интерпретацию в практической плоскости.

Журнал «Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право» имеет широкий охват как по авторам публикаций, привлекая исследователей из большого количества регионов Российской Федерации и стран Азиатско-Тихоокеанского региона, так и по членам Редакционной коллегии и Редакционного совета, в которых представлены ведущие университеты России и мира.

Журнал в своей публикационной активности также имеет широкий охват предметных областей, что позволяет ему аккумулировать экспертизу по самому широкому спектру научной проблематики развития АТР и Дальнего Востока России.

По состоянию на 28 ноября 2022 года журнал включён в обновленный Перечень ВАК по следующим научным специальностям:

Экономические науки:

5.2.1. Экономическая теория (экономические науки).

5.2.3. Региональная и отраслевая экономика.

5.2.4. Финансы.

5.2.5. Мировая экономика (экономические науки).

Политические науки:

5.5.2. Политические институты, процессы, технологии.

5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики.

5.5.4. Международные отношения.

Юридические науки:

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

5.1.5. Международно-правовые науки.

Содержание журнала предполагает размещение следующих типов публикаций:

статьи по экономике, внешнеэкономической деятельности, политике, праву, международному сотрудничеству стран АТР;

архивные материалы и комментарии к ним по истории сотрудничества России со странами АТР, политическим взаимоотношениям;

материалы социологических исследований по важнейшим экономическим, общественно-политическим и правовым вопросам;

справочные законодательные материалы по регулированию национальных экономик, межстрановому взаимодействию в АТР;

материалы сравнительно-правовых исследований особенностей законодательства России и стран АТР по различным отраслям права;

обзоры деятельности региональных организаций;

сообщения, официальная информация по материалам региональных совещаний, конференций, дипломатических встреч.

Помимо указанных проблем в журнале освещаются и иные региональные аспекты развития – демографические, экологические и пр. Учитывая важность затрагиваемых проблем, редколлегия приглашает к сотрудничеству специалистов из разных сфер деятельности, имеющих отношение к тематике журнала, в том числе сотрудников ДВФУ и других вузов России и стран АТР, научных институтов и аналитических центров, специалистов, знающих на практике проблемы АТР и Дальнего Востока России.

Для публикации статьи в журнале необходимо прислать материалы, согласно указанной рубрике, объёмом не более 20 страниц текста, оформленные по образцу журнала (и в соответствии с ГОСТ Р 7.0.7-2021), которые должны включать:

- УДК;
- название статьи – на русском и английском языках;
- Ф.И.О. автора (полностью), место и адрес (город и страна) его работы, учёбы – на русском и английском языках;
- электронный адрес автора (*без слова e-mail*), ORCID (*без слова ORCID* в формате <https://orcid.org/...>) и (или) Researcher ID;
- знак охраны авторского права, например: © Семёнов В. И., Рыбаков А. Н., 2023;
- аннотацию (200–250 слов), ключевые слова (10–15 слов или словосочетаний) – на русском и английском языках;
- основной текст статьи – на русском языке (текст желательно структурировать);
- список источников (на рус. яз.), оформленный по ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления», и References (транслитерация BSI, пер. на англ. яз.) с обязательным указанием общего количества страниц в печатном источнике;
- полные сведения об авторе (после References): учёную степень и учёное звание, должность, место работы (вуз, город, страна) – на русском и англ. яз. соответственно.

Подписи к иллюстративному материалу необходимо приводить на русском и английском языках.

Ссылки оформляют как внутритекстовые, помещают их в квадратных скобках, например: [5] или [5, с. 18].

Авторский оригинал необходимо присылать в электронном виде, шрифт Times New Roman, кегль 14.

Пример оформления статьи приведён на сайте журнала в рубрике «Правила оформления статьи» (<https://journals.dvfu.ru/ATR/guide>).

Надеемся, что журнал «Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право» сыграет важную роль в обмене опытом между учёными и практиками Дальнего Востока и будет способствовать эффективному решению проблем региона.

Предложения, пожелания, заявки на участие в издательской деятельности журнала и его приобретение направлять по адресу: 690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10, корпус D, проф. А. И. Коробееву. E-mail: akorobeev@rambler.ru

Информация о журнале в Интернете: journals.dvfu.ru/ATR

Тел.: +7 (423) 265-24-24 (*2401).

To the Readers

PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law – is a research journal published by Far Eastern Federal University since the year 1999. This peer-reviewed journal offers science-based insights into the dynamic development of the Asia-Pacific Region (APR) suggested by Russian and foreign authors.

The purpose of the journal is to provide knowledge and information to Russian and foreign researchers, authorities and business people who are directly involved in the political, social and economic life of the region, and give them an opportunity to express their own views and opinions on the problems of APR and Russian Far East (RFE) development.

Materials of the Journal are addressed to the heads of companies, researchers, teachers and students. The Journal provides for a deep and professional insight into the economic, political and legal issues based on their practical interpretation.

PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law includes a wide range of articles by researchers from many regions of the Russian Federation and countries of the Asia-Pacific Region. Among the members of the Editorial Board of the Journal there are representatives of the leading Russian and foreign universities.

The Journal also covers a wide range of academic areas that allows accumulating the knowledge and expertise on various challenges of APR and RFE development.

As of November 28, 2022 the journal is included in the updated list of VAK (Higher Attestation Commission) of the following academic specialties:

Economic Sciences:

5.2.1. Economic Theory (Economic Sciences).

5.2.5. World Economy (Economic Sciences).

5.2.3. Regional and Branch Economics.

5.2.4. Finance.

Political Sciences:

5.5.2 Political Institutions, Processes, Technologies.

5.5.3. Public Administration and Sectoral Policies.

5.5.4. International Relations.

Legal sciences:

5.1.1 Theoretical and Historical Legal Sciences.

5.1.2 Public Law Sciences.

5.1.3 Private (Civil) Law Sciences.

5.1.4 Criminal Law Sciences.

5.1.5 International Legal Sciences.

The Journal accepts for publication the following types of works:

– articles on the economy, foreign economic activity, politics, law, international cooperation of the APR countries;

– archive materials and comments on the history of cooperation between Russia and APR countries, as well as their political relations;

– sociological research materials on the most relevant economic, social, political and legislative questions;

– legislative reference materials on regulating national economies, inter-country cooperation in the APR;

– materials of comparative legal studies of legislations in Russia and APR countries on different areas of law;

– reviews of the work of regional organizations;

– messages and official information on the materials of regional meetings, conferences and diplomatic events.

In addition to the abovementioned questions, the Journal also covers other aspects of regional development, such as demography, environment, etc. Given the significance of the questions discussed in the Journal, the Editorial Board is looking to cooperate with experts working in different areas included into the Journal's agenda. Among them there are researchers from FEFU and other Russian and APR universities, employees of research facilities and analytical organizations, and any professionals who have expertise in the challenges faced by APR and RFE.

To publish an article in the journal, it is necessary to send materials, according to the specified heading, no more than 20 pages of text, designed according to the model of the journal, which should include:

- UDC;
- title of the article – in English and Russian;
- full name of the author, place and address (city and country) of his work or study – in English and Russian;
- the author's email address (without the word e-mail), ORCID and (or) Researcher ID;
- copyright protection mark, for example: © Semenov V. I., Rybakov A. N., 2023;
- abstract (200–250 words), keywords (10–15 words or word combinations) – in English and Russian;
- main text of the article (it is desirable to structure the text);
- References (BSI transliteration) with the obligatory indication of the total number of pages in the printed source;
- full information about the author (after References): academic degree and academic title, position, place of work (institution, city, country) – in English and Russian, respectively.

Links should be placed in square brackets, for example: [5] or [5, p. 18].

The author's original must be sent in electronic form, Times New Roman font, size 14.

A sample design of the article should be seen on the website of the journal in the rubric “The article design rules” (<https://journals.dvfu.ru/ATR/guide>).

We hope that the journal the PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law will play an important role in experience exchange between the scientists and experts of the Far East and will promote effective solution of the problems of the region.

Proposals, applications for participation in publishing the journal and its acquisition should be directed to: 10, Ajax Bay, building D, Russky Island, Vladivostok, Primorsky Territory, 690922, RUSSIA, prof. A. I. Korobeev. E-mail: akorobeev@rambler.ru

Use the following internet link to access the journal's website: journals.dvfu.ru/ATR

Tel.: +7 (423) 265-24-24 (*2401).

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, № 3. С. 13–24.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2024. Vol. 26, no. 3. P. 13–24.

ЭКОНОМИКА / ECONOMICS

Научная статья

УДК 377.014.54(571.56)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2024-3/13-24>

Взаимодействие бизнеса, образования и власти в системе среднего профессионального образования в регионе

Артур Константинович Матаннанов ✉, **Лариса Ивановна Данилова**

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,

Якутск, Российская Федерация

✉ art_konstan@mail.ru

Аннотация. В условиях динамично развивающейся экономики и изменяющегося рынка труда важно обеспечить эффективное взаимодействие системы среднего профессионального образования с потребностями региональной экономики Республики Саха (Якутия). В статье рассмотрены ключевые моменты взаимодействия бизнеса, образования и власти. Через анализ нормативно-правовых актов и научных исследований подчеркнута необходимость создания образовательно-производственных кластеров, стимулирования сотрудничества между образовательными учреждениями и предприятиями, а также активного участия работодателей в образовательном процессе. Статья выявляет, что Правительство Российской Федерации предпринимает шаги по поддержке среднего профессионального образования с участием компаний, в основном крупных, например, через федеральный проект «Профессионалитет». Однако имеются ограничения, такие как недостаточная разработка региональных нормативно-правовых актов, особенно в части взаимодействия малых и средних предприятий с организациями среднего профессионального образования. В заключении подчеркивается важность активизации усилий по привлечению бизнес-сообщества для поддержки и развития региональных нормативно-правовых актов, создания благоприятной среды для взаимодействия бизнеса, образования и власти. Только таким образом можно обеспечить эффективную адаптацию образовательных программ к потребностям рынка труда, развитие качественных кадров и устойчивое социально-экономическое развитие региона.

Ключевые слова: региональная экономика, нормативно-правовые акты, проекты и программы, среднее профессиональное образование, бизнес-сообщество, органы власти

Для цитирования: Матаннанов А.К., Данилова Л.И. Взаимодействие бизнеса, образования и власти в системе среднего профессионального образования в регионе // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, № 3. С. 13–24.

Original article

Interaction of business, education and government in the system of secondary vocational education in the region

Artur K. Matannanov[✉], **Larisa I. Danilova**

North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov, Yakutsk,
Russian Federation

✉ art_konstan@mail.ru

Abstract. In a dynamically developing economy and changing labor market, it is important to ensure effective interaction of the secondary vocational education system with the needs of the regional economy of the Republic of Sakha (Yakutia). The article examines the key points of interaction between business, education and government. Through the analysis of normative legal acts and scientific research, the need to create educational and industrial clusters, stimulate cooperation between educational institutions and enterprises, as well as the active participation of employers in the educational process is emphasized. The article reveals that the government of the Russian Federation is taking steps to support secondary vocational education with the participation of companies, mainly large ones, for example, through the federal project ‘Professionalism’. However, there are limitations, such as insufficient development of regional regulatory legal acts, especially in terms of interaction between small and medium-sized enterprises with secondary vocational education. In conclusion, the importance of intensifying efforts to attract the business community to support and develop regional regulations, create a favorable environment for interaction between business, education and government is emphasized. This is the only way to ensure effective adaptation of educational programs to the needs of the labor market, the development of high-quality personnel and sustainable socio-economic development of the region.

Keywords: regional economy, regulatory legal acts, projects and programs, secondary vocational education, business community, authorities

For citation: Matannanov A.K., Danilova L.I. Interaction of business, education and government in the system of secondary vocational education in the region. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*, 2024, vol. 26, no. 3, pp. 13–24. (In Russ.).

Введение

Среднее профессиональное образование (СПО) имеет большое значение для развития Республики Саха (Якутия) (далее – РС(Я)) с точки зрения социально-экономического показателя. Оно является основополагающим элементом подготовки кадров, способных оперативно и эффективно реагировать на изменения в требованиях современного рынка труда. Особое внимание уделяется адаптации к условиям, предъявляемым сферой занятости, а также развитию механизмов взаимодействия с бизнес-сообществом и постоянному совершенствованию организационно-экономического управления СПО. Эти пункты привлекают внимание исследователей и практиков, подчеркивая важность СПО для развития региона [1].

Взаимодействие бизнеса, образования и власти в системе СПО

В научных работах Г.Д. Кочергина и Н.Г. Пресняковой [2; 3] внимание акцентировано на взаимодействии между властью, бизнесом и обществом в современных экономических условиях. Так, Г.Д. Кочергин анализирует систему образования с учетом ее комплексности и многоаспектности, обращаясь к экономическим проблемам российского образования и взаимодействию образовательных организаций с бизнесом.

В свою очередь, Н.Г. Преснякова подчеркивает актуальность исследования взаимодействия власти, бизнеса и общества в современных экономических условиях, особенно учитывая негативные факторы, такие как экономические ограничения, уменьшение активности потребления и снижение инвестиций в экономику Российской Федерации.

В Российской Федерации и Республике Саха (Якутия) разработан комплекс законов и нормативных актов, которые устанавливают правила и принципы функционирования системы СПО (табл. 1). Эти нормативы определяют основы взаимодействия государственных органов и предприятий реального сектора экономики.

Таблица 1

Сфера регулирования и нормативное обеспечение в системе СПО

Сфера регулирования	Нормативное обеспечение	
	Федеральное	Региональное по Республике Саха (Якутия)
Взаимодействие бизнес-сообщества с системой СПО	1. Федеральные законы Российской Федерации: - № 273-ФЗ от 29.12.2012; - № 63-ФЗ от 06.04.2011;	1. Закон РС(Я) от 15.12.2014 № 1401-3 N 359-V. 2. Указ главы РС(Я) от 30.12.2023 № 177.

Сфера регулирования	Нормативное обеспечение	
	Федеральное	Региональное по Республике Саха (Якутия)
Взаимодействие бизнес-сообщества с системой СПО	<ul style="list-style-type: none"> - № 149-ФЗ от 27.07.2006; - № 152-ФЗ от 27.07.2006. 2. Постановление Правительства Российской Федерации № 92 от 10.02.2014. 3. Приказы Минпросвещения и Минобрнауки Российской Федерации: <ul style="list-style-type: none"> - № 762 от 24.08.2022; - № 885/390 от 05.08.2020; - № 816 от 23.08.2017; - № 882/391 от 05.08.2020; - № 800 от 08.11.2021; - Распоряжение № Р-154 от 27.12.2019. 4. Рекомендации по использованию финансовых механизмов для осуществления образовательных программ в сетевом формате. 5. Письмо Минпросвещения России № 05-995 от 24.07.2021. 6. Письмо Минпросвещения России № 04-303 от 21.09.2023.	3. Постановление Правительства РС(Я) от 09.08.2019 № 219. 4. Постановление Правительства РС(Я) от 18.07.2022 № 474.

Источники: Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174; Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112701; Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798; Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801; Постановление Правительства Российской Федерации от 10.02.2014 № 92 «Об утверждении Правил участия объединений работодателей в мониторинге и прогнозировании потребностей экономики в квалифицированных кадрах, а также в разработке и реализации государственной политики в области среднего профессионального образования и высшего образования». URL: <https://base.garant.ru/70587152>; Приказ Минпросвещения России от 24.08.2022 № 762 «Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по образовательным программам среднего профессионального образования». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202209220002>; Приказ Минобрнауки России, Минпросвещения России от 05.08.2020 № 885/390 «О практической подготовке обучающихся». URL: <https://base.garant.ru/74626874>; Приказ Минобрнауки России от 23.08.2017 № 816 «Об утверждении Порядка применения организациями, осуществляющими образовательную деятельность, электронного обучения, дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ». URL: <https://base.garant.ru/71770012>; Приказ Минобрнауки России, Минпросвещения России от 05.08.2020 № 882/391 «Об организации и осуществлении

образовательной деятельности при сетевой форме реализации образовательных программ». URL: <https://base.garant.ru/74626602>; Распоряжение Минпросвещения России от 27.12.2019 № Р-154 «Об утверждении методических рекомендаций по механизмам вовлечения общественно-деловых объединений и участия представителей работодателей в принятии решений по вопросам управления развитием образовательной организации, в том числе в обновлении образовательных программ». URL: <https://base.garant.ru/73450033>; Методические рекомендации по применению механизмов финансового обеспечения реализации образовательных программ в сетевой форме. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406989612>; Письмо Минпросвещения России от 24.07.2021 № 05-995 «Об использовании сетевой формы при реализации образовательных программ среднего профессионального образования». URL: <https://base.garant.ru/402910447>; Письмо Минпросвещения России от 21.09.2023 № 04-303 «О привлечении к проведению экзаменов представителей работодателей». URL: <https://sudact.ru/law/pismo-rosobrnadzora-ot-21092023-n-04-303-o>; Указ главы Республики Саха (Якутия) от 30.12.2023 № 177 «О развитии единой системы образования Республики Саха (Якутия) до 2030 года». URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/yakut/1680156>; Постановление Правительства Республики Саха (Якутия) от 09.08.2019 № 219 «Об утверждении Порядка организации практико-ориентированной (дуальной) модели обучения в Республике Саха (Якутия)». URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/yakut/1292031>; Постановление Правительства Республики Саха (Якутия) от 18.07.2022 № 474 «О государственной программе Республики Саха (Якутия) "Развитие образования Республики Саха (Якутия)"». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/1400202207260001>; Закон Республики Саха (Якутия) от 15.12.2014 № 1401-3 N 359-V «Об образовании в Республике Саха (Якутия)» (с изменениями и дополнениями). URL: <https://docs.cntd.ru/document/423902254>.

Результаты анализа нормативного обеспечения в системе СПО

Анализ, приведенный в табл. 1, позволяет выделить федеральные и региональные законы и нормативные акты, регулирующие систему СПО, указывает на принципы и источники, а также сферу регулирования, установленные соответствующими нормативно-правовыми актами.

Анализ сферы регулирования взаимодействия бизнес-сообщества с системой СПО может показать, что работодатели и их объединения имеют полноправное участие в образовательном процессе и являются неотъемлемой частью системы образования. Закон об образовании предусматривает обязательное участие представителей работодателей и их объединений в реализации основных образовательных программ в сотрудничестве с образовательными организациями.

«Представители работодателей или их ассоциаций вовлекаются в оценку образовательных программ среднего профессионального образования в рамках государственной итоговой аттестации», как это предусмотрено частью 16 ст. 59 «Закона об образовании». Этому способствует развитие практики проведения демонстрационного экзамена в качестве основной формы такой аттестации в соответствии с Порядком, утвержденным приказом Минпросвещения России¹.

¹Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 08.11.2021 № 800 «Об утверждении Порядка проведения государственной итоговой аттестации по образовательным программам среднего профессионального образования».

В рамках государственной программы развития образования в Российской Федерации, утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. № 164², осуществляются действия по совершенствованию СПО. Эти мероприятия направлены на создание более эффективной системы, которая будет соответствовать запросам региональной экономики. Важным моментом является привлечение предприятий к участию в подготовке кадров. Это достигается через совместное финансирование инфраструктуры образовательных учреждений, активное участие в управлении колледжами и внедрение дуальной модели обучения, ориентированной на практические навыки.

При этом ряд авторов – Н.Г. Преснякова, М.А. Скворцова, В.С. Неумывайкин, Е.В. Ситников, Н.К. Чапаев – справедливо подчеркивают важность создания образовательно-производственных кластеров и региональных наблюдательных советов для эффективного управления этими кластерами [3–5]. Предложения о налоговых преференциях для предприятий-партнеров и стимулировании частных инвестиций в образование обретают особую актуальность.

Исследования, проведенные Н.А. Якимовым и В.В. Милицкой [6], указывают на необходимость установления новых форм взаимодействия между профессиональным образованием, производством и бизнесом для успешного развития экономики региона и страны в целом. Эти формы предполагают более тесное взаимодействие, расширение коммуникаций и совместное планирование стратегии развития.

Хотя спрос со стороны бизнеса на рабочие кадры велик, в Республике Саха (Якутия) [7] не так много компаний, которые работают в тесном взаимодействии с СПО, представленном 55 организациями³.

Основное плодотворное сотрудничество с крупнейшими предприятиями осуществляют Южная и Западная экономические зоны Республики Саха (Якутия).

К примеру, для восполнения кадровой потребности резидентов ТОСЭР «Южная Якутия» в Южно-Якутском технологическом колледже открыли новые специальности и профессии по заказу таких крупных работодателей, как ООО «УК "Колмар"», АО ХК «Якутутголь», ООО «Эльгауголь» и др.

Важно отметить, что представители среднего и малого бизнеса проявляют меньшую активность в участии и инвестировании в систему СПО. Следовательно, будем анализировать цели взаимодействия бизнес-сообществ, определенные в различных государственных программах, федеральных целевых программах и приоритетных проектах Российской Федерации и Республики Саха (Якутия) (табл. 2).

²Постановление Правительства Российской Федерации от 26.12.2017 № 1642 (ред. от 08.12.2023) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Развитие образования"».

³Характеристика системы среднего профессионального образования. URL: https://monitoring.miccedu.ru/iam/2023/_spo/material.php?type=2&id=11107

Таблица 2

**Государственные программы и ключевые проекты,
направленные на взаимодействие бизнес-сообщества
и среднего профессионального образования**

Наименование	Задачи, направления изменений, целевые показатели и планируемые мероприятия
Государственная программа «Развитие образования» до 2030 г.	<ol style="list-style-type: none">1. Повышение доли выпускников до 63,3% к 2030 г.2. Согласование с прогнозными требованиями региональной экономики.3. Привлечение предприятий различных отраслей к участию в подготовке кадров путем совместного финансирования инфраструктуры профессиональных образовательных учреждений.4. Участие в управлении колледжами и внедрение ориентированной на практику модели обучения.5. Поощрение социально ответственного поведения работодателей.6. Трудоустройство выпускников и их поддержка.7. Создание доступной среды для лиц с ОВЗ.
Федеральный проект «Профессионалитет»	<ol style="list-style-type: none">1. Создание образовательно-производственных центров (кластеры).2. Переход к отраслевому подходу подготовки кадров.3. Включение предприятий в совместное управление образовательными учреждениями.4. Сокращение продолжительности обучения (до 2 лет для рабочих специальностей и до 3 лет для более технических).5. Участники проекта представляют собой потенциальных работодателей, которые готовы инвестировать в развитие СПО и обеспечивать практическую подготовку студентов.
Концепция развития образования в РС(Я)-2030 «Открытое образование – пространство возможностей»	<ol style="list-style-type: none">1. Поддержка непрерывного обучения на протяжении всей жизни.2. Обеспечение кадровых потребностей для перехода к будущей системе образования.3. Устойчивое сотрудничество между участниками образовательной экосистемы.4. Создание современной и безопасной образовательной среды, включая цифровые технологии.5. Привлечение крупного бизнеса.

Источники: Постановление Правительства Российской Федерации от 26.12.2017 № 1642 (в ред. от 08.12.2023) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Развитие образования"». URL: <https://clck.ru/39GXzX>; Постановление Правительства Российской Федерации от 16.03.2022 № 387 «О проведении эксперимента по разработке, апробации и внедрению новой образовательной технологии конструирования образовательных программ среднего профессионального образования в рамках федерального проекта "Профессионалитет" (вместе с "Положением о проведении эксперимента по разработке, апробации и внедрению новой образовательной технологии конструирования образовательных программ среднего профессионального образования в рамках федерального проекта

"Профессионалитет")». URL: <https://clck.ru/39GG6r>; Приложение. Концепция развития образования Республики Саха (Якутия) до 2030 года «Открытое образование – пространство возможностей». URL: <https://base.garant.ru/405941695/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/>

В рамках реализации Федерального проекта «Профессионалитет» (табл. 2) осуществляется комплексная реорганизация системы СПО. Основная цель заключается в установлении сотрудничества с предприятиями и переходе к отраслевому подходу в подготовке кадров, что позволяет максимально приблизить уровень образования обучающихся в профессиональных образовательных организациях к потребностям рынка труда и модернизировать профессиональное образование. Создаются образовательно-производственные центры, а с 2023 года – и образовательные кластеры СПО, которые формируются по отраслевому принципу.

В рамках Федерального проекта проводится эксперимент по конструированию образовательных программ, внедрению интегративных педагогических подходов и цифровых ресурсов. Однако, по последним данным, не все образовательные программы актуализированы по ФГОС, что может вызвать нарушения и привести к предписаниям при проверках государственных органов.

В соответствии со Стратегией социально-экономического развития РС(Я) до 2032 года (с долгосрочной перспективой до 2050 года)⁴ стратегической целью развития образования в регионе является создание открытого образовательного пространства. Это пространство направлено на обеспечение равных возможностей для достижения успеха в жизни и конкурентоспособности человека в мировом обществе.

Указ главы РС(Я) от 30 декабря 2023 г. № 177 «О развитии единой системы образования»⁵ представляет планы развития образовательной системы региона до 2030 года. В документе подчеркивается важность привлечения крупного бизнеса для поддержки программ профессиональной ориентации с учетом специфики экономики региона. Это свидетельствует о стремлении региональных властей активно взаимодействовать с бизнес-сообществом в целях обеспечения обучающихся качественной профессиональной подготовкой, адаптированной к потребностям рынка труда в регионе.

⁴Стратегия социально-экономического развития Республики Саха (Якутия) до 2032 года с целевым видением до 2050 года. URL: <https://base.garant.ru/48185108/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33>

⁵Указ Главы Республики Саха (Якутия) от 30.12.2023 № 177 «О развитии единой системы образования Республики Саха (Якутия) до 2030 года». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/1400202401040008>

Заключение

Взаимодействие между бизнес-сообществом, образовательными учреждениями и государственными органами в области СПО является определяющим фактором в обеспечении социально-экономического прогресса РС(Я).

Анализ нормативно-правовых актов и научных исследований показывает необходимость создания образовательно-производственных кластеров, обеспечения сотрудничества между образовательными учреждениями и предприятиями, активного участия работодателей в образовательном процессе.

Из предоставленных материалов становится ясно, что Правительство России предпринимает шаги по поддержке СПО, в том числе с участием компаний и организаций, в основном крупных. Так, «Профессионалитет» направлен на укрепление взаимодействия колледжей и предприятий, чтобы эффективно готовить кадры, соответствующие потребностям реального сектора экономики.

Важным звеном является предоставление льгот для компаний, оказывающих безвозмездную поддержку образовательным организациям. Однако следует отметить, что эти льготы доступны только в регионах, где принято соответствующее законодательство. Такая ситуация создает неравные условия для различных регионов и может повлиять на мотивацию предприятий взаимодействовать с образовательными организациями.

В результате возникает вопрос о фокусировке на анализе инициатив, оценке их эффективности на региональном уровне, а также обсуждении потенциальных проблем и путей их решения для создания устойчивого экономического механизма управления СПО.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что в утвержденном пакете мер государственной поддержки предпринимательства для стимулирования активного взаимодействия с системой СПО недостаточно разработаны региональные нормативно-правовые акты, касающиеся организационно-экономических механизмов сотрудничества предпринимательства с СПО, в частности с участием малых и средних предприятий.

Одним из ключевых дефектов может быть ограничение или затруднение из-за недостаточной проработки экономических механизмов во взаимодействии бизнес-сообщества с системой среднего профессионального образования.

Важно активизировать усилия по привлечению бизнес-сообщества для поддержки и развития и совершенствованию региональных нормативно-правовых актов, а также созданию благоприятной среды для активного взаимодействия бизнеса, образования и власти. Только таким образом можно обеспечить эффективную адаптацию образовательных программ к потребностям рынка труда, подготовку качественных кадров и устойчивое социально-экономическое развитие региона.

Список источников

1. Матаннанов А. К. Организационно-экономический механизм управления средним профессиональным образованием в Республике Саха (Якутия): литературный обзор и анализ // Регион: системы, экономика, управление. 2023. № 3 (62). С. 80–86. DOI: <https://dx.doi.org/10.22394/1997-4469-2023-62-3-80-86>.
2. Кочергин Д. Г. Взаимодействие образования и бизнеса в России: изменение системы координат // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2019. Т. 4, № 1. С. 90–97. DOI: <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2019-4-1-90-97>.
3. Преснякова Н. Г. Институциональная среда развития и обеспечения взаимодействия власти, бизнеса и общества в регионах нового освоения Дальнего Востока // Экономика, предпринимательство и право. 2023. Т. 13, № 9. С. 3653–3670. DOI: <https://dx.doi.org/10.18334/epp.13.9.118989>.
4. Скворцова М. А., Неумывакин В. С. Формирование образовательно-производственных кластеров в системе среднего профессионального образования как инструмент реализации региональной экономической политики // Journal of Economic Regulation. 2021. Т. 12, № 3. С. 86–104. DOI: <https://dx.doi.org/10.17835/2078-5429.2021.-12.3.086-104>.
5. Ситникова Е. В., Чапаев Н. К. Интеграция колледжей и отраслевых партнеров: опыт Китая // Инсайт. 2023. № 2 (14). С. 34–44. DOI: <http://dx.doi.org/10.17853/2686-8970-2023-2-34-44>.
6. Якимова Н. А., Милицкая В. В. Развитие механизмов государственно-частного партнерства в профессиональном образовании через отработку различных моделей интеграции производства и образования в системе СПО // Электронный научный журнал. 2019. № 6 (26). С. 88–93.
7. Матаннанов А. К., Данилова Л. И. Анализ соответствия системы среднего профессионального образования Республики Саха (Якутия) потребностям экономики региона // Проблемы современной экономики. 2023. № 3 (87). С. 223–226.

References

1. Matannanov A. K. Organizatsionno-ekonomicheskii mekhanizm upravleniya srednim professional'nym obrazovaniem v Respublike Sakha (Yakutiya): literaturnyi obzor i analiz [Organizational and economic mechanism for managing secondary vocational education in the Republic of Sakha (Yakutia): literary review and analysis]. *Region: sistemy, ekonomika, upravlenie*, 2023, no. 3 (62). pp. 80–86. (In Russ.). <https://dx.doi.org/10.22394/1997-4469-2023-62-3-80-86>.
2. Kochergin D. G. Vzaimodeistvie obrazovaniya i biznesa v Rossii: izmenenie sistemy koordinat [Partnership between the education and the business in Russia: shifting of the framework]. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: political, sociological and*

economic sciences, 2019, vol. 4, no. 1, pp. 90–97. (In Russ.).
<https://doi.org/10.21603/2500-3372-2019-4-1-90-97>.

3. Presnyakova N. G. Institutsional'naya sreda razvitiya i obespecheniya vzaimodeistviya vlasti, biznesa i obshchestva v regionakh novogo osvoeniya Dal'nego Vostoka [Institutional environment for the development and interaction of government, business and society in the new developing regions of the Far East]. *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo*, 2023, vol. 13, no. 9, pp. 3653–3670. (In Russ.).
<https://dx.doi.org/10.18334/epp.13.9.118989>.

4. Skvortsova M. A., Neumyvakin V. S. Formirovanie obrazovatel'no-proizvodstvennykh klasterov v sisteme srednego professional'nogo obrazovaniya kak instrument realizatsii regional'noi ekonomicheskoi politiki [Educational and industrial clusters in the system of secondary vocational education for implementing regional economic policy]. *Journal of Economic Regulation*, 2021, vol. 12, no. 3, pp. 86–104. (In Russ.).
<https://dx.doi.org/10.17835/2078-5429.2021.12.3.086-104>.

5. Sitnikova E. V., Chapaev N. K. Integratsiya kolledzhei i otraslevykh partnerov: opyt Kitaya [Colleges and industry partners integration: China's experience]. *Insait*, 2023, no. 2 (14), pp. 34–44. (In Russ.). <https://doi.org/10.17853/2686-8970-2023-2-34-44>.

6. Yakimova N. A., Militskaya V. V. Razvitie mekhanizmov gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v professional'nom obrazovanii cherez otrabotku razlichnykh modelei integratsii proizvodstva i obrazovaniya v sisteme SPO [Development of public-private partnership mechanisms in vocational education through the development of various models of integration of production and education in the secondary vocational education system]. *Elektronnyi nauchnyi zhurnal*, 2019, no. 6 (26), pp. 88–93. (In Russ.).

7. Matannanov A. K., Danilova L. I. Analiz sootvetstviya sistemy srednego professional'nogo obrazovaniya Respubliki Sakha (Yakutiya) potrebnyam ekonomiki regiona [Analysis of accordance of the system of secondary professional education in the Republic of Sakha (Yakutia) with the needs of the region's economy (Russia, Yakutsk)]. *Problemy sovremennoi ekonomiki*, 2023, no. 3 (87), pp. 223–226. (In Russ.).

Информация об авторах

А.К. Матаннанов – аспирант Финансово-экономического института, Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, Якутск, Республика Саха (Якутия), Российская Федерация, art_konstan@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0005-5163-4817>

Л.И. Данилова – доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и управления развитием территорий Финансово-экономического института Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, Якутск, Республика Саха (Якутия), Российская Федерация, danilari@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9388-7469>

Information about the authors

A.K. Matannanov, Postgraduate student of the Financial and Economic Institute, North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov, Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), Russian Federation, art_konstan@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0005-5163-4817>

L.I. Danilova, Doctor of Economics, Professor of the Department of Economics and Management of Territorial Development of the Financial and Economic Institute, North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov, Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), Russian Federation, danilari@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9388-7469>

Статья поступила в редакцию / The article received 12.03.2024;
одобрена после рецензирования / revised 13.08.2024;
принята к публикации / accepted 03.09.2024.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, № 3. С. 25–37.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2024. Vol. 26, no. 3. P. 25–37.

Научная статья

УДК 656.61.022.41(571.6)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2024-3/25-37>

Обоснование необходимости развития сети морских грузопассажирских перевозок между субъектами Дальневосточного федерального округа Российской Федерации

Альберт Валентинович Павлюк, Родион Олегович Максимович ✉,

Алексей Дмитриевич Кондратьев

МГИМО МИД России, Москва, Российская Федерация

✉ maksimovich.r@do-student.ru

Аннотация. Целью данной статьи является анализ транспортной системы регионов Дальневосточного федерального округа Российской Федерации и обоснование важности развития морского пассажирского транспорта для преодоления проблемы транспортной изолированности, особенно характерной для Камчатского края и Сахалинской области. В статье приведены доводы в пользу открытия морского пассажирского сообщения между регионами российского Дальнего Востока в качестве меры, направленной на увеличение и улучшение возможностей населения дальневосточных регионов перемещаться между крупнейшими административными и экономическими центрами Дальневосточного федерального округа. В качестве методологической основы исследования использовались комплексный анализ, сравнительный анализ и системный подход. Оценка состояния транспортной отрасли Дальнего Востока позволила сформировать предложение о создании отраслевого проекта для решения проблемы транспортной изолированности регионов.

Ключевые слова: Дальний Восток, Приморский край, Камчатский край, Сахалинская область, грузопассажирский транспорт, транспортная изолированность, морские перевозки

Для цитирования: Павлюк А.В., Максимович Р.О., Кондратьев А.Д. Обоснование необходимости развития сети морских грузопассажирских перевозок между субъектами Дальневосточного федерального округа Российской Федерации // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, № 3. С. 25–37.

Substantiation of the need to develop a system of maritime cargo and passenger transportation between the subjects of the Far Eastern Federal Area of the Russian Federation

Albert V. Pavlyuk, Rodion O. Maksimovich✉, Aleksey D. Kondratyev

MGIMO University, Moscow, Russian Federation

✉ maksimovich.r@do-student.ru

Abstract. The purpose of this article is to analyze the transport system of the regions of the Far Eastern Federal Area of the Russian Federation and substantiate the importance of the development of maritime passenger transport to overcome the problem of transport isolation, especially characteristic of the Kamchatka Region and the Sakhalin Region. The article presents arguments in favor of the need to open a passenger sea connection between the regions of the Russian Far East as a measure aimed at increasing and improving the opportunities of the population of the Far Eastern regions to move between the largest administrative and economic centers of the Far Eastern Federal Area. A comprehensive analysis, comparative analysis and a systematic approach were used as the methodological basis of the study. An assessment of the state of the transport industry in the Far East made it possible to form a proposal to create an industry project to address the problem of transport isolation of the regions.

Keywords: Far East, Primorsky Region, Kamchatka Region, Sakhalin Region, cargo and passenger transport, transport isolation, sea transportation

For citation: Pavlyuk A.V., Maksimovich R.O., Kondratyev A.D. Substantiation of the need to develop a system of maritime cargo and passenger transportation between the subjects of the Far Eastern Federal Area of the Russian Federation. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*, 2024, vol. 26, no. 3, pp. 25–37. (In Russ.).

Введение

Транспортная система является связующим звеном в любой отрасли, служит фундаментом развития экономики государства. Об этом в своих работах писали основоположники географии транспорта И.В. Никольский, Н.Н. Казанский, С.А. Тархов, В.Н. Бугроменко и другие ведущие экономисты и географы нашей страны [1]. Уже в 1920-е годы важность транспортного комплекса была отмечена Ф.Э. Держинским. В своём выступлении на съезде работников железнодорожного и водного транспорта он подчеркнул, что «транспорт – кровеносная система страны, база государственной власти...» [2].

Проблема транспорта всегда была характерной для российского Дальнего Востока. Это связано в первую очередь с географическими и климатическими причинами. Дальневосточный федеральный округ (ДФО) охватывает более пяти климатических поясов, омывается водами сразу двух океанов – Тихим и Северным ледовитым, а площадь его территории составляет 6 953 000 кв. км. Ключевой артерией, связывающей регионы ДФО с остальной Россией, является Транссибирская железнодорожная магистраль. В силу того, что далеко не везде можно проложить железнодорожные пути, основная масса грузоперевозок между регионами ДФО осуществляется морским и в меньшей степени – воздушным транспортом. Когда речь заходит о пассажирском транспорте, то прежде всего упоминается гражданская пассажирская авиация. Между регионами ДФО население перемещается преимущественно на воздушном транспорте.

Сегодня на Дальнем Востоке Российской Федерации в акватории северо-западной части Тихого океана развито и активно применяется грузовое, торговое и рыболовецкое судоходство. На территории Дальнего Востока действуют 22 из 67 морских портов России. Среди них особенно выделяются порты Находка, Восточный, Владивосток в Приморском крае, Петропавловск-Камчатский в Камчатском крае, Корсаков и Холмск в Сахалинской области, Ванино и Де-Кастри в Хабаровском крае, которые обеспечивают более 75% общего объема грузоперевозок на Дальнем Востоке. При этом между большинством городов Дальнего Востока отсутствует пассажирское морское сообщение. Исключение составляют паромная переправа Ванино–Холмск, связывающая транспортную сеть острова Сахалин с Хабаровским краем, а также местные паромные переправы в Приморском крае, призванные решать транспортные вопросы локального характера. Они не удовлетворяют потребности населения в транспортной обеспеченности и связях Сахалинской области и Камчатского края с Приморским краем.

Исследуя текущее положение различных видов транспорта на Дальнем Востоке, можно сделать вывод о том, что транспортная система этого региона играет важную роль в развитии внешней торговли России. В 2023 году благодаря именно пограничным перевозкам было достигнуто значительное увеличение объемов торговли, около 10% всех грузов, проходящих через пункты пропуска региона, являются внешнеторговыми. Экспортные грузы составляют около 90% от общего объема транспортировки. Важнейшими категориями экспортных грузов являются нефть, нефтепродукты, газ, уголь, черные металлы, необработанная древесина и удобрения. Среди импортных грузов преобладают продовольственные товары, машины и оборудование, черный металл, руды, концентраты, продукция нефтехимии и товары для повседневного потребления.

Согласно Национальной программе социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 года и на перспективу до 2035 года, утвержденной

распоряжением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2020 года № 2464-р, на Дальнем Востоке в целях ускорения экономического роста будут развиваться экспортно-ориентированные отрасли экономики: нефтегазохимия, авиа- и судостроение, сельское хозяйство, лесоперерабатывающая промышленность, рыболовство и аквакультура, логистика, туризм и добыча полезных ископаемых¹. Развитие большинства этих отраслей невозможно без минимальной транспортной инфраструктуры, поскольку для их функционирования необходимо обеспечить возможность беспрепятственного перемещения не только сырья и товаров, но и людей, занятых в этих отраслях.

Анализ транспортных проблем Дальнего Востока

Одной из важных особенностей морского транспорта является высокая эффективность транзитных грузоперевозок из различных регионов России и других стран по сравнению с внутренними региональными перевозками. Основная часть морских перевозок приходится на период с мая по октябрь, когда грузы доставляются по внутренним рекам и морским путям в районы Крайнего Севера с ограниченным сезоном навигации. Общая протяженность ключевых внутренних водных путей в Дальневосточном и Байкальском регионах превышает 30 тыс. км. Они играют важную роль в речной транспортной сети, особенно на северных территориях, прилегающих к бассейнам рек Лена, Амур, Индигирка, Колыма и Яна. Многие объекты инфраструктуры и гидротехнические сооружения на этих реках находятся в плохом состоянии.

Для использования транзитного потенциала Российской Федерации на территории ДФО имеются неблагоприятные условия.

1. *Высокие транспортные затраты.* Большая часть основных транспортных издержек, включенных в стоимость продукции местных предприятий, составляет значительную сумму для производителей, ограничивает рынки сбыта для такой продукции, что делает ее несостоятельной на территориях центрального и западного регионов страны. Из-за неиспользования большого транзитного потенциала России сообщения между странами Европы и АТР не происходят. Партнеры России предлагали международные проекты, в которых экономические связи между Европой и Азией планировалось развивать через другие наземные коридоры, а не через Россию.

2. *Износ ключевого оборудования.* Транспортная инфраструктура Дальнего Востока столкнулась с проблемами износа дорог, аварийностью сооружений и недостаточной безопасностью движения поездов.

¹Распоряжение Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2020 г. № 2464-р «Об утверждении Национальной программы социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 года и на перспективу до 2035 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_363186/

3. *Необходимость внедрения комплексной логистики.* Рассматриваемый регион пока не применяет инновационную систему интегрированной логистики, которая объединяет ключевые элементы транспортной, складской, таможенной и распределительной инфраструктуры. Исходя из этого развитие логистических систем на местном уровне становится актуальной задачей. Но пока в ее решении наблюдается пассивность, а качество предоставляемых услуг оставляет желать лучшего. Однако власти уже длительное время предпринимают конкретные шаги по развитию комплексной транспортной инфраструктуры. Ярким примером служит создание и реализация в 2015 году концепции Свободного порта Владивосток. Вся совокупность портовой инфраструктуры Владивостока представляет собой территорию с особыми режимами таможенного, налогового, инвестиционного и смежного регулирования в соответствии с Федеральным законом от 13 июля 2015 года «О Свободном порте Владивосток».

В Приморском крае дела с грузопассажирскими перевозками обстоят лучше, нежели в других регионах Дальнего Востока, благодаря большей численности населения на материке, более развитой инфраструктуре и непосредственной близости к Китаю – одному из важнейших торговых партнеров России. Что касается Камчатки и Сахалина, то эти ключевые геополитические регионы страны нельзя обходить стороной во всех смыслах этого слова.

Для Сахалинской области особое значение имеет развитие проекта по созданию мощного логистического хаба на базе Корсаковского морского порта. Расширение портовой территории, строительство глубоководных причалов и дноуглубительные работы в совокупности с возможностью осуществлять круглогодичную навигацию позволили бы создать здесь разворотную точку для судов Северного морского пути. В свою очередь, близость железной дороги позволяет осуществлять перевалку поставляемых грузов.

Реализация данного проекта позволит увеличить общий грузооборот порта с 1,6 млн тонн в 2019 году до 30 млн тонн к 2030 году, в том числе контейнерных перевозок – до 24 млн тонн к 2030 году.

На территории инфраструктурного объекта (Корсаковского морского порта) предлагается создать многофункциональный глубоководный транспортный хаб, включающий комплекс современных грузовых и грузопассажирских терминалов. Для реализации проекта необходимо дополнительное федеральное финансирование.

Планируется организация ещё одной паромной переправы из Александровск-Сахалинска. Это позволило бы снять нагрузку с единственной паромной переправы Ванино–Холмск, связывающей Сахалин с материком. Организация ещё одной переправы обеспечила бы транспортную связь между материком и центральной и северной частями острова, что послужило бы толчком к началу инвестирования в объекты инфраструктуры как непосредственно Александровск-Сахалинска, так и центральных и северных областей острова.

С точки зрения логистики Камчатский край – стратегически важный регион, который имеет выгодное географическое положение ввиду близости к крупным международным воздушным коридорам и морским путям, соединяющим страны Азиатско-Тихоокеанского региона. Необходимо отметить для этого существование Транссибирской магистрали от Калининграда до Владивостока. Петропавловск-Камчатский как столица края становится важнейшим перевалочным пунктом Северного морского пути, в связи с чем Правительством Российской Федерации совместно с Правительством Камчатского края планируются мероприятия по модернизации береговой транспортной инфраструктуры и портовых мощностей в Авачинской бухте для обеспечения возможности обслуживания международных и транзитных перевозок в рамках Северного морского пути. Вместе с тем в ходе выездного совещания Комитета Совета Федерации по федеративному устройству, региональной политике, местному самоуправлению и делам Севера, которое состоялось в сентябре 2020 года в Петропавловске-Камчатском, было установлено, что транспортно-логистический потенциал региона используется не в полной мере из-за ограниченного транспортного сообщения с материковой частью России. Было отмечено, что необходимо повышать транспортную доступность региона¹.

С уверенностью можно сказать, что грузовое морское судоходство на Камчатке отлажено на необходимом для обеспечения товарной и продовольственной безопасности уровне и активно развивается, поскольку морской транспорт играет ключевую роль в обеспечении Камчатского края практически всей номенклатурой товаров. Около 70% всего грузооборота в крае осуществляется морским транспортом [3]. Однако пассажирское транспортное сообщение остается ограниченным, единственным средством связи гражданского населения с материком остается авиация. Строительство автомобильных дорог в северных территориях Камчатского края представляется чрезмерно затратным и трудно реализуемым из-за географических, сейсмических и климатических причин, поэтому сеть автодорог данного региона отрезана от общероссийской материковой. Железные дороги на Камчатке отсутствуют по тем же причинам. Поэтому единственно возможным способом добраться до любых других городов и населенных пунктов России, а в первую очередь до Москвы, Владивостока и Хабаровска, с которыми налажены важнейшие для региона торговые и административные связи, остается гражданская авиация. Важно отметить, что регулярное

¹Российская Федерация. Совет Федерации. Комитет Совета Федерации по федеративному устройству, региональной политике, местному самоуправлению и делам Севера. Решение: Утверждено на заседании Комитета Совета Федерации по федеративному устройству, региональной политике, местному самоуправлению и делам Севера 19 октября 2020 года // Комитет Совета Федерации по федеративному устройству, региональной политике, местному самоуправлению и делам Севера: официальный сайт. Москва. URL: <http://region.council.gov.ru/>

пассажирское морское сообщение с другими регионами не организовано. Такое положение дел вынуждает говорить о транспортной изолированности Камчатского края.

Обеспечение транспортной доступности для удаленных и труднодоступных районов напрямую зависит от состояния и качества авиационной инфраструктуры. При этом цены на авиаперевозки достаточно высоки по сравнению с ценами на внутренние авиаперевозки в центральной части России. Зачастую поездки за пределы региона воздушным транспортом бывают весьма труднодоступными для населения Дальнего Востока. Авиакомпании предоставляют льготы и специальные программы для определенных категорий граждан, имеющих регистрацию на Дальнем Востоке. Однако этих мер недостаточно, чтобы говорить о повышении доступности авиабилетов, к тому же авиакомпаниям, несмотря на субсидирование авиаперелетов, не готовы по финансовым причинам снижать стоимость своих услуг. Обслуживание самолетов, рейсов, закупка и транспортировка топлива, обеспечение инфраструктуры аэропортов и аэродромов обходятся авиакомпаниям и службам аэровокзалов дороже, чем крупным морским парокходствам Дальнего Востока (FESCO, KASCO, PRISCO) обслуживание судов и портовой инфраструктуры. Надо отметить, что функционирование воздушного транспорта обходится дорого как государству и авиакомпаниям, так и населению. Поэтому морское пассажирское сообщение может стать отчасти альтернативой воздушному транспорту. Добираться «морем» дольше по времени, однако менее затратно в материальном и финансовом выражении. Определенная доля населения регионов Дальнего Востока смогла бы воспользоваться услугами морского пассажирского транспорта.

Проектное решение транспортных проблем

Одномоментно решить все проблемы, связанные с транспортом, на Камчатке и Сахалине невозможно, так как необходим комплекс мер по развитию транспортной доступности по разным видам транспорта. Однако в качестве одного из вариантов решения проблемы транспортной изолированности Камчатки и Сахалина и их зависимости от средств авиации предлагается разработка и реализация проекта по организации морского пассажирского сообщения между Камчатским краем, Приморским краем и Сахалинской областью с использованием грузопассажирских судов.

Чтобы подчеркнуть важность реализации такого проекта, приведем основные направления развития пассажирских перевозок водным транспортом, которые указаны в Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года¹: 1) содействие в поддержании деятельности морских пассажирских линий с учетом социально-экономических факторов; 2) содействие в организа-

¹Распоряжение Правительства Российской Федерации от 27 ноября 2021 г. № 3363-р «Об утверждении Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года» // Собрание законодательства Российской Федерации.

ции перевозок водным транспортом с учетом социально-экономических факторов и показателей транспортной доступности; 3) содействие развитию и поддержанию деятельности морских пассажирских терминалов, обслуживающих в том числе круизные перевозки. По таким направлениям целесообразно реализовывать проект пассажирского морского судоходства. Важно отметить, что развитие пассажирской портовой инфраструктуры необходимо проводить синхронно с планами развития пропускных способностей пунктов пропуска через государственную границу Российской Федерации и обеспечением их деятельности трудовыми ресурсами и техническими средствами.

Российская Федерация успешно наращивает такелажный флот грузопассажирских судов на Дальнем Востоке. Президент Российской Федерации принял решение о необходимости строительства морского пассажирского судна для Камчатки, поддержав инициативу губернатора Камчатского края. На судостроительном заводе им. Б.Е. Бутомы в Керчи в рамках государственной целевой программы «Развитие транспортной системы Российской Федерации» подходит к концу строительство парома ледового класса «Петропавловск» типа CNF22, который сможет перевозить до 150 пассажиров, до 78 легковых и грузовых автомобилей, а также 20 и 40-футовые контейнеры международного стандарта. Длина судна составляет 119 м, ширина – 17,5 м. Экипаж судна и обслуживающий персонал – 48 человек. Внутреннее обустройство судна включает в себя двухместные каюты, комнаты матери и ребенка, столовую, прачечную и кабинет врача.

В конце 2022 года практически готовое судно было отбуксировано к причалу Новороссийского судоремонтного завода для достройки. На данный момент судно еще не готово к эксплуатации, и по заявлению губернатора Камчатского края Владимира Солодова дата сдачи судна перенесена на 2024 год¹.

Проект данного судна (стоимостью 3,1 млрд рублей) был разработан Морским инженерным бюро, расположенным в Санкт-Петербурге. Позже стоимость проекта была увеличена до 3,8 млрд рублей. Планируется, что количество рейсов, совершаемых судном, будет увеличиваться с каждым открытием навигации². Основной район эксплуатации судна – Японское, Охотское, Берингово моря, а также прилегающие акватории Тихого океана.

Поскольку полуостров Камчатка находится в зоне постоянного влияния штормов и циклонов Тихого океана, пассажирское судно паромного типа должно быть

URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_402052/

¹Информационное агентство «Восток России». [Хабаровск], 2023. URL: <https://www.eastrussia.ru/>

²Правительство Камчатского края: официальный сайт, раздел Новости и события. Петропавловск-Камчатский. URL: <https://kamgov.ru/news/v-kerchi-prosla-torzestvennaa-zak-ladka-kila-gruzopassazirskogo-sudna-kotoroe-svazet-kamcatku-s-dalnevostocnymi-portami-28971>

приспособлено к работе в камчатских климатических условиях. К числу основных требований, предъявляемых к характеристикам судна, относятся: 1) способность к маневрированию и удержанию курса с заданной скоростью на глубокой воде в открытом море в условиях ураганных ветров и штормового волнения; 2) повышенная устойчивость при качке, стабилизация корпуса, глубокий киль, высокие борта; 3) прохождение заданных океанских маршрутов в акваториях Камчатки, Приморья, Сахалина, Курильских островов в любых гидрометеорологических или особых навигационных условиях; 4) обладание свойством автоматического приведения судна на безопасный курс носом на волну при потере хода.

Помимо этого, в октябре 2022 года в морской порт Петропавловска-Камчатского пришло грузопассажирское судно проекта NE020.2 «Анатолий Чернеев», которое выполняет транспортные перевозки в пределах региона. Данное судно пассажироместимостью 36 человек оснащено судовым стационарным краном стрелового типа для осуществления погрузки-разгрузки 20-футовых контейнеров (в том числе рефрижераторных). Технические характеристики судна позволяют осуществлять грузопассажирские перевозки и по более дальним рейсам: до Владивостока, Находки, Корсакова (о. Сахалин), Северо-Курильска. А пока внутренние линии между населенными пунктами края представляются более востребованными, нежели межрегиональные перевозки, так как во флоте Камчатского края имеется только одно такое судно.

Морское инженерное бюро спроектировало также еще четыре новых судна, которые уже строятся на разных верфях: два автомобильно-железнодорожных парома для линии Ванино–Холмск (проект CNF11CPD) – на Амурском судостроительном заводе; два грузопассажирских судна для Сахалина (проект PV22) – на Невском судостроительно-судоремонтном заводе. Данные суда должны обладать совершенно разными характеристиками в силу разных климатических, штормовых, ветро-волновых и ледовых условий в разных регионах Дальнего Востока, а также из-за разных пассажиропотоков и разного сопряжения с другими видами транспорта. По этим причинам грузопассажирские суда в указанных регионах будут различаться по своим характеристикам. Этот аспект является сдерживающим фактором для создания единой системы паромных грузопассажирских линий между субъектами Дальнего Востока, поскольку различные и по-своему суровые океанские условия в разных районах ДФО затрудняют разработку и строительство судна, которое могло бы выдерживать разные штормовые условия в неодинаковых водах. Инженеры Морского инженерного бюро в Санкт-Петербурге и судостроители Керченской верфи им. Б.Е. Бутумы реализовывают проект паромного судна «Петропавловск» для Камчатского края с учётом климатических и штормовых условий всех акваторий, в которых будет работать судно.

Стоит отметить, что акцент делается на разработке более совершенных транспортных средств, что способствует повышению эффективности грузоперевозок и

уровня безопасности морских перемещений. А именно: оптимальность маршрута, синхронизация передвижения грузов, интеграция средств передвижения, управление запасами, контроль качества услуг и оптимизация затрат. Сегодня в сферу грузоперевозок активно внедряется концепция объединения производственных и транспортных процессов на основе современных принципов транспортной логистики. Для этого необходимо создать современную систему управления транспортировками, которая будет использовать технологии спутниковой навигации ГЛОНАСС и цифровые средства передачи и обработки информации. По прогнозам экспертов, к 2025 году объем транспортировок увеличится в полтора раза.

Польза проекта

Помимо того, что открытие межрегиональных морских пассажирских перевозок может отчасти заменить более дорогостоящие воздушные перевозки, у проекта множество положительных экономических, деловых и стратегических аспектов.

Во-первых, проект способствует улучшению транспортной доступности Камчатского края и Сахалинской области, так как открывает населению обоих регионов новый, более дешевый способ добраться до Большой земли. Транспортная изолированность Сахалина и особенно Камчатки снижается, так как повышается возможность включения обоих регионов в единую транспортную сеть Российской Федерации.

Во-вторых, проект способствует развитию как внутренней межрегиональной торговли, так и торговли со странами самого большого в мире и быстрорастущего рынка Азиатско-Тихоокеанского региона. Дальний Восток является ключевым регионом страны с учетом перспектив развития экономического партнерства с КНР. На долю дальневосточных субъектов приходится половина внешнеторгового оборота России со странами Азии [4]. Очевидно, что без совершенствования транспортно-логистической системы развивать торговлю в рамках такого крупного региона, как российский Дальний Восток, невозможно. Открытие регулярного паромного сообщения позволит гражданам, ведущим бизнес, связанный с межрегиональной и даже международной торговлей, более свободно и за меньшие деньги перемещаться между городами ДФО. Камчатские и сахалинские коммерсанты и предприятия малого и среднего бизнеса смогут открыть для себя новый способ доставки китайских товаров из Владивостока в свои регионы. Новый транспортный маршрут активизирует коммерческую деятельность, связанную с закупкой товаров широкого потребления (как отечественных, так и зарубежных) на материке и их реализацией на Сахалине и Камчатке. Это оживит экономическую деятельность в части межрегиональной торговли и частного бизнеса.

В-третьих, благодаря новым транспортным маршрутам повысится товарооборот на Дальнем Востоке в целом и в частности между тремя его регионами. Ключевое

расположение в естественном транспортном коридоре между Азией и Европой способствует тому, что Камчатка и Сахалин после открытия сети паромных перевозок получают более простой доступ ко всей номенклатуре товаров, поступающих из Китая в первую очередь во Владивосток. В то же время товары с Сахалина и Камчатки смогут отправляться на экспорт через Владивосток в другие регионы страны либо в другие страны (в данном случае в Китай) по новому транспортному маршруту. Речь идет о негабаритных или малогабаритных товарах легкой промышленности, которые в определенном количестве будет возможно перевозить на паромных судах.

В-четвертых, принимая во внимание взятый недавно курс Правительства России, а также губернатора Камчатского края на развитие Камчатки как туристического направления для россиян, стоит отметить туристический и экономический потенциал проекта. По сути проект предполагает открытие нового (в том числе туристического) маршрута в водах Тихого океана в акваториях камчатского побережья, Курильской гряды, Приморья и острова Сахалин. Это принципиально новое для России туристическое направление.

Таким образом, проект открытия регулярных морских пассажирских перевозок между субъектами Российской Федерации на Дальнем Востоке имеет высокую экономическую, стратегическую и туристическую обоснованность. Паромное сообщение отчасти решает проблему транспортной изолированности Камчатского края и Сахалинской области, укрепляет экономические, деловые и административные связи регионов, являясь альтернативным способом перемещения между регионами, обладающими схожими экономическими потенциалами.

Список источников

1. Никольский И. В. География транспорта СССР. М.: МГУ, 1978. 285 с.
2. История железнодорожного транспорта России и Советского Союза. Т. 2: 1917–1945 гг. СПб., 2007. 416 с., ил.
3. Ильницкий И. А., Тонюк В. И. Анализ и перспективы паромных и грузопассажирских сообщений на российском Дальнем Востоке // Труды Крыловского государственного научного центра. 2020. Специальный выпуск 2. С. 205–211.
4. Беляков Р. С. Текущее состояние и перспективы модернизации транспортной системы Дальнего Востока // *Universum: Экономика и юриспруденция: электрон. научн. журн.* 2018. № 6 (51). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tekuschee-sostoyanie-i-perspektivy-modernizatsii-transportnoy-sistemy-dalnego-vostoka/viewer>

Библиографический список

5. Бардаль А. Б. Транспортный комплекс Дальнего Востока: тенденции развития и роль в экономике // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз.* 2018. Т. 11, № 2. С. 24–36. DOI: 10.15838/esc.2018.2.56.2

6. Вишнеvский Д. С., Демьяненко А. Н. Дальний Восток России: макроэкономическое зонирование // Известия русского географического общества. 2011. Т. 143, № 4. С. 1–11.

7. Заостровских Е. А. Освоение северных территорий Дальнего Востока морским транспортом // Региональные проблемы. 2022. Т. 25, № 4. С. 41–45. DOI: 10.31433/-2618-9593-2022-25-4-41-45.

References

1. Nikolsky I. V. Geografiya transporta SSSR [Geography of transport of the USSR]/ Moscow: Moscow State University, 1978. 285 p. (In Russ.).

2. Istoriya zheleznodorozhnogo transporta Rossii i Sovetskogo Soyuz. T. 2: 1917–1945 gg [History of railway transport in Russia and the Soviet Union. Vol. 2: 1917–1945]. St. Petersburg, 2007. 416 p., ill. (In Russ.).

3. Ilnitsky I. A., Tonyuk V. I. Analiz i perspektivy paromnykh i gruzo-passazhirskikh soobshchenii na rossiiskom Dal'nem Vostoke [Analysis and prospects of ferry and cargo-passenger communications in the Russian Far East]. *Trudy Krylovskogo gosudarstvennogo nauchnogo tsentra*, 2020, Spetsial'nyi vypusk 2, pp. 205–211. (In Russ.).

4. Belyakov R. S. Tekushchee sostoyanie i perspektivy modernizatsii transportnoi sistemy Dal'nego Vostoka [The current state and prospects of modernization of the transport system of the Far East]. *Universum: Ekonomika i yurisprudentsiya*, 2018, no. 6 (51). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tekushee-sostoyanie-i-perspektivy-modernizatsii-transportnoy-sistemy-dalnego-vostoka/viewer>. (In Russ.).

5. Bardal A. B. Transportnyi kompleks Dal'nego Vostoka: tendentsii razvitiya i rol' v ekonomike [Transport system of the Far East: development trends and role in the economy]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*, 2018, vol. 11, no. 2, pp. 24–36. DOI: 10.15838/esc.2018.2.56.2. (In Russ.).

6. Vishnevsky D. S., Demyanenko A. N. Dal'nii Vostok Rossii: makroekonomicheskoe zonirovaniye [The Russian Far East: macroeconomic zoning]. *Izvestiya russkogo geograficheskogo obshchestvo*, 2011, vol. 143, no. 4, pp. 1–11. (In Russ.).

7. Zaostrovskikh E. A. Osvoenie severnykh territorii Dal'nego Vostoka morskim transportom [Development of the northern territories of the Far East by sea transport]. *Regional'nye problem*, 2022, vol. 25, no. 4, pp. 41–45. DOI: 10.31433/2618-9593-2022-25-4-41-45. (In Russ.).

Информация об авторах

А.В. Павлюк – кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного управления Факультета управления и политики МГИМО МИД России, Москва, Российская Федерация; член Экспертного совета по цифровой трансформации финансового рынка и новым финансовым технологиям при Комитете Государственной Думы

Российской Федерации по финансовому рынку, albert.pavlyuk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7964-3241>, Researcher ID: G-4047-2016

Р.О. Максимович – студент 3 курса Факультета управления и политики МГИМО МИД России, Москва, Российская Федерация, maksimovich.r@do-student.ru, <https://orcid.org/0009-0006-4249-5154>

А.Д. Кондратьев – студент 3 курса Факультета управления и политики МГИМО МИД России, Москва, Российская Федерация, a.d.kondratyev@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-6721-1136>

Information about the author

A.V. Pavlyuk, Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Public Administration at the School of Governance and Politics, MGIMO University, Moscow, Russian Federation; member of the Expert Council on Digital Transformation of the Financial Market and New Financial Technologies at the State Duma Committee on the Financial Market of the Russian Federation, albert.pavlyuk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7964-3241>, Researcher ID: G-4047-2016

R.O. Maksimovich, a 3rd year student of the School of Governance and Politics, MGIMO University, Moscow, Russian Federation, maksimovich.r@do-student.ru, <https://orcid.org/0009-0006-4249-5154>

A.D. Kondratyev, a 3rd year student of the School of Governance and Politics, MGIMO University, Moscow, Russian Federation, a.d.kondratyev@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-6721-1136>

Статья поступила в редакцию / The article received 23.05.2024;
одобрена после рецензирования / revised 13.08.2024;
принята к публикации / accepted 03.09.2024.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, № 3. С. 38–54.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2024. Vol. 26, no. 3. P. 38–54.

Научная статья

УДК 354.45(470+571):339.92

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2024-3/38-54>

Оптимизация внешней политики Министерства строительства РФ: от СНГ к ЕАЭС и БРИКС

Дмитрий Семенович Белкин

Славяно-Греко-Латинская Академия, Москва, Российская Федерация

✉ dmitryb81@gmail.com

Аннотация. Исследование затрагивает важность международного взаимодействия Министерства строительства РФ в контексте глобальной интеграции и регионального сотрудничества. Цель исследования заключается в анализе текущей ситуации в рамках международного взаимодействия Министерства строительства РФ и предложении возможных путей оптимизации этого взаимодействия. В работе используется комплексный подход, включающий анализ исторического контекста, сравнительный анализ, а также методы количественного и качественного исследования. Результаты исследования показывают, что оптимальным для Министерства строительства РФ может стать переориентация от взаимодействия с СНГ к сотрудничеству с БРИКС и ЕАЭС.

Данное исследование представляет собой первую попытку систематического анализа внешней политики Министерства строительства РФ с точки зрения его взаимодействия с международными организациями. Результаты исследования могут быть использованы в процессе формирования стратегии внешней политики Министерства строительства РФ, а также в процессе принятия решений на уровне государственного управления.

Ключевые слова: Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации, ЕАЭС, БРИКС, ЭСКАТО, международное сотрудничество, международные организации, стратегии развития строительной отрасли, стратегии развития жилищно-коммунального хозяйства

Для цитирования: Белкин Д.С. Оптимизация внешней политики Министерства строительства РФ: от СНГ к ЕАЭС и БРИКС // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, № 3. С. 38–54.

Original article

Optimizing the foreign policy of the Ministry of Construction of the Russian Federation: from CIS to EAEU and BRICS

Dmitry S. Belkin

Slavic-Greek-Latin Academy, Moscow, Russian Federation

✉ dmitryb81@gmail.com

Abstract. The study addresses the importance of international cooperation of the Ministry of Construction of the Russian Federation in the context of global integration and regional cooperation. The goal of the study is to analyze the current situation within the international cooperation of the Ministry of Construction of the Russian Federation and propose possible ways to optimize this interaction. The research employs a comprehensive approach including historical context analysis, comparative analysis, as well as quantitative and qualitative research methods. The results of the research suggest that it may be optimal for the Ministry of Construction of the Russian Federation to redirect its efforts from interaction with the CIS towards cooperation with BRICS and EAEU. This study represents the first attempt to systematically analyze the foreign policy of the Ministry of Construction of the Russian Federation in terms of its interaction with international organizations. The results of the study can be used in the process of forming the foreign policy strategy of the Ministry of Construction of the Russian Federation and in decision-making at the level of state governance.

Keywords: Ministry of Construction, Housing and Utilities of the Russian Federation, EAEU, BRICS, ESCAP, international cooperation, international organizations, development strategies for the construction industry, housing and communal services development strategies

For citation: Belkin D.S. Optimizing the foreign policy of the Ministry of Construction of the Russian Federation: from CIS to EAEU and BRICS. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*, 2024, vol. 26, no. 3, pp. 38–54. (In Russ.).

В Российской Федерации функционирует специализированный орган исполнительной власти – Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства. Согласно Положению об этом министерстве, указанному в статье 5.4.72, одной из функций Министерства является «взаимодействие в установленном порядке с органами государственной власти иностранных государств и международными организациями в установленной сфере деятельности Министерства»¹.

¹Постановление Правительства Российской Федерации от 18.11.2013 № 1038 (ред. от 13.05.2021) «О Министерстве строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации». URL: <https://minstroyrf.gov.ru/docs/465/>

В соответствии с информацией, полученной с официального сайта Министерства строительства РФ в разделе «Международное сотрудничество», можно выделить следующие международные организации [1]:

- 1) Программа Организации Объединенных Наций по населенным пунктам (ООН-Хабитат);
- 2) Комитет Европейской экономической комиссии Организации Объединенных Наций (ЕЭК ООН) по городскому развитию, жилищному хозяйству и землепользованию, базирующийся в Женеве, Швейцарская конфедерация;
- 3) Экономическая и социальная комиссия для Азии и Тихого океана (ЭСКАТО), с штаб-квартирой в Бангкоке, Королевство Таиланд;
- 4) Организация Объединенных Наций по промышленному развитию (ЮНИДО), с центром в Вене, Австрийская Республика;
- 5) Объединение Бразилии, России, Индии, Китая и Южной Африки (БРИКС);
- 6) Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) с штаб-квартирой в Джакарте, Республика Индонезия;
- 7) Форум «Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество» (АТЭС), базирующийся в Сингапуре, Республика Сингапур;
- 8) Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР);
- 9) Евразийский экономический союз (ЕАЭС);
- 10) Межправительственный совет по сотрудничеству в строительной деятельности (МПС);
- 11) Форум Азия–Европа (АСЕМ).

Все эти организации играют значимую роль в контексте международного сотрудничества в области строительства и жилищно-коммунального хозяйства, а взаимодействие с ними является важной частью работы Министерства строительства Российской Федерации.

Исследуя официальные документы указанных организаций и анализируя их совместные мероприятия с Министерством строительства РФ, автор пришел к следующим выводам.

Исполнительное бюро ООН-ХАБИТАТ в Москве было учреждено в 1989 году в соответствии с Меморандумом о взаимопонимании Центра ООН по населенным пунктам (ООН-Хабитат) и Государственного комитета СССР по архитектуре и градостроительству [2]. Взаимодействие Министерства строительства РФ с ООН-Хабитат фактически приостановлено, так как последние контакты были установлены в рамках рабочего визита в Кению бывшего главы Минстроя России Владимира Якушева 27 мая 2019 года [3]. ООН-Хабитат играет важную роль в помощи развивающимся странам по улучшению городского развития и управления, например, в области землепользования и конфликтов, устойчивости, сокращения масштабов нищеты и га-

рантий владения в Кении, Непале, Уганде, Замбии [4]. Тем не менее в свете технологического развития России ее взаимодействие с мировым сообществом в рамках ЭКОСОС, особенно с развитыми странами, становится все более важным. В этом контексте сотрудничество с ООН-Хабитат может быть воспринято как обременение, поскольку оно не предлагает технологического обмена или возможностей для инноваций, которые могут быть получены от взаимодействия с более развитыми странами. В то же время продолжение сотрудничества с ООН-Хабитат может быть важным для поддержания имиджа России как одного из центров силы и регионального лидера, помогающего менее развитым странам. Таким образом, с точки зрения стратегического позиционирования, вероятно, стоит пересмотреть подход к взаимодействию с ООН-Хабитат, учитывая возможность подчеркнуть роль России как ключевого игрока в международном сообществе.

Европейская экономическая комиссия Организации Объединенных Наций (ЕЭК ООН) была создана Экономическим и социальным советом ООН в 1947 году и в 1951 году приобрела статус постоянного органа ООН [5]. Она является одной из пяти региональных комиссий Экономического и социального совета ООН (ЭКОСОС) наряду с четырьмя другими региональными комиссиями: Экономической и социальной комиссией для Азии и Тихого океана (ЭСКАТО), Экономической и социальной комиссией для Западной Азии (ЭСКЗА), Экономической комиссией для Африки (ЭКА), Экономической комиссией для Латинской Америки и Карибского бассейна (ЭКЛАК). ЕЭК ООН не ограничена Европейским регионом и включает страны Закавказья и Средней Азии, а также США, Канаду и Израиль. Россия была членом ЕЭК ООН с 28 марта 1947 года как правопреемник СССР. В рамках комиссии действует Комитет по городскому развитию, жилищному хозяйству и землепользованию [6], что предоставляет возможности для обмена опытом в области строительства. Последние контакты Министерства строительства и ЖКХ РФ с ЕЭК ООН отмечены в рамках 82-й сессии Комитета по градостроительству, жилищному хозяйству и землепользованию (КГЖХЗ), проходившей в Женеве (Швейцария) с 6 по 8 октября 2021 года. Заместитель Минстроя РФ Никита Сташишин принял в ней участие в онлайн-формате [7]. Однако следует отметить, что Правительством Российской Федерации было принято решение о невыплате российского добровольного взноса в ЕЭК ООН за 2022 год [8]. Этот факт подчеркивает сложность и многогранность взаимоотношений России и ЕЭК ООН и необходимость более тщательного анализа потенциала данного сотрудничества для реализации стратегических целей Министерства строительства и ЖКХ РФ.

Как упомянуто выше, ЭКОСОС включает в себя пять региональных комиссий, и в Азиатско-Тихоокеанском регионе действует Экономическая и социальная комиссия ООН для Азии и Тихого океана – ЭСКАТО (до 1974 года известная как Экономическая комиссия ООН для Азии и Дальнего Востока – ЭКАДВ). Субрегиональный

офис ЭСКАТО, расположенный в Казахстане, включает девять членов, среди которых и Россия [9]. В свете представленных выше фактов можно предположить, что для России с учетом текущей международной ситуации и направления ее внешней политики может быть актуальным сотрудничество с Экономической и социальной комиссией ООН для Азии и Тихого океана (ЭСКАТО) вместо Европейской экономической комиссии ООН (ЕЭК ООН). Но на момент написания статьи (май 2023 года) упоминаний об активном сотрудничестве Министерства строительства РФ с ЭСКАТО на официальном сайте Министерства нет. Важным моментом является отсутствие в рамках ЭСКАТО Комитета по городскому развитию, жилищному хозяйству и землепользованию, который входит в ЕЭК ООН. В этом контексте предложение о создании аналогичного комитета в рамках ЭСКАТО может быть рассмотрено как перспективное направление для дальнейшего развития взаимодействия. Учитывая прекращение сотрудничества с ЕЭК ООН и международную ситуацию, особенно при наличии санкций против России со стороны некоторых западных стран, а также тот факт, что многие азиатские страны сохраняют нейтралитет или проявляют положительное отношение к России, Министерству строительства РФ, видимо, стоит рассмотреть возможность более активного сотрудничества с ЭСКАТО, включая инициацию создания Комитета по городскому развитию, жилищному хозяйству и землепользованию в его структуре.

Организация Объединённых Наций по промышленному развитию (ЮНИДО) является специализированным учреждением ООН. Её миссия, определенная в Лимской декларации, принятой на 15-й сессии Генеральной конференции ЮНИДО в 2013 году, заключается в содействии и ускорении инклюзивного и устойчивого промышленного развития в государствах-членах, а также в продвижении международного промышленного сотрудничества. В России взаимодействие с ЮНИДО осуществляется через Центр международного промышленного сотрудничества ЮНИДО, история которого начинается с декабря 1989 года. Тогда вступили в законную силу соглашения, подписанные в Венском международном центре генеральным директором ЮНИДО Д. Сиазоном и заместителем председателя Совета министров СССР Н.П. Лаверовым. Они заключали Соглашение о Центре международного промышленного сотрудничества ЮНИДО в России и Соглашение о целевом фонде. Центр международного промышленного сотрудничества в России является подразделением ЮНИДО, который занимается мобилизацией инвестиционных ресурсов для реализации различных промышленных инвестиционных проектов в Российской Федерации. Он делает это путем создания совместных предприятий, передачи технологий, технологического ноу-хау, маркетингового опыта, организационной поддержки и других форм бизнес-партнерства. После того, как Российская Федерация перешла в категорию стран-доноров (ежегодно внося в Фонд промышленного развития ЮНИДО сумму в размере 2,6 млн долларов США), основной акцент в сотрудни-

честве стал делаться на реализации проектов, направленных на поддержку и развитие промышленного сектора. Это включает внедрение международных стандартов в области образования, энергоэффективности, экологии, водопользования, привлечение инвестиций в экономику страны, сохранение и защиту окружающей среды, создание эффективных механизмов переработки опасных отходов, а также выполнение обязательств России в рамках международных протоколов и конвенций (Монреальский протокол, Стокгольмская конвенция, Базельская конвенция и др.) [10]. Одним из проектов, позволяющих России получить новые технологии, является Проект ЮНИДО/ГЭФ — Минприроды России. Этот проект предусматривает процесс передачи передовых технологий для производителей пеноматериалов и холодильной техники, имеющих производственные мощности в России [11]. Таким образом, сотрудничество России с ЮНИДО не только способствует обмену технологическими новшествами и промышленному сотрудничеству, но и обеспечивает выполнение важных международных обязательств по экологии и устойчивому развитию. С другой стороны, необходимо учитывать, что организация ЮНИДО была создана в 1966 году с целью помочь развивающимся странам в ускорении их процесса индустриализации. Это был период активной деколонизации, и многие новые независимые государства столкнулись с необходимостью быстро развивать у себя промышленные секторы, чтобы обеспечить экономическую самостоятельность и улучшить уровень жизни своих граждан. Россия как страна, имеющая долгую историю промышленного развития и обладающая широким спектром высокотехнологичных отраслей, отличается от типичной целевой аудитории ЮНИДО. Скорее Россия может быть рассмотрена как партнер или донор для ЮНИДО, помогающая другим странам в их процессе индустриализации. В этом контексте участие России в ЮНИДО имеет больше общего с ее внешнеполитическими и имиджевыми целями, чем с конкретной потребностью в технологической помощи. Подобно ООН-ХАБИТАТ, организация может служить важной площадкой для демонстрации роли России как глобального игрока и донора в области промышленного развития. Однако, учитывая текущие внешнеполитические обстоятельства и ограничения, связанные с санкциями, а также специфику задач, стоящих перед Министерством строительства РФ, участие в ЮНИДО не может и не должно быть рассмотрено как основной вектор работы Минстроя на международной арене. Более важными для Минстроя могут стать другие формы международного сотрудничества, которые более тесно связаны с его основными функциями и задачами.

БРИКС – это ассоциация пяти крупнейших развивающихся экономик мира: Бразилии, России, Индии, Китая и Южной Африки. Этот формат был предложен в 2001 году вице-президентом компании Goldman Sachs Джимом О'Ниллом в его докладе, где он выделил группу стран с наиболее быстрорастущими экономиками, которые будут играть ключевую роль в мировой экономике 21 века. Первые формальные

встречи на уровне глав государств в формате БРИК (без Южной Африки) начались в 2006 году, а в 2010 году к ассоциации присоединилась Южная Африка, и группа стала известна как БРИКС. Россия сыграла важную роль в формировании этого альянса. Президент России Владимир Путин активно участвовал в обсуждении идеи создания такого сотрудничества и поддерживал её, видя в БРИКС инструмент для содействия многополярному мировому порядку и обеспечения более справедливого и сбалансированного международного взаимодействия. Сегодня БРИКС отражает новую геополитическую реальность, где сила и влияние распределены между несколькими центрами вместо одного доминирующего. Это не просто альтернатива западно-центрической модели, это группа стран, которые стремятся развивать сотрудничество на основе взаимного уважения, равноправия и взаимной выгоды. Для России БРИКС является ключевым инструментом в сфере продвижения своих интересов на международной арене и развития своей экономики. В этом контексте на Министерство строительства Российской Федерации возлагается важная роль в использовании возможностей, которые предоставляет БРИКС. Отдельно необходимо обратить внимание на Новый банк развития, который был создан в 2014 году главами государств-членов БРИКС в целях мобилизации ресурсов для инфраструктурных и устойчивых проектов развития в странах БРИКС и других развивающихся экономиках. Это новый механизм финансирования поддерживает ряд важных проектов, в том числе в сфере строительства и инфраструктуры, что является ключевой зоной ответственности Минстроя РФ. Когда в марте 2022 года Банк развития БРИКС приостановил транзакции в России, это оказало влияние на финансирование инфраструктурных проектов, включая те, что контролируются Минстроем РФ [12]. Однако в апреле 2023 года, после вступления в должность президента банка Дилмы Руссефф, было принято решение возобновить государственное финансирование инфраструктурных проектов. Это привело к запуску в эксплуатацию нового магистрального водовода в поселке Пыра городского округа Дзержинск в мае 2023 года, проект был реализован на средства банка БРИКС [13]. Мы считаем, что создание департамента Нового банка развития в Минстрое позволит более эффективно взаимодействовать с этим банком, формулировать и предоставлять проекты для финансирования, а также следить за их выполнением. Это даст Минстрою возможность более активно участвовать в международном сотрудничестве в рамках БРИКС, получая доступ к финансированию для важных строительных проектов и внося свой вклад в развитие строительной отрасли в России.

Таким образом, участие в БРИКС и внедрение его инструментов, таких как Новый банк развития, должно стать одним из ключевых векторов работы Минстроя РФ на международной арене. В то время, как другие международные организации могут быть подвержены влиянию политических санкций или других ограничений, БРИКС предоставляет стабильную и надежную платформу для сотрудничества и развития.

Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) была основана 8 августа 1967 года в Бангкоке. Изначально в ее состав входили пять государств: Индонезия, Малайзия, Филиппины, Сингапур и Таиланд. Позже АСЕАН расширилась, приняв в 1984 году Бруней, в 1995 году Вьетнам, в 1997 году Лаос и Мьянму, в 1999 году Камбоджу. Статус наблюдателя на текущий момент имеют Папуа-Новая Гвинея и Восточный Тимор. Полноформатными диалоговыми партнерами АСЕАН являются многие ведущие страны и объединения, включая Россию. АСЕАН и Россия активно сотрудничают в области энергетики. Постоянный представитель Российской Федерации при АСЕАН Евгений Загайнов отметил, что обе стороны завершают согласование рабочего плана в области энергетики [14]. Это может открыть новые возможности для российских компаний в области энергетики в Юго-Восточной Азии. Последние известные данные о взаимодействии Минстроя РФ с АСЕАН относятся к марту 2019 года, когда в Калуге на международном форуме «Умный город. Инструкция по применению» прошло заседание с участием представителей шести стран-участников АСЕАН и МИД России и Минэкономразвития России [15]. Бизнес-миссия SK Global Camp 2023, организованная «Сколково», также заслуживает внимания. Она нацелена на выход российских инновационных компаний на рынок АСЕАН. Среди участников уже зарегистрированы такие резиденты, как «Гринбар», «Геоскан», «Теквел Парк» и «Джемс Девелопмент» [16]. Это свидетельствует о значительном потенциале для сотрудничества между Россией и странами АСЕАН в области инноваций и технологий. Тем не менее для Минстроя РФ важно сосредоточиться на эффективном взаимодействии с этими странами через БРИКС или ЭСКАТО. Распределение ресурсов и внимания между множеством международных организаций может привести к недостатку концентрации и меньшей эффективности в реализации ключевых проектов и стратегий. В то же время в рамках БРИКС или ЭСКАТО, где Россия является полноправным членом, Минстрой РФ может рассчитывать на более активное и взаимовыгодное участие в проектах и инициативах.

Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС) – это международный консультативный орган, сформированный 21 экономикой Азиатско-Тихоокеанского региона для сотрудничества в области региональной торговли, облегчения и либерализации капиталовложений. Россия присоединилась к АТЭС в 1998 году. Уникальной чертой АТЭС является отсутствие формального устава, что делает его более гибким форумом для обсуждения и реализации инициатив. В 2012 году саммит АТЭС проходил в России, во Владивостоке на острове Русский. Это было знаковым событием, подчеркивающим активное участие России в экономическом сотрудничестве Азиатско-Тихоокеанского региона. Министерство строительства и ЖКХ РФ (Минстрой РФ) активно участвовало в мероприятиях АТЭС. В августе 2019 года эксперты ТК 465 и ФАУ «ФЦС» приняли участие в конференции по предложению Росстандарта, представляющего Россию в подкомитете по стандартам

и соответствии Комитета по торговле и инвестициям АТЭС. Тем не менее, учитывая изменения в международном контексте и внутренних приоритетов, стоит рассмотреть возможность сосредоточить усилия Минстроя РФ на сотрудничестве с Юго-Восточной Азией через более ключевые для России платформы, такие как БРИКС или ЭСКАТО. Это позволит Минстрою РФ более эффективно использовать собственные ресурсы и усилить свое влияние в регионе.

Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) является важным международным форумом, включающим развитые страны, придерживающиеся принципов представительной демократии и свободной рыночной экономики. Созданная в 1948 году как Организация европейского экономического сотрудничества, она была задумана для координации проектов экономической реконструкции Европы в рамках плана Маршалла. В мае 2007 года руководство ОЭСР одобрило начало переговоров о вступлении России в организацию. Этот процесс ускорился после того, как Россия официально вступила в ВТО в августе 2012 года. Ожидалось, что переговоры о вступлении в ОЭСР будут завершены в 2013-2014 годах. Однако события 2014 года, когда ОЭСР приостановила принятие России в члены на неопределенный срок, а затем в феврале 2022 года окончательно прервала переговорный процесс, привели к существенному изменению ситуации. С учетом прозападной ориентации ОЭСР и усиливающихся санкций со стороны Запада ресурсы Министерства строительства и ЖКХ РФ могут быть более эффективно использованы в других направлениях. Это особенно актуально при глобальных и региональных изменениях в экономической и политической обстановке. Таким образом, может быть, более целесообразно сосредоточиться на углублении сотрудничества с организациями, которые наиболее полно отражают интересы и приоритеты России в текущем контексте.

Евразийский экономический союз (ЕАЭС) был учрежден Договором о Евразийском экономическом союзе и начал свою работу 1 января 2015 года. Эта международная организация региональной экономической интеграции обладает международной правосубъектностью и ставит перед собой задачу облегчения экономического сотрудничества между странами-участниками. В настоящее время к ЕАЭС присоединились такие государства, как Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия и Россия. ЕАЭС облегчает региональную экономическую интеграцию между пятью членами: Арменией, Белоруссией, Казахстаном, Киргизией и Россией. ЕАЭС представляет собой единое экономическое пространство, которое обеспечивает свободное перемещение товаров, услуг, капитала и труда. В области строительства это значит, что компании из любой страны-члена ЕАЭС могут предоставлять свои услуги в других странах-членах без необходимости создания юридического лица в стране предоставления услуг [17]. Что касается взаимодействия Минстроя РФ и ЕАЭС, то его целью является развитие и гармонизация технических стандартов и нормативов в области строительства, что способствует улучшению качества и безопасности

строительных работ, материалов и изделий [18], а также облегчает взаимное признание квалификаций и сертификатов. Заметим, что Евразийский экономический союз (ЕАЭС) и Содружество Независимых Государств (СНГ) являются примерами региональных международных организаций в отличие от глобальных структур. Оба этих объединения включают в свой состав преимущественно бывшие республики СССР. В свою очередь, СНГ, несмотря на схожие цели, продолжает терять своих членов и показывает снижение интеграционной активности. Учитывая вышеизложенное, для Минстрой РФ будет более рационально сосредоточить свои ресурсы на взаимодействии с ЕАЭС, так как в данной ситуации участие в двух подобных организациях с пересекающимся членством является неэффективным с точки зрения распределения ресурсов. ЕАЭС обладает более устойчивой структурой и большими перспективами для международного сотрудничества, особенно в области строительства.

Межправительственный Совет по сотрудничеству в строительной деятельности государств – участников СНГ был создан в рамках Содружества Независимых Государств. СНГ – это организация, которая зародилась в результате развала Советского Союза в 1991 году и первоначально включала 12 бывших советских республик. С тех пор СНГ прошел через ряд изменений и потерь членства, что вызвало вопросы о его эффективности и перспективности. На данный момент активными участниками Межправительственного Совета являются: Азербайджан, Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Молдавия, Россия, Таджикистан, Узбекистан. Однако стоит отметить, что многие из этих государств также являются членами ЕАЭС, что создает пересечение интересов и дублирование ресурсов на взаимодействие. СНГ как организация не обладает надгосударственным статусом и функционирует на добровольной основе. Все решения принимаются по согласию его членов, что иногда может затруднять процесс принятия решений и достижения консенсуса [19]. В целом, несмотря на свою историческую значимость, СНГ, как мы видим, не обладает той же степенью интеграции и координации, что и ЕАЭС. С учетом этих факторов и тенденции к укреплению ЕАЭС, может быть, Минстрой РФ целесообразно сосредоточить больше внимания на ЕАЭС вместо распределения своих ресурсов между двумя подобными организациями.

Форум «Азия–Европа» (АСЕМ) представляет собой международную организацию, которая была основана 1 марта 1996 года в Бангкоке (Таиланд) по инициативе Франции и Сингапура. АСЕМ объединяет страны Восточной Азии и Европы, включающие 51 государство, которые вместе составляют 2/3 мировой торговли и около 60% мирового валового продукта. Организация также включает в себя две международные региональные организации – Европейскую комиссию и секретариат АСЕАН. Организация АСЕМ продолжила расти за счет новых государств, присоединившихся к Евросоюзу, а также присоединения Индии, Монголии, Пакистана, Австралии, Новой Зеландии и России в 2010 году, Бангладеш, Норвегии и Швейцарии в 2012 году,

а Хорватии и Казахстана в 2014 году. Однако с момента образования Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации (Минстрой РФ) в 2013 году информация о его участии в мероприятиях АСЕМ отсутствует на официальном сайте Министерства по состоянию на май 2023 года. С другой стороны, Экономическая и социальная комиссия для Азии и Тихого океана (ЭСКАТО) является региональной подсистемой Организации Объединенных Наций, обладающей широким географическим охватом и включающей в себя многие страны, также входящие в АСЕМ. ЭСКАТО, в отличие от АСЕМ, активно занимается вопросами социального и экономического развития региона, представляя пространство для совместного обсуждения и решения проблем. Исходя из этого Минстрой РФ может найти взаимодействие с ЭСКАТО, более эффективным и полезным для достижения его целей, поскольку ЭСКАТО больше сосредоточена на экономическом и социальном развитии региона и устойчивом строительстве. Это делает взаимодействие с ЭСКАТО особенно актуальным в контексте реализации стратегий устойчивого развития и зеленого строительства, которые выдвигаются как глобальные приоритеты. В свете европейских санкций в отношении России ограничено экономическое сотрудничество России и многих стран Евросоюза, что может затруднить выполнение общих проектов в рамках АСЕМ. В то же время взаимодействие с ЭСКАТО как с региональной подсистемой Организации Объединенных Наций предоставляет возможность для установления более широких и продуктивных связей с Азиатско-Тихоокеанским регионом, который в настоящее время является одним из наиболее динамично развивающихся в мире. Таким образом, вместо размытого и осложненного политическими претензиями сотрудничества в рамках АСЕМ сотрудничество с ЭСКАТО представляется более перспективным и полезным для Минстрой РФ, позволяет ориентироваться на конкретные, актуальные и срочные задачи в области строительства и жилищно-коммунального хозяйства.

Выше мы подробно рассмотрели все основные международные организации, в которых участвует Министерство строительства и ЖКХ Российской Федерации, основываясь на официальной отчетности министерства и данных открытых источников. Мы проанализировали историю и функциональное назначение каждой из этих организаций, а также их актуальность и перспективы для Минстроя РФ. Теперь обратимся к анализу еще одной важной региональной международной организации, которую Минстрой РФ не упоминает в своих отчетах. Несмотря на отсутствие упоминаний о сотрудничестве с этой организацией, ее значимость и влияние на региональном уровне делают ее рассмотрение целесообразным для понимания полной картины международного взаимодействия Министерства строительства и ЖКХ Российской Федерации.

Шанхайская организации сотрудничества (ШОС) – крупная международная организация, объединяющая восемь государств: Китай, Индию, Казахстан, Киргизию,

Пакистан, Россию, Таджикистан и Узбекистан. Цель ШОС – укрепление доверия и дружественных отношений между государствами-членами, увеличение эффективности сотрудничества в политической, торгово-экономической, научно-технической и культурной сферах, а также в области образования, энергетики, транспорта, туризма и охраны окружающей среды. Однако, несмотря на заявленные цели и широкий географический охват ШОС, в открытых источниках и на сайте Минстроя РФ нет информации о взаимодействии Министерства с этой организацией. Это может быть обусловлено рядом причин. Во-первых, ШОС в большей степени ориентирована на политическое и военное сотрудничество, чем на сотрудничество в области строительства и жилищно-коммунального хозяйства. Во-вторых, географический охват ШОС широк, но разнообразие культур, экономического развития и законодательств стран-участников затрудняют разработку и реализацию общих стандартов и подходов в строительстве. Также стоит учесть, что многие из стран-членов ШОС входят в другие международные организации, с которыми Минстрой РФ уже сотрудничает или планирует сотрудничать. Например, Белоруссия, Казахстан и Киргизия являются членами ЕАЭС, а Китай и Индия – участники БРИКС.

С точки зрения оптимизации ресурсов и эффективности сотрудничества активное участие Минстроя РФ в ЕАЭС на региональном уровне и в ЭСКАТО и БРИКС на более глобальном позволит Минстрой РФ достигнуть более конкретных и осязаемых результатов. Работа в рамках ЕАЭС позволит продолжить интеграционные процессы, стандартизацию и гармонизацию подходов к строительству и ЖКХ на пространстве бывшего СССР. Более того, страны ЕАЭС связаны общими историческими, экономическими и культурными корнями, что упрощает разработку и внедрение общих решений. Взаимодействие в рамках ЭСКАТО даст возможность сосредоточиться на сотрудничестве с государствами Центральной Азии и Афганистаном, что также может быть перспективным в контексте строительства и ЖКХ. В рамках БРИКС Минстрой РФ сможет взаимодействовать с ведущими мировыми экономиками, такими как Китай и Индия, что может стимулировать инновационное развитие и использование передовых технологий в области строительства и ЖКХ. Таким образом, ШОС, хотя и является значимой международной организацией, для Минстроя РФ выглядит менее перспективной в сравнении с ЕАЭС, ЭСКАТО и БРИКС. Ресурсы Министерства следует сосредоточить на работе с организациями, которые лучше соответствуют его функциональным задачам и потребностям развития строительной отрасли Российской Федерации.

Выводы, которые можно сделать на основе вашего исследования, кажутся обоснованными и логичными.

1. В сфере международного сотрудничества Министерства строительства и ЖКХ Российской Федерации взаимодействие с организациями, такими как АСЕМ, АТЭС и АСЕАН, должно рассматриваться как второстепенное по отношению к ра-

боте с ЭСКАТО в контексте общих инициатив ООН. Это обусловлено рядом причин. Во-первых, учитывая специфику работы АСЕМ, ориентированной на обеспечение диалога между Азией и Европой, взаимодействие с ней может быть более эффективно реализовано через структуру ООН, а именно через ЭСКАТО, которое специализируется на устойчивом развитии и строительстве в регионе Азии и Тихого океана. Это позволит сфокусироваться на ключевых приоритетах Минстроя РФ и оптимизировать затраты ресурсов. Во-вторых, при учете уникальных характеристик АТЭС и АСЕАН, их роль для Минстроя РФ может быть признана относительно низкой. АТЭС, в свою очередь, не имеет формального устава, что уменьшает эффективность и предсказуемость взаимодействия с этой организацией. Что касается АСЕАН, то, несмотря на то, что Россия является партнером по диалогу в этой организации, она не обладает полноправным членством, что ограничивает возможности для существенного влияния и взаимодействия. Таким образом, исходя из анализа специфики работы Минстроя РФ и особенностей различных международных организаций можно утверждать, что Минстрою РФ следует переориентироваться с АСЕМ, АТЭС и АСЕАН на ЭСКАТО в рамках общих инициатив ООН.

2. Следует подчеркнуть важность переориентации усилий Министерства строительства и ЖКХ РФ с Межправительственного Совета по сотрудничеству в строительной деятельности государств – участников СНГ на углубленную интеграцию и взаимодействие в рамках ЕАЭС. Ранее было отмечено, что СНГ, хотя и является важной международной организацией, в которую входят бывшие советские республики, тем не менее продолжает терять своих участников и в общем и целом проявляет убывающую активность. Кроме того, СНГ не обладает надгосударственными полномочиями и функционирует на добровольной основе, что может ограничивать ее эффективность в достижении определенных целей и задач, включая такие, которые имеют важное значение для Минстроя РФ. Вместе с тем ЕАЭС представляет собой более перспективную и динамичную организацию, способную обеспечить эффективную интеграцию и координацию усилий в области строительства и ЖКХ. Важным преимуществом ЕАЭС является то, что она обладает более сильными интеграционными связями и более широкими полномочиями, чем СНГ. Это позволяет ей эффективнее координировать действия своих членов и обеспечивать выполнение принятых обязательств. Таким образом, для Минстроя РФ целесообразно увеличить взаимодействие и интеграцию с ЕАЭС, перераспределяя ресурсы, ранее направленные на работу в рамках Межправительственного Совета по сотрудничеству в строительной деятельности государств – участников СНГ. Это не только поможет оптимизировать использование ресурсов Минстроя РФ, но и обеспечит больший охват и эффективность в достижении стратегических целей и задач министерства.

3. Можно предложить критически важное усовершенствование структуры Министерства строительства и ЖКХ РФ – создание отдельного департамента, который

будет заниматься взаимодействием с Новым банком развития (НБР). НБР был создан странами БРИКС в 2014 году в целях мобилизации ресурсов для устойчивого развития БРИКС и других развивающихся экономик. НБР основывается на принципах взаимного уважения, равенства, неразделения власти и решительности в стимулировании инфраструктурных проектов. Это делает его отличным каналом для финансирования и поддержки значительных проектов в области строительства и ЖКХ в России. Создание специализированного департамента внутри Минстроя РФ позволит эффективнее взаимодействовать с НБР, рационально используя финансовые и интеллектуальные ресурсы для продвижения проектов в области строительства и ЖКХ, которые имеют стратегическую значимость для развития регионов России. Этот департамент будет служить связующим звеном между руководством Минстроя и НБР, координируя все аспекты взаимодействия, начиная от подготовки проектов до их реализации. Более того, такая структура позволит Минстрою РФ активно участвовать в разработке новых проектов, которые могут быть представлены для финансирования НБР, и, следовательно, способствовать улучшению жилищных условий и инфраструктуры в России.

Таким образом, исходя из нашего анализа создание в Министерстве строительства и ЖКХ РФ отдельного департамента по взаимодействию с НБР представляется перспективной и целесообразной инициативой, способной значительно усилить влияние Министерства на уровне международных организаций и обеспечить эффективное взаимодействие с НБР.

Список источников

1. Международные организации // Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <https://minstroyrf.gov.ru/trades/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/mezhdunarodnye-organizatsii/>.
2. UN-Habitat office in Russia // United Nations Human Settlements Programme. URL: <https://unhabitat.org/ru/node/11>.
3. Российская делегация во главе с Владимиром Якушевым примет участие в Первой Ассамблее ООН-Хабитат // Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации: офиц. сайт. URL: https://minstroyrf.gov.ru/press/rossiyskaya-delegatsiya-vo-glave-s-vladimirom-yakushevym-primet-uchastie-v-pervoy-assamblee-oon-khab/?sphrase_id=1873147.
4. Деятельность Программы Организации Объединенных Наций по населенным пунктам // United Nations Human Settlements Programme. URL: https://unhabitat.org/sites/default/files/2020/05/hsp_ha_1_2_add.2_r.pdf.
5. Европейская экономическая комиссия ООН (ЕЭК) // Официальный сайт Минэкономразвития России. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/vneshneekonomicheskaya_deyatelnost/mnogostoronnee_ekonomicheskoe_sotrudnichestvo/organizaciya_obedinennyh_naciy_oon/eeek/.

6. Европейская экономическая комиссия ООН // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. URL: https://geneva.mfa.gov.by/ru/interorg/BLR_UNECE/.

7. Минстрой России принял участие в сессии Комитета ЕЭК ООН по градостроительству, жилищному хозяйству и землепользованию // Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <https://minstroyrf.gov.ru/press/minstroy-rossii-prinyal-uchastie-v-sessii-komiteta-eek-oon-po-gradostroitelstvu-zhilishchnomu-khozyaystvu-i-zemlepolzovaniyu>?sphrase_id=1873171.

8. О невыплате российского добровольного взноса в Европейскую экономическую комиссию ООН за 2022 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации: офиц. сайт. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1849203/.

9. Subregional Office for North and Central Asia // United Nations ESCAP. URL: <https://www.unescap.org/subregional-office/north-central-asia>.

10. Организация объединенных наций по промышленному развитию: офиц. сайт. URL: <https://unido.ru/overview/center/>.

11. Проект ЮНИДО/ГЭФ – Минприроды России // Сайт Проекта Арктического совета по выводу озоноразрушающих веществ и фторсодержащих газов в рыбохозяйственном секторе Мурманской области. URL: <https://www.ozonoprogram.ru/biblioteka/publikacii/junidogehf/>.

12. Банк БРИКС возвращается на мировой рынок капитала // ТВ БРИКС. URL: <https://tvbrics.com/news/bank-brics-vozvrashchaetsya-na-mirovoy-rynok-kapitala/>.

13. Под Дзержинском запустили водопровод, построенный на средства банка БРИКС // РБК. URL: <https://nn.rbc.ru/nn/freenews/645d3e429a79477af082ce19>.

14. Россия будет способствовать формированию единого агропромышленного рынка в СНГ – концепция // АО «ИК «РИКОМ-ТРАСТ». URL: <https://www.ricom.ru/primetass/1545437/>.

15. Минстрой России провел диалог Smart City: Россия-АСЕАН // Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации: офиц. сайт. URL: https://www.minstroyrf.gov.ru/press/minstroy-rossii-provel-dialog-smart-city-rossiya-asean/?sphrase_id=1874399.

16. «Сколково» организует бизнес-миссию в Индонезию // Официальный сайт Фонда «Сколково». URL: <https://sk.ru/news/skolково-organizuet-biznes-missiyu-v-strany-yugo-vostochnoj-azii/>.

17. Еликбаев К., Андропова И.В. Пять лет единому рынку услуг ЕАЭС: некоторые итоги // Современная Европа. 2021. № 2. С. 99–110.

18. Таджикистан и ЕАЭС: выгоды и перспективы // Sputnik. URL: <https://tj.sputniknews.ru/20190528/eeu-tajikistan-vygody-perspektivy-1029016767.html>.

19. Устав Содружества Независимых Государств (г. Минск, 22 января 1993 года). URL: <https://cis.minsk.by/page/180/ustav-sodruzestva-nezavisimyh-gosudarstv-g-minsk-22-anvara-1993-goda>.

References

1. International organizations. *Ministry of Construction, Housing and Communal Services of the Russian Federation: official website*. URL: <https://minstroyrf.gov.ru/trades/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/mezhdunarodnye-organizatsii/>. (In Russ.).
2. UN-Habitat office in Russia. *United Nations Human Settlements Programme*. URL: <https://unhabitat.org/ru/node/11>.
3. Russian delegation headed by Vladimir Yakushev will take part in the First UN-Habitat Assembly. *Ministry of Construction, Housing and Communal Services of the Russian Federation: official website*. URL: https://minstroyrf.gov.ru/press/rossiyskaya-delegatsiya-vo-glave-s-vladimirov-yakushevym-primet-uchastie-v-pervoy-assamblee-oon-khab/?sphrase_id=1873147. (In Russ.).
4. Activities of the United Nations Human Settlements Programme. *United Nations Human Settlements Programme*. URL: https://unhabitat.org/sites/default/files/2020/05/hsp_ha_1_2_add.2_r.pdf. (In Russ.).
5. United Nations Economic Commission for Europe (EEC). *Official website of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation*. URL: [https://www.economy.gov.ru/material/directions/vneshneekonomicheskaya_deyatelnost/mnogostoronnee_ekonomicheskoe_sotrudnichestvo/organizatsiya_obedinennyh_nacy_oon/eek/](https://www.economy.gov.ru/material/directions/vneshneekonomicheskaya_deyatelnost/mnogostoronnee_ekonomicheskoe_sotrudnichestvo/organizatsiya_obedinennyh_nacy_oon/ee/). (In Russ.).
6. United Nations Economic Commission for Europe. *Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Belarus*. URL: https://geneva.mfa.gov.by/ru/inter-org/BLR_UNECE/. (In Russ.).
7. The Ministry of Construction of Russia took part in the session of the UNECE Committee on Urban Development, Housing and Land Management. *Ministry of Construction, Housing and Communal Services of the Russian Federation: official website*. URL: https://minstroyrf.gov.ru/press/minstroy-rossii-prinyal-uchastie-v-sessii-komiteta-eek-oon-po-gradostroitelstvu-zhilishchnomu-khozya/?sphrase_id=1873171. (In Russ.).
8. On the non-payment of the Russian voluntary contribution to the UN Economic Commission for Europe for 2022. *Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation*. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1849203/ (In Russ.).
9. Subregional Office for North and Central Asia. *United Nations ESCAP*. URL: <https://www.unescap.org/subregional-office/north-central-asia/>.
10. United Nations Industrial Development Organization: official website. URL: <https://unido.ru/overview/center/> (In Russ.).
11. UNIDO/GEF Project – Ministry of Natural Resources of Russia. *Website of the Arctic Council Project on the Removal of Ozone-Depleting Substances and Fluorinated Gases in the Fisheries Sector of the Murmansk Region*. URL: <https://www.ozoneprogram.ru/biblioteka/publikacii/junidogehf/> (In Russ.).

12. BRICS Bank Returns to the Global Capital Market. *BRICS TV*. URL: <https://tvbrics.com/news/bank-brics-vozvrashchaetsya-na-mirovoy-rynok-kapitala/> (In Russ.).

13. A Water Pipeline Built with BRICS Bank Funds Has Been Launched Near Dzerzhinsk. *RBC*. URL: <https://nn.rbc.ru/nn/freenews/645d3e429a79477af082ce19>. (In Russ.).

14. Russia will promote the formation of a single agro-industrial market in the CIS-concept. *JSC "IC RICOM-TRUST"*. URL: <https://www.ricom.ru/primetass/1545437/>. (In Russ.).

15. The Ministry of Construction of Russia held a dialogue Smart City: Russia-ACEAN. *Ministry of Construction, Housing and Communal Services of the Russian Federation*. URL: https://www.minstroyrf.gov.ru/press/minstroy-rossii-provel-dialog-smart-city-rossiya-acean/?sphrase_id=1874399 (In Russ.).

16. "Skolkovo" organizes a business mission to Indonesia. *Official website of the Skolkovo Foundation*. URL: <https://sk.ru/news/skolkovo-organizuet-biznes-missiyu-v-strany-yugo-vostochnoj-azii/> (In Russ.).

17. Elikbaev K., Andronova I.V. Pyat' let edinomu rynku uslug EAES: nekotorye itogi [Five years of the single market for EAEU services: some results]. *Sovremennaya Evropa*, 2021, no. 2, pp. 99–110. (In Russ.).

18. Tajikistan and the EAEU: benefits and prospects. *Sputnik*. URL: <https://tj.sputniknews.ru/20190528/eeu-tajikistan-vygody-perspektivy-1029016767.html>. (In Russ.).

19. Charter of the Commonwealth of Independent States (Minsk, January 22, 1993). URL: <https://cis.minsk.by/page/180/ustav-sodruzestva-nezavisimyh-gosudarstv-g-minsk-22-anvara-1993-goda>. (In Russ.).

Информация об авторах

Д.С. Белкин – аспирант кафедры международного права, Славяно-греко-латинская академия, Москва, Российская Федерация, dmitryb81@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0003-1532-1958>, Researcher ID: IQT-9172-2023

Information about the authors

D.S. Belkin, Postgraduate student, Department of International Law, Slavic-Greek-Latin Academy, Moscow, Russian Federation, dmitryb81@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0003-1532-1958>, Researcher ID: IQT-9172-2023.

Статья поступила в редакцию / The article received 19.05.2023;
одобрена после рецензирования / revised 06.12.2023;
принята к публикации / accepted 03.09.2024

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, № 3. С. 55–72.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2024. Vol. 26, no. 3. P. 55–72.

Научная статья

УДК 339.924(5:265)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2024-3/55-72>

**Транстихоокеанское партнерство
и всестороннее региональное экономическое партнерство
как международно-правовая модель экономической интеграции
в Азиатско-Тихоокеанском регионе**

Антон Аркадьевич Наку

МГИМО МИД России, Москва, Российская Федерация

✉ a.naku@inno.mgimo.ru

Аннотация. В статье рассматриваются международно-правовые аспекты современных интеграционных процессов в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Особое внимание уделяется таким относительно новым объединениям государств, как Транстихоокеанское партнерство и Всестороннее региональное экономическое партнерство. Базируясь на положениях права Всемирной торговой организации в отношении зон свободной торговли товарами и услугами, оба партнерства значительно расширяют спектр регулируемых межгосударственных отношений, что дает определенные основания рассматривать Транстихоокеанское партнерство и Всестороннее региональное экономическое партнерство как принципиально новую модель региональных торговых соглашений. При наличии фиксированного состава стран-участниц и системы, обладающих определенными правомочиями органов, партнерства не наделяются статусом международной межправительственной организации, правосубъектности и тем более какими-либо наднациональными полномочиями. Это не только не умаляет торгово-экономическое значение партнерств, но и делает их привлекательной формой «мягкой» интеграции государств, находящихся на различных уровнях экономического развития, относящихся к различным географическим регионам и имеющим собственные интеграционные обязательства в рамках двусторонних и многосторонних (субрегиональных) торговых соглашений. Формирующие партнерства международные договоры представляют собой яркий пример торговых соглашений по модели «ВТО плюс», объединяющих положения о либерализации торговли товарами и услугами с взаимными обязательствами сторон в сфере инвестиций,

устойчивого развития, конкуренции, административного и правового сотрудничества. В то же время наличие многочисленных «параллельных» двусторонних и многосторонних торговых соглашений между странами Азиатско-Тихоокеанского региона, в том числе в рамках АСЕАН, создает «многослойное» правовое регулирование внешнеэкономической деятельности и риски правовой неопределенности для её участников.

Ключевые слова: Азиатско-Тихоокеанский регион, торгово-экономическая интеграция, международное право, региональное торговое соглашение, организация региональной экономической интеграции, зона свободной торговли, Транстихоокеанское партнерство, Всестороннее региональное экономическое партнерство, Всемирная торговая организация.

Для цитирования: Наку А.А. Транстихоокеанское партнерство и Всестороннее региональное экономическое партнерство как международно-правовая модель экономической интеграции в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, № 3. С. 55–72.

Original article

Trans-Pacific partnership and regional comprehensive economic partnership as a model international legal structure for economic integration in the Asia-Pacific

Anton A. Naku

MGIMO University, Moscow, Russian Federation

✉ a.naku@inno.mgimo.ru

Abstract. The article explores international law aspects of the contemporary integration processes in the Asia-Pacific with a specific focus on such relatively new formations as the Trans-Pacific Partnership (TPP) and the Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP). Based on the WTO law provisions with regard to the free trade areas for goods and services, both Partnerships significantly widen the scope of regulated inter-governmental relationships, which allows considering the TPP and the RCEP as a fundamentally new form of the regional trade agreements. Having a fixed number of participating states and a system of institution with their functions and competencies, the Partnerships do not represent inter-governmental organizations and are vested with no legal capacity or, especially, supranational powers. However, this does not undermine the trade and economic significance of the Partnerships while also making them an attractive model of the

soft integration structure between the states having different level of economic development, located in different geographical regions and bound with their own integration obligations under bi- and multilateral (subregional) trade agreements. The founding agreements of the Partnerships are typical “WTO plus” arrangements combining the provisions on liberalization of trade in goods and services with the parties’ mutual obligations in the fields of investments, sustainable development, competition, administrative and legal cooperation. At the same time, applicability of parallel bi- and multilateral trade agreements between the Asia-Pacific states, including those within ASEAN, forms a complex multilayer regulation of foreign trade and entails a risk of legal uncertainty for economic operators.

Keywords: Asia-Pacific region, trade and economic integration, international law, regional trade agreement, regional economic integration organization, free trade area, Trans-Pacific Partnership, Regional Comprehensive Economic Partnership, World Trade Organization

For citation: Naku A.A. Trans-Pacific Partnership and Regional Comprehensive Economic Partnership as a model international legal structure for economic integration in the Asia-Pacific. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*, 2024, vol. 26, no. 3, pp. 55–72. (In Russ.).

Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР), включающий в себя около 60 государств, расположенных по периметру Тихого океана, на австралийском континенте и многочисленных тихоокеанских островах, является одним из наиболее перспективных центров экономического роста и торгово-экономической интеграции. Для данного региона характерно преобладание «мягких» форм международной экономической интеграции, не предполагающих формирование таможенных, экономических союзов или общих рынков. Интеграционные процессы в АТР редко приводят к учреждению международных организаций региональной экономической интеграции, тем более с наделением их наднациональными полномочиями. По мнению исследователей, «глобальные и региональные тенденции развиваются здесь активно и динамично, взаимно дополняя друг друга... В Азиатско-Тихоокеанском регионе подобное сочетание интеграционных и неинтеграционных межгосударственных объединений весьма характерно, причем до настоящего времени большинство международных организаций интеграционного типа не имеют развитых наднациональных характеристик» [1].

Долгие годы центральным звеном международной экономической интеграции в АТР являлась Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Статья 41 Устава АСЕАН предусматривает механизм совместного заключения государствами-членами Ассоциации международных соглашений с третьими странами, субрегиональными, региональными или международными организациями и органами. Благо даря наличию этого механизма еще в 2004 г. АСЕАН заключила соглашение о тор-

говле товарами с КНР, за которым последовали соглашения о торговле услугами 2007 г. и инвестиционное соглашение 2009 г. В 2006 г. АСЕАН заключила соглашение о свободной торговле и экономической интеграции с Республикой Корея, в 2008 г. – соглашение о создании зоны свободной торговли (ЗСТ) с Японией, в 2009 г. – аналогичное соглашение с Австралией и Новой Зеландией. Соглашения о свободной торговле и экономической интеграции АСЕАН заключила с Индией в 2009 г. и с Гонконгом в 2018 г. Таким образом, вокруг АСЕАН сформировалась целая система региональных торговых соглашений (РТС) с участием соседних стран, занимающих ведущие позиции в мировой экономике и международной торговле.

Важнейшей политической платформой для формирования интеграционной повестки в АТР является Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС) – существующее с 1989 г. неформальное объединение крупнейших экономик региона, в настоящее время включающее 21 страну и территорию, в том числе Российскую Федерацию, КНР, США, Австралию, Японию, Южную Корею, Канаду, Гонконг, Тайвань и др. В период деятельности АТЭС между участвующими в нем странами был заключен целый ряд двусторонних соглашений о свободной торговле (Австралия – США 2004 г., КНР – Новая Зеландия 2008 г., Южная Корея – Канада 2014 г. и др.). Первым опытом заключения межконтинентального многостороннего торгового соглашения между странами-участницами АТЭС стало Соглашение 2005 г. о Транстихоокеанском стратегическом экономическом партнерстве между Брунеем, Новой Зеландией, Сингапуром и Чили. Соглашение формировало Зону свободной торговли (ЗСТ) товарами и услугами в соответствии со статьей XXIV Генерального соглашения по тарифам и торговле 1994 г. (ГАТТ) и статьей V Генерального соглашения по торговле услугами (ГАТС), включало вопросы таможенного сотрудничества, конкуренции, государственных закупок, охраны интеллектуальной собственности, временного въезда физических лиц, а также содержало механизм разрешения вытекающих из Соглашения споров. Успешный опыт реализации «партнерства четырех», в том числе удвоение взаимного товарооборота стран-участниц за 10 лет после вступления Соглашения в силу, позволил рассматривать его в качестве переговорной основы для последующего более масштабного интеграционного процесса стран АТР – создания Транстихоокеанского партнерства (ТПП).

Одновременно в интеграционную повестку АТР стали вовлекаться страны соседних субрегионов Центральной и Южной Азии. Так, в 2005 г. в Пекине была принята новая редакция Азиатско-Тихоокеанского торгового соглашения (ранее известного как Бангкокское соглашение 1975 г.) с участием Бангладеш, Индии, КНР, Лаоса, Республики Корея и Шри-Ланки; в 2013 г. к соглашению присоединилась Монголия. Соглашение было разработано под эгидой Экономической и социальной комиссии ООН для Азии и Тихого океана. Оно не формирует ЗСТ или иное интеграционное объединение, но предусматривает систему тарифных и торговых уступок в отноше-

нии взаимной торговли товарами, а с 2013 г. и услугами. С точки зрения оказания эффекта на взаимную торговлю стран-участниц Азиатско-Тихоокеанское торговое соглашение сопоставимо с некоторыми из крупнейших интеграционных объединений мира: доля взаимной торговли стран-участниц в совокупном объеме экспорта и импорта товаров в 2021 г. составляла 11,73% и 13,91% соответственно, что несколько превышает аналогичные показатели в МЕРКОСУР [2].

На восточном побережье Тихого океана интеграционные процессы имеют свою достаточно внушительную историю. С 1994 г. действовало Соглашение о Североамериканской зоне свободной торговли (НАФТА), которое в 2018 г. было заменено новым соглашением между США, Канадой и Мексикой, вступившим в силу 1 июля 2020 г. – ЮСМКА (USMCA, от англ. *the United States - Mexico - Canada Agreement*). Зона свободной торговли товарами и услугами, сформированная НАФТА-ЮСМКА, базируется на принципах статей XXIV ГАТТ и V ГАТС и является одной из крупнейших в мире, объединяя территорию с населением около 500 млн человек и совокупным ВВП свыше 28 трлн долларов США (почти 17% от мирового ВВП). Южноамериканские страны-участницы АТЭС – Перу и Чили – состоят в Ассоциации Латиноамериканской интеграции, а Перу является государством-членом Андского сообщества, действующего аж с 1969 г. и функционирующего на основе таможенного союза (Чили имеет статус ассоциированного члена Андского сообщества).

Накопленный странами АТР интеграционный опыт, наличие политического, организационного и правового фундамента, обеспечиваемого деятельностью АТЭС, региональных структур ООН, а также Всемирной торговой организации (ВТО), позволили перейти к новому, более масштабному этапу международной экономической интеграции в регионе. В 2016 г. 12 государств, участвующих в АТЭС – Австралия, Бруней, Вьетнам, Канада, Малайзия, Мексика, Новая Зеландия, Перу, Сингапур, США, Чили и Япония – подписали Соглашение о создании Транстихоокеанского партнерства (так называемое ТПП-12). Еще до вступления Соглашения в силу из него по политическим соображениям вышли США, но оставшиеся 11 государств возобновили переговорный процесс и в 2018 г. заключили новое, так называемое Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о Транстихоокеанском партнерстве (ВПСТТП, также известное как ТПП-11). ВПСТТП вступило в силу уже в декабре 2018 г., сформировав тем самым еще одну из крупнейших в мире ЗСТ с совокупным ВВП около 13,5 трлн долларов США (что представляет более 13% от общемирового ВВП).

По содержанию ВПСТТП не является принципиально новым по сравнению с соглашением ТПП-12, так как положения последнего инкорпорированы в текст ВПСТТП с некоторыми изъятиями и обновленными специфическими обязательствами отдельных сторон. Заметное место в ВПСТТП занимают вопросы, входившие в четырехстороннее соглашение 2005 г. о Транстихоокеанском стратегическом экономическом партнерстве (центральную часть которых занимают вопросы либерализа-

ции взаимной торговли товарами и услугами), но к ним добавлены и некоторые новые сферы правового регулирования: прямые иностранные инвестиции, электронная торговля, трудовые отношения, охрана окружающей среды, гарантии для малых и средних предприятий, борьба с коррупцией. Широкий спектр охваченных ВПСТТП межгосударственных отношений отмечается исследователями: «Бесспорными преимуществами Транс-Тихоокеанского Партнерства является следующее: открытие рынков для всех стран-членов организации, унификация торговых правил, ликвидация препятствий для финансового сотрудничества, создание благоприятного инвестиционного климата и новых гарантий для защиты среднего и малого бизнеса» [3]; «ТТП планирует не просто сформировать комплексную зону свободной торговли, но и определяет гармонизацию и унификацию технических стандартов, норм регулирования трудовых отношений и экологической политики, сферы госзакупок и другие порой на более высоком уровне, чем в рамках Всемирной торговой организации, а также будет содействовать росту технологического уровня участвующих государств» [4].

Спустя всего лишь два года после ВПСТТП получил правовое оформление другой мегапроект в сфере торгово-экономической интеграции стран АТР – Всестороннее региональное экономическое партнерство (ВРЭП). Соглашение о создании ВРЭП было подписано в Ханое 15 ноября 2020 г. по итогам длившихся восемь лет переговоров и вступило в силу 1 января 2022 г. после ратификации необходимым минимальным количеством подписавших государств. Сторонами Соглашения являются 10 государств-членов АСЕАН (Бруней, Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, Лаос, Малайзия, Мьянма, Сингапур, Таиланд, Филиппины) и 5 государств, с которыми у АСЕАН заключены соглашения о свободной торговле (Австралия, КНР, Новая Зеландия, Республика Корея и Япония). То есть почти половина стран, участвующих в ВРЭП, одновременно состоят в ТТП, но при этом ВРЭП не носит транстихоокеанский характер ввиду неучастия в нем стран Северной и Южной Америки. Создание ВРЭП позволило говорить о формировании в буквальном смысле самой крупной зоны свободной торговли товарами и услугами в мире, на которую приходится около 30% населения земного шара и около 30% мирового ВВП.

По структуре и содержанию Соглашение о ВРЭП схоже с ВПСТТП: оно объединяет положения о торговле товарами, торговле услугами, инвестициях, охране интеллектуальной собственности, электронной торговле, конкуренции, государственных закупках, малых и средних предприятиях, перемещении физических лиц. Целями ВРЭП провозглашаются планомерное устранение тарифных и нетарифных барьеров в отношении существенной части взаимного товарооборота, либерализация взаимной торговли услугами со значительным секторальным охватом, поощрение, защита, поддержка и либерализация взаимных инвестиций.

Помимо ТТП и ВРЭП в последние годы между странами АТР были реализованы и иные амбициозные многосторонние интеграционные проекты. В декабре 2020 г.

вступило в силу заключенное тремя годами ранее Тихоокеанское соглашение о более тесных экономических отношениях (так называемое *PACER Plus*). Соглашение объединяет Австралию, Новую Зеландию и ряд островных государств Тихого океана и предполагает постепенную и асимметричную либерализацию в сферах взаимной торговли товарами и услугами, инвестиций и перемещения физических лиц. В том же 2020 г. Новая Зеландия, Сингапур и Чили подписали Соглашение о партнерстве в цифровой экономике – достаточно новое явление в международном торговом праве, имеющее, к тому же, транстихоокеанский охват (интерес к присоединению к Соглашению выразили также Канада и Южная Корея).

Тем не менее именно ТПП и ВРЭП вызывают наибольший научный, политический и практический интерес. Причиной этого является не только страновой охват и экономическая значимость этих партнерств, но и особенности правового регулирования в учреждающих их соглашениях. Данные особенности породили научные споры о возможности квалификации партнерств как особой формы торгово-экономической интеграции государств, не укладывающейся в традиционную схему «ЗСТ – таможенный союз – общий рынок – экономический союз». Иногда партнерства рассматриваются в одном ряду с другими, менее формализованными по сравнению с международными межправительственными организациями (ММПО), образованиями (такими, например, как вышеупомянутое АТЭС), которые «формируются и действуют как международные объединения *sui generis*, т. е. в отличие от ММПО или наднациональных организаций не обладают международной правосубъектностью и их международно-правовые основы пока весьма расплывчаты» [5, с. 10]. Партнерства можно рассматривать как «параорганизации», которым свойственны «постоянство и регулярность работы, часто, но не обязательно, в привязке к определенному местопребыванию; постоянный и обычно четко лимитируемый состав участников. Но они принципиально отличны от международных организаций тем, что юридически не наделяются правосубъектностью (правоспособностью), функционируют хотя и с определенным составом членов, но обычно без учредительных актов, не имеют формализованной организационной структуры, не обладают правом принятия юридически квалифицированных, обязывающих решений» [6].

Другая точка зрения заключается в более широком подходе к понятию «партнерство», которое «является международно-правовой формой организации экономического сотрудничества государств и может включать в себя широкий спектр отношений между ними» [7]. То есть партнерства могут либо обеспечивать создание той или иной формы торгово-экономической интеграции (например, ЗСТ), либо только оформлять углубленное экономическое или политико-экономическое сотрудничество сторон при сохранении режима наибольшего благоприятствования (РНБ) или преференциального режима во взаимной торговле с возможной дальнейшей либерализацией в течение довольно длительного переходного периода (как многие соглаше-

шения об экономическом партнерстве, заключаемые Европейским союзом с развивающимися странами – бывшими колониями государств-членов ЕС).

Наконец, есть точка зрения, усматривающая в партнерствах некую альтернативу многосторонней торговой системе: «Данные формы зоны свободной торговли должны со временем заменить ВТО и фактически упразднить ее правовые нормы» [8]. Для ответа на вопросы об особенностях правовой модели партнерств как формы реализации интеграционных процессов в АТР, специфике ТТП и ВРЭП, соотношении этих партнерств с известными формами торгово-экономической интеграции государств необходим более детальный анализ соответствующих соглашений.

Ни ВПСТТП, ни Соглашение о ВРЭП не содержат положений об учреждении ММПО, что тем не менее не лишает образуемые партнерства некоторых признаков международных организаций.

Во-первых, оба партнерства наделяются, пусть и минимальной, но вполне оформленной организационной структурой, при этом полномочия и порядок функционирования соответствующих органов четко регламентированы. ВПСТТП учреждает Комиссию ТТП, призванную обеспечивать имплементацию Соглашения, а также ряд совместных комитетов – по сближению регулирования, по содействию конкурентоспособности и предпринимательству и др. Решения в Комиссии и комитетах принимаются консенсусом, если иное не будет согласовано сторонами. Комиссия наделяется, в том числе, функциями по толкованию Соглашения, по разработке изменений в графики устранения таможенных пошлин во взаимной торговле и в правила происхождения товаров, по разрешению споров и противоречий, возникающих между сторонами в связи с толкованием Соглашения (статус и полномочия Комиссии ТТП во-многом сближают ее с Комиссией по свободной торговле, функционирующей в рамках НАФТА-ЮСМКА).

Институциональный механизм ВРЭП более сложен. Во главе него стоит Совещание министров, которое собирается ежегодно и принимает решения консенсусом. Совместный комитет на уровне старших должностных лиц договаривающихся сторон также заседает ежегодно и решает вопросы текущей деятельности партнерства, формирования и координации деятельности вспомогательных органов, взаимодействия с бизнес-структурами и академическим сообществом, а также готовит предложения о внесении изменений в Соглашение. Совместный комитет принимает решения по принципу негативного консенсуса: решение считается принятым, если ни одна из сторон не высказалась против него. Руководят работой Совместного комитета два сопредседателя: один представляет государства-членов АСЕАН, другой – договаривающиеся стороны, не участвующие в АСЕАН. Совместный комитет учреждает вспомогательные органы ВРЭП: Комитет по товарам, Комитет по услугам и инвестициям, Комитет по устойчивому росту, Комитет по деловому климату и др. Вспомогательные органы (комитеты) используют в своей работе те же принципы

негативного консенсуса и сопредседательства, что и Совместный комитет. Предполагается создание секретариата ВРЭП, для чего требуется соответствующее решение Совместного комитета; до его принятия функции секретариата исполняет Секретариат АСЕАН.

Во-вторых, оба партнерства имеют фиксированный состав членов, при этом являясь открытыми для присоединения новых членов в установленном соответствующем соглашении порядке. ВПСТТП открыто для присоединения любых государств и отдельных таможенных территорий независимо от их расположения в или вне АТР, но для этого необходимо согласование условий присоединения со всеми действительными сторонами Соглашения. Порядок присоединения установлен в решении Комиссии ТПП № *CPTPP/COM/2019/D002*, принятом в 2019 г. Комиссия наделена функцией рассмотрения обращений третьих стран о присоединении к ТПП и согласования условий их присоединения. Так, в 2021 г. Комиссия приняла решение о формировании рабочей группы для рассмотрения обращения Великобритании, а 31 марта 2023 г. было опубликовано совместное заявление представителей сторон о завершении переговорного процесса и согласовании условий присоединения. Протокол о присоединении к ВПСТТП был ратифицирован Великобританией в мае 2024 г. и в настоящее время проходит ратификационные процедуры в других странах-участницах партнерства. В 2021–2023 гг. заявки на присоединение подали КНР, Тайвань, Эквадор, Коста Рика и Уругвай (последний, как и Великобритания, имеет выход в Атлантический океан и не относится к АТР).

Соглашение о ВРЭП также устанавливает принцип открытости Соглашения и обязывает Совместный комитет утвердить процедурные правила для присоединения новых членов. Такое присоединение стало возможным по истечении 18 месяцев с даты вступления Соглашения в силу, и к настоящему моменту заявки на присоединение подали Бангладеш, Гонконг, Шри-Ланка и Чили. Сообщается и об интересе Великобритании к членству в ВРЭП.

Исходя из выявленных выше признаков говорить о ТПП и ВРЭП как об «аморфных» структурах без четкой международно-правовой основы, формализованной организационной структуры и без права принятия юридически значимых решений было бы неверным. В то же время отсутствие статуса ММПО и собственной правосубъектности роднит рассматриваемые партнерства с моделью «экономической интеграции без членства», опробованной в Европейском экономическом пространстве с участием ЕС и ряда стран-участниц Европейской ассоциации свободной торговли [9].

Поскольку для стран-участниц обоих партнерств характерно параллельное участие в других интеграционных объединениях и двусторонних соглашениях о свободной торговле, ВПСТТП и Соглашение о ВРЭП исходят из необходимости соблюдения сторонами своих обязательств, вытекающих из других торговых соглашений, и

предусматривают проведение консультаций в случае возникновения противоречий с такими обязательствами. Действующие в ТТП и ВРЭП правила происхождения товаров составлены таким образом, чтобы исключить вытекающие из соглашений преимущества для товаров, произведенных в третьих странах и импортированных в какую-либо страну-участницу соответствующего партнерства в рамках режима свободной торговли, применяющегося в отношении страны-производителя.

С точки зрения избранной формы торгово-экономической интеграции ни ВПСТТП, ни Соглашение о ВРЭП не ставят целью формирование единой таможенной территории, таможенного, экономического или валютного союза и общего рынка ни на первоначальном этапе создания партнерств, ни в дальнейшем. По сути, рассматриваемые соглашения формируют «лишь» ЗСТ, но ЗСТ нового поколения, сочетающее традиционные принципы свободного перемещения товаров и услуг в соответствии со статьями XXIV ГАТТ (в частности, подпункта b пункта 8) и V ГАТС с элементами общего рынка, предусматривающими свободу перемещения и других факторов производства – капиталов, инвестиций и, в определенной степени, трудовых ресурсов. Данная особенность отмечалась исследователями еще на этапе формирования ТТП: «в Транстихоокеанском партнерстве будет сформирована зона свободной торговли высокого стандарта, которая включает так называемые сингапурские вопросы – инвестиции, содействие торговле, конкурентную политику и госзакупки» [4] (термин «сингапурские вопросы» относится к аспектам международной торговли, которые рассматривались на первой Министерской конференции ВТО в Сингапуре в 1996 г.). Соглашение о ВРЭП также распространяется на целый ряд не регулируемых правом ВТО сфер инвестиционного, экономического, политико-экономического и социального взаимодействия; подобного рода РТС принято относить к категории «ВТО плюс».

Режим взаимной торговли товарами в ТТП и ВРЭП однотипен и складывается из двух основных компонентов: (1) предоставление каждой стороной Соглашения товарам из других сторон национального режима в соответствии со статьей III ГАТТ 1994 г. и (2) поэтапное устранение импортных и экспортных пошлин во взаимной торговле в соответствии с индивидуальными обязательствами сторон. Каждая договаривающаяся сторона применяет собственный перечень тарифных уступок (то есть снижение или обнуление ставок таможенных пошлин) в отношении товаров, происходящих в других договаривающихся сторонах. Для большинства товаров предусмотрено обнуление ставки (единовременное или постепенное, с переходным периодом до 20 лет) либо существенное снижение по сравнению со ставкой РНБ. Тем не менее во многих перечнях тарифных уступок в отношении отдельных товаров, происходящих из других договаривающихся сторон, допускается сохранение ставки РНБ; присутствует и дифференциация преференциальных ставок в зависимости от страны происхождения (с соблюдением принципа максимальных уступок для дого-

варивающихся сторон, относящихся к наименее развитым странам). Единственной страной, полностью отменившей импортные пошлины на товары из стран-партнеров по ТТП и ВРЭП, является Сингапур.

В отношении количественных ограничений и иных нетарифных барьеров ВПСТТП и Соглашение о ВРЭП в основном ссылаются на нормы ВТО, не позволяя сторонам применять какие-либо иные ограничения, нежели те, которые предусмотрены правом ВТО. В то же время оба соглашения содержат весьма объемные разделы, посвященные санитарным и фитосанитарным мерам (СФС), техническому регулированию и применению мер торговой защиты. Стороны во взаимной торговле имеют право применять специальные защитные меры в течение переходного периода (3 года после вступления в силу ВПСТТП и 8 лет после вступления в силу Соглашения о ВРЭП) в случае, если импорт каких-либо товаров на территорию одной из договаривающихся сторон осуществляется в резко возросшем объеме, что угрожает существенным ущербом отечественным производителям. В качестве защитной меры импортирующая сторона может приостановить снижение импортной пошлины согласно своему перечню тарифных уступок либо повысить ставку пошлины до уровня РНБ, но применение количественных ограничений или тарифных квот в качестве защитной меры не допускается.

В целях либерализации взаимной торговли услугами ВПСТТП и Соглашение о ВРЭП предусматривают, что каждая из договаривающихся сторон принимает на себя обязательства одним из двух способов: (1) позитивный – сторона закрепляет специфические обязательства по либерализации в каждом из секторов услуг; (2) негативный – сторона устанавливает перечень национальных мер, в отношении которых обязательства по либерализации услуг не применяются. И перечни специфических обязательств, и перечни национальных мер, изъятых из-под либерализации, приведены в приложениях к соответствующему соглашению. Страны, избравшие позитивный способ (в частности, Вьетнам, КНР, Новая Зеландия), предоставляют услугам и поставщикам услуг из других договаривающихся сторон доступ на свои рынки в пределах и на условиях, установленных в их специфических обязательствах. Остальные страны выполняют обязательства в отношении услуг исходя из базовых положений о предоставлении РНБ и национального режима с изъятиями, зафиксированными в их национальных перечнях.

Инвестиционные положения соглашений о ТТП и ВРЭП также основаны на сочетании национального режима и РНБ, то есть каждая договаривающаяся сторона предоставляет инвесторам любой другой договаривающейся стороны во всем, что касается учреждения, приобретения, расширения, управления, использования, эксплуатации, продажи или иного распоряжения объектами инвестиционной деятельности на своей территории, режим не менее благоприятный, чем тот, который она предоставляет в сопоставимых обстоятельствах (а) своим внутренним инвесторам и

инвестициям и (б) инвесторам из других договаривающихся сторон или третьих стран. Договаривающиеся стороны вправе сформулировать перечни национальных мер, которые изымаются из-под взаимных обязательств в отношении инвестиций; такие перечни закреплены в приложениях к соответствующему соглашению. Соглашение о ВРЭП предоставляет освобождение от обязательств о РНБ в отношении инвестиций Вьетнаму, Камбодже, Лаосу и Мьянме.

С целью облегчить перемещение физических лиц, задействованных в торговле товарами, услугами и инвестиционной деятельности, между странами-участницами ТТП и ВРЭП соглашения предусматривают льготные миграционные режимы для бизнес-туристов, работников, перемещаемых между подразделениями компаний в разных договаривающихся сторонах, и других категорий граждан согласно национальным перечням обязательств. Оба соглашения особо оговаривают, что они не распространяются на лиц, желающих трудоустроиться в другой договаривающейся стороне, а также на вопросы гражданства, постоянного места жительства или постоянных трудовых отношений. То есть обеспечение полноценной свободы перемещения трудящихся в рамках ТТП и ВРЭП не осуществляется.

Национальный режим заложен в основу обязательств договаривающихся сторон и в отношении охраны интеллектуальной собственности. В этой части ВПСТТП и Соглашение о ВРЭП содержат отсылки к нормам Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС), декларации ВТО по ТРИПС и общественному здравоохранению и актам Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС). Соглашения содержат перечни международных конвенций по охране отдельных видов интеллектуальной собственности (9 в ВПСТТП и 12 в Соглашении о ВРЭП), в отношении которых договаривающиеся стороны принимают обязательства по ратификации или присоединению.

Отдельные разделы соглашений посвящены принципам политики сторон в области конкуренции и государственных закупок, поддержке малых и средних предприятий, недискриминации в сфере электронной торговли, административному сотрудничеству. Соглашение о ВРЭП определяет границы широкого экономического и технического сотрудничества сторон для достижения поставленных в Соглашении целей, тогда как ВПСТТП устанавливает конкретные обязательства сторон по определению сфер и созданию механизмов сближения правового регулирования (без какой-либо передачи регулирующих функций на меж- или наднациональный уровень). Для ВПСТТП характерно и наличие положений по охране труда, окружающей среды, борьбе с коррупцией.

Оба соглашения содержат подробные разделы о разрешении споров между договаривающимися сторонами. Не ограничивая право выбора сторонами форума для рассмотрения тех или иных разногласий, соглашения предлагают детальные механизмы разрешения споров посредством третейских групп, схожие с аналогичным ме-

ханизмом ВТО (но без апелляционного органа). Предусмотрены компенсации и временные меры, в частности приостановка тарифных уступок, применяемые в качестве средства обеспечения исполнения решений третейских групп. Однако предлагаемый соглашениями порядок разрешения споров не применяется к взаимным обязательствам сторон в отношении мер торговой защиты, технического регулирования, СФС, конкуренции. ВПСТТП также призывает стороны развивать арбитражные или иные альтернативные механизмы разрешения международных коммерческих споров между частными лицами в пределах зоны свободной торговли.

Итак, исходя из приведенной выше характеристики соглашений о ТТП и ВРЭП, будет ли правомерно рассматривать данные партнерства как принципиально новую модель региональной экономической интеграции государств? Очевидно, рассматриваемые партнерства не обладают статусом международной организации региональной экономической интеграции и не наделены правосубъектностью, что с точки зрения сложившихся в отечественной правовой науке подходов ставит вопрос, могут ли партнерства вообще считаться интеграционными объединениями. Существует даже мнение, что международная экономическая интеграция «в юридической области получает свое организационно-правовое воплощение в виде международной организации наднационального типа, или конфедерации» [10], хотя преобладающая точка зрения заключается в том, что организационно-правовой основой интеграционных объединений выступает, как правило, международная организация, и лишь «на продвинутых этапах интеграции международная организация, являющаяся организационной основой интеграционного объединения, приобретает надгосударственный характер» [9]. То есть региональная экономическая интеграция оформляется посредством либо традиционных (классических) международных организаций, либо международных организаций интеграционного типа с надгосударственными (наднациональными) полномочиями [1; 5]. На примере АТР подобный подход реализуется, в частности, в АСЕАН, статья 3 устава которой провозглашает, что ассоциация является межправительственной организацией, имеющей статус юридического лица. Аналогичная формулировка содержится в уставе Инициативы стран Бенгальского залива по многоотраслевой технико-экономической кооперации (БИМТЭК), в которой состоят и некоторые из стран-участниц ВРЭП – Мьянма и Таиланд. Хотя наделение интеграционных организаций наднациональными полномочиями для АТР не свойственно.

Что касается степени экономического сближения стран-участниц ТТП и ВРЭП, то и здесь интеграционная составляющая достаточно спорна. Международную интеграцию принято рассматривать как процесс, «направленный на постепенное образование межгосударственного, экономически, а возможно, и политически единого, целостного (*integro*) пространства, зяждущегося на общем рынке обращения товаров, услуг, капиталов и рабочей силы» [6], который характеризуется «созданием объеди-

ненного рыночного пространства с единой денежно-финансовой системой, унифицированными правовыми основами и согласованием внутренней и внешней политики в определенных сферах» [11] и «ведет к долгосрочной технической, технологической и экономической взаимозависимости» [12]. Построение общего рынка, и тем более единого экономического и политического пространства, не является целью ни ТТП, ни ВРЭП, а о реальной взаимозависимости стран-участниц этих партнерств (кроме тех из них, которые уже длительное время состоят в АСЕАН) можно будет судить лишь в средне- и долгосрочной перспективе. Унификация права также не свойственна данным партнерствам, если не считать провозглашенных в ТТП задач по сближению правового регулирования стран-участниц.

Наконец, текущие тенденции расширения ТТП и открытость обоих партнерств для новых членов ставят под вопрос и саму региональную природу этих объединений. Если считать международную экономическую интеграцию одной из форм регионализации, представляющей собой «экономическое сближение государств по территориальному признаку» [13], то рассматриваемые партнерства, которые (по крайней мере ТТП) в ближайшей перспективе могут включить страны за пределами АТР, выходят за региональные рамки.

Однако именно последняя особенность рассматриваемых партнерств – их внерегиональный или «мегарегиональный» охват – во многом объясняет их особое место среди многообразия международно-правовых форм торгово-экономического сотрудничества государств. В научных исследованиях по проблематике АТР отмечается, что «процесс подобной мегарегионализации влечет за собой не только создание региональных межгосударственных объединений интеграционного типа с наднациональными полномочиями или в форме традиционных международных организаций, но и появление менее формализованных региональных межгосударственных объединений неинтеграционного типа, которые способны содействовать "нарастанию" совокупного потенциала экономической мощи объединившихся стран» [5, с. 10].

По нашему мнению, для квалификации объединений государств в качестве интеграционных должны использоваться критерии, позволяющие отнести к данной категории не только региональные организации экономической интеграции, но и иные организационно-правовые формы, созданные на основе многосторонних РТС в целях обеспечения международной региональной или межрегиональной торгово-экономической интеграции по моделям, базирующимся на нормах ГАТТ и ГАТС, но не включающим преференциальные системы, параорганизации и иные неформальные образования. Можно исходить из следующих основных признаков интеграционного объединения: «четко сформулированная цель (сотрудничество государств для достижения интеграции (сближения) в различных областях), комплексность поставленных задач (повышение уровня социально-экономического развития стран-членов), а также характерная система органов (совещательный орган по типу высшего совета

или парламента; исполнительный орган в виде высшей комиссии; судебный орган)» [14]. Хотя не все данные признаки полностью применимы к существующим интеграционным объединениям (например, МЕРКОСУР и АСЕАН не имеют самостоятельного судебного органа), по большей части они отражают современные реалии интеграционных процессов, особенно в АТР. Полагаем, что если целью объединения является создание ЗСТ в соответствии одновременно со статьей XXIV ГАТТ и статьей V ГАТС (кстати, последняя называет такие РТС «соглашениями об экономической интеграции»), а тем более по модели «ВТО плюс», наличие у такого объединения интеграционного характера несомненно.

Таким образом, ТТП и ВРЭП можно отнести к объединениям, для создания которых использованы «мягкие схемы интеграции» [15], в наибольшей степени отвечающие интересам стран-участниц. С учетом широкого географического охвата обоих партнерств и участия в них государств, находящихся на различных уровнях экономического развития и имеющих собственные интеграционные обязательства в рамках иных субрегиональных или региональных группировок, применение более «жестких» международно-правовых форм интеграции вряд ли было бы оправдано. Созданные в АТР партнерства можно рассматривать как перспективную модель экономической интеграции для государств, не готовых к полному и одномоментному открытию своих границ для товаров, услуг и рабочей силы стран-партнеров и к передаче каких-либо суверенных полномочий по правовому регулированию на наднациональный уровень, особенно если такая интеграция носит межрегиональный характер. Опыт функционирования партнерств будет безусловно важен для дальнейшего внимательного изучения, в том числе в связи с формированием в странах-участницах «многослойного» правового регулирования внешнеэкономической деятельности, вытекающего из одновременного участия этих стран в различных двусторонних и многосторонних торговых соглашениях.

Список источников

1. Глобализация и интеграционные процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе (правовое и экономическое исследование): монография / Н.М. Бевеликова, Н.Г. Доронина, О.О. Журавлева [и др.]; под ред. Т.Я. Хабриевой. М.: ИЗиСП, ИНФРА-М, 2014. 333 с.

2. Asia-Pacific Trade Agreement: an evolving preferential regional trade agreement. URL: <https://www.unescap.org/kp/2022/asia-pacific-trade-agreement-evolving-preferential-regional-trade-agreement>.

3. Цзюньтао В., Любина Д.Е. Транс-тихоокеанское партнерство: история поэтапного развития региональной интеграции в АТР // Проблемы постсоветского пространства. 2021. Т. 8, № 1. С. 113–122. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2021-8-1-113-122>.

4. Костюнина Г.М., Баронов В.И. Транстихоокеанское партнерство: основные положения соглашения и потенциальный эффект // *Международная жизнь*. 2016. № 2. С. 90–112.
5. Перская В.В., Эскиндаров М.Л. Точки сопряжения экономических стратегий развития государств – членов АТЭС и ШОС – при переходе к многополярности (методологические подходы и инструментарий выявления сфер взаимного интереса). М.: Экономика, 2013. 388 с.
6. Вельяминов Г.М. *Международное право: опыты*. М.: Статут, 2015. 1006 с.
7. Доронина Н.Г., Казанцев Н.М., Семилютин Н.Г. *Правовое регулирование экономических отношений: глобальное, национальное, региональное: монография*. М.: ИЗиСП, НОРМА, ИНФРА-М, 2017. 160 с.
8. Красинский В.В. *Защита государственного суверенитета: монография*. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2017. 608 с.
9. *Словарь международного права* / Т.Г. Авдеева, В.В. Алешин, Б.М. Ашавский [и др.]; отв. ред. С.А. Егоров. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2014. 495 с.
10. Скурко Е.В. *Глобальная и региональная торгово-экономическая интеграция. Эффективность правового регулирования*. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. 297 с.
11. *Международное право: учебник* / Б.М. Ашавский, М.М. Бирюков, В.Д. Бордунов и др.; отв. ред. С.А. Егоров. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2014. 1087 с.
12. Мисько О.Н. *Международная экономическая интеграция*. СПб.: Университет ИТМО, 2015. 174 с.
13. Каширкина А.А., Морозов А.Н. *Международно-правовые модели Европейского союза и Таможенного союза: сравнительный анализ: монография*. М.: ИЗиСП, 2012. 368 с.
14. Рафалюк Е.Е., Залоило М.В., Власова Н.В. *Понятия, виды и формы евразийского и латиноамериканского интеграционных объединений (сравнительно-правовой анализ) // Журнал российского права*. 2016. № 1. С. 154–168.
15. Костюнина Г.М. *Особенности интеграционных процессов в Азиатско-Тихоокеанском регионе* / Г.М.Костюнина // *Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник*. Вып. 12 / РАН. ИНИОН. Отд.науч. сотрудничества; отв. ред. В.И. Герасимов. М., 2017. Ч. 1. С. 300–305.

References

1. Bevelikova N.M., Doronina N.G., Khabrieva T.Ya., O.O. Zhuravleva (et al.). *Globalizatsiya i integratsionnye protsessy v Aziatsko-Tikhookeanskom regione (pravovoe i ekonomicheskoe issledovanie)* [Globalization and integration processes in the Asia-Pacific region (legal and economic study): a monograph]. Moscow: INFRA-M Publ., 2014. 333 p. (In Russ.).

2. Asia-Pacific Trade Agreement: an evolving preferential regional trade agreement. <https://www.unescap.org/kp/2022/asia-pacific-trade-agreement-evolving-preferential-regional-trade-agreement>.

3. Juntao W., Lyubina D.E. Trans-tikhookeanskoe partnerstvo: istoriya poetapnogo razvitiya regional'noi integratsii v ATR [Trans-Pacific partnership: history of gradual development of regional integration in the Asia-Pacific Region. Post-Soviet Issues]. *Problemy postsovetskogo prostranstva*, 2021, vol. 8 (1), pp. 113–122. (In Russ.) URL: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2021-8-1-113-122>.

4. Kostyunina G.M., Baronov V.I. Transtikhookeanskoe partnerstvo: osnovnye polozheniya soglasheniya i potentsial'nyi effekt [Trans-Pacific Partnership: key provisions of the agreement and potential effect.] *Mezhdunarodnaya zhizn'*, 2016, no. 2, pp. 90–112 (In Russ.).

5. Perskaya V.V., Eskindarov M.L. Tochki sopryazheniya ekonomicheskikh strategii razvitiya gosudarstv – chlenov ATES i ShOS – pri perekhode k mnogopolyarnosti (metodologicheskie podkhody i instrumentarii vyyavleniya sfer vzaimnogo interesa). [Points of conjugation of economic development strategies of the APEC and SCO member states in the transition to multipolarity (methodological approaches and tools for identifying areas of mutual interest)]. Moscow: Ekonomika Publ., 2013. 388 p. (In Russ.).

6. Vel'yaminov G.M. Mezhdunarodnoe pravo: opyty [International law: experiences]. Moscow: Statut Publ., 2015. 1006 p. (In Russ.).

7. Doronina N.G., Kazantsev N.M., Semilyutina N.G. Pravovoe regulirovanie ekonomicheskikh otnoshenii: global'noe, natsional'noe, regional'noe: monografiya [Legal regulation of economic relations: global, national, regional: a monograph]. Moscow: NORMA, INFRA-M Publ., 2017. 160 p. (In Russ.).

8. Krasinskii V.V. Zashchita gosudarstvennogo suvereniteta: monografiya [Protection of state sovereignty: a monograph]. Moscow: NORMA, INFRA-M Publ., 2017. 608 p. (In Russ.).

9. Avdeeva T.G., Aleshin V.V., Ashavskii B.M., Egorov S.A. (et al.). Slovar' mezhdunarodnogo prava [International law dictionary]. 3rd ed., reprint, amended. Moscow: Statut Publ., 2014. 495 p. (In Russ.).

10. Skurko E.V. Global'naya i regional'naya torgovo-ekonomicheskaya integratsiya. Effektivnost' pravovogo regulirovaniya. [Global and regional trade and economic integration. Efficiency of legal regulation]. St. Petersburg, Law Centre Press Publ., 2004. 297 p. (In Russ.).

11. Ashavskii B.M., Biryukov M.M., Bordunov V.D., Egorov S.A. (et al.). Mezhdunarodnoe pravo: uchebnik [International law: manual]. 5th ed., reprint, amended. Moscow: Statut Publ., 2014. 1087 p. (In Russ.).

12. Mis'ko O.N. Mezhdunarodnaya ekonomicheskaya integratsiya [International economic integration]. St. Petersburg: ITMO University Publ., 2015. 174 p. (In Russ.).

13. Kashirkina A.A., Morozov A.N. *Mezhdunarodno-pravovye modeli Evropeiskogo soyuza i Tamozhennogo soyuza: sravnitel'nyi analiz: monografiya* [International law models of the European Union and the Customs Union: a comparative analysis: a monograph]. Moscow: IZiSP Publ., 2012. 368 p. (In Russ.).

14. Rafalyuk E.E., Zaloilo M.V., Vlasova N.V. *Ponyatiya, vidy i formy evraziiskogo i latinoamerikanskogo integratsionnykh ob"edinenii (sravnitel'no-pravovoi analiz)* [Concepts, types and forms of the Eurasian and Latin American integration unions (comparative legal analysis)]. *Zhurnal rossiiskogo prava*. 2016, no. 1, pp. 154–168. (In Russ.).

15. Kostyunina G.M. *Osobennosti integratsionnykh protsessov v Aziatsko-Tikhookeanskom regione* [Specifics of integration processes in the Asia-Pacific region]. In: *Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya. Ezhegodnik*. Iss. 12. Moscow, 2017, Ch. 1, pp. 300–305. (In Russ.).

Информация об авторах

А.А. Наку – кандидат юридических наук, доцент кафедры интеграционного права и прав человека МГИМО МИД России, Москва, Российская Федерация, a.naku@inno.mgimo.ru, <https://orcid.org/0009-0008-1756-532X>.

Information about the authors

A.A. Naku, Candidate of Law, Associate Professor of the Chair of Integration Law and Human Rights, MGIMO University, Moscow, Russian Federation, a.naku@inno.mgimo.ru, <https://orcid.org/0009-0008-1756-532X>.

Статья поступила в редакцию / The article received 24.08.2023;
одобрена после рецензирования / revised 13.08.2024;
принята к публикации / accepted 03.09.2024.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, № 3. С. 73–83.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2024. Vol. 26, no. 3. P. 73–83.

Научная статья

УДК 339.5(470:510)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2024-3/73-83>

Анализ развития современной двусторонней торговли между РФ и КНР

Фу Юаньюань ✉, Даниил Семенович Демиденко

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,

Санкт-Петербург, Российская Федерация

✉ fuyuan yuan911@gmail.com

Аннотация. В последние годы в мировом торговом ландшафте произошли значительные изменения. Одним из самых заметных событий стало укрепление торговых и экономических отношений между Россией и Китаем. Партнерство обеих стран, основанное на взаимовыгодной экономической структуре и общих стратегических целях, привело к возникновению сложной и разнообразной торговой динамики, способной влиять на региональные и глобальные экономические траектории.

Анализ эволюции торгово-экономических взаимодействий Китайской Народной Республики и Российской Федерации является важным аспектом исследований в области международной экономики и развития экономических связей между этими двумя странами. С 2022 г. объем торговли между ними постоянно растет, устанавливая новые исторические рекорды. Кроме того, на протяжении 14 лет Китай является крупнейшим торговым партнером России во многих отношениях.

Цель данной статьи – изучение динамики торгово-экономических обменов между Китаем и Россией за последние годы и определение перспектив дальнейшего взаимовыгодного сотрудничества. Для достижения указанной цели в качестве основных источников информации использовались отчеты таможенных органов обеих стран, экспертные анализы и документы государственных и частных учреждений. Анализ этих источников выявил несколько ключевых тенденций и факторов, влияющих на развитие и будущие перспективы двусторонних отношений. Отмечается расширение объема торговли, а также увеличение доли Китая в российском товарообороте. Кроме того, наблюдаются диверсификация товарной структуры и активизация инвестиционного сотрудничества. На основе проведенного анализа сделаны вы-

воды относительно потенциального будущего развития и перспектив взаимовыгодного сотрудничества Китая и Российской Федерации на ближайшие годы.

Ключевые слова: перспективы развития двусторонней торговли КНР и РФ, объемы и динамика торговли КНР и РФ

Для цитирования: Фу Юаньюань, Демиденко Д.С. Анализ развития современной двусторонней торговли между РФ и КНР // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, № 3. С. 73–83.

Original article

Analyzing the development of modern bilateral trade between the Russian Federation and the PRC

Fu Yuanyuan✉, **Daniil S. Demidenko**

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
Saint Petersburg, Russian Federation

✉ fuyuanyuan911@gmail.com

Abstract. Analysis of the development of trade and economic relations between the People's Republic of China (PRC) and the Russian Federation (RF) is an important aspect of research in the field of international economics and the development of economic relations between these two countries. Since 2022, trade turnover between them has been constantly increasing, setting new historical records. For about 14 years, China has been Russia's largest trading partner in many respects. The purpose of this article is to analyze the development of trade and economic relations between China and Russia over the past few years and identify prospects for future mutually beneficial cooperation. To do this, reports from customs departments of the two countries, expert reviews, and reports from public and private organizations have been used as the main sources of information. These sources provide detailed information on the flow of goods, currency transactions, investment projects, and other important aspects of the trade and economic relationship between the PRC (China) and Russia. Analysis of these sources revealed several key trends and factors affecting the development and prospects for mutual relations between the two countries.

An increase in trade turnover was observed, as was an increase in China's share in Russian trade. Additionally, there was a diversification of the commodity structure and a deepening of investment cooperation. Problems faced by the two nations in the process of establishing economic ties were identified, along with their possible solutions. Based on this analysis, conclusions were drawn regarding the possible future evolution and prospects for mutually beneficial cooperation between China and the Russian Federation over the coming years.

Keywords: prospects for the development of bilateral trade between China and Russia, volumes and dynamics of trade between China and Russia

For citation Fu Yuanyuan, Demidenko D.S. Analyzing the development of modern bilateral trade between the Russian Federation and the PRC. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*, 2024, vol. 26, no. 2, pp. 73–83. (In Russ.).

Введение

В последние годы КНР и РФ активизировали и расширили свое экономическое и стратегическое сотрудничество. Китай как ведущая экономика мира предоставляет обеим странам широкие возможности извлечения выгод из растущих двусторонних процессов все более взаимодополняющих экономик. Страны имеют общую границу и множество совместных крупномасштабных транспортных проектов, сотрудничают в ключевых отраслях, таких как энергетика, транспорт, обрабатывающая промышленность и т.д. Они также участвуют в БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южная Африка) и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Все эти факторы способствуют укреплению связей между Россией и Китаем.

Тенденции развития

Текущие двусторонние инициативы, такие как разработка инфраструктурных проектов и торговых соглашений, являются важными шагами на пути дальнейшего укрепления отношений между странами. Возможность полного раскрытия потенциала этого партнерства основывается на нынешних стратах взаимного стратегического сотрудничества и, конечно, на будущих тенденциях.

Даже до начала активного геополитического противостояния и санкций против Российской Федерации Китай активно импортировал целый ряд стратегически значимых ресурсов из Российской Федерации. Активное социально-экономическое развитие Поднебесной с 90-х годов прошлого века послужило катализатором роста внутреннего спроса на различные товары, продукты и ресурсы. Начиная с 2022 г. Российская Федерация стала одним из крупнейших поставщиков в КНР, а по ряду направлений – лидером. В 2023 г. экспорт из КНР в РФ вырос на 46,9% – до 111 млрд долл. (рис. 1).

Россия поставляет в Китай замороженную рыбу, доля которой в китайском импорте составляет 29,6%, удобрения – 28%, изделия из древесины – 16,7% и топливо – 13%. Россия играет значительную роль в импорте Китая, поставляя также асбест, электроэнергию, гидроксид магния, гречневую крупу, газеты, льняное масло и многое другое. Начиная с 2022 г. спрос на российские товары в Китае, включая стальные полуфабрикаты, синтетические каучуки, замороженную рыбу, рапсовое масло и другие несырьевые товары, значительно возрос.

Судя по заявлениям лидеров обеих стран, приоритетными направлениями развития торговли являются рост добавленной стоимости и диверсификация российского экспорта в КНР. С этой точки зрения перспективными направлениями являются: информационные технологии, туризм, медицина, финансы, транспорт и логистика. Именно поэтому, например, крайне активно развиваются региональная логистика и трансграничная транспортно-логистическая инфраструктура. Совершенствуются, оптимизируются и модернизируются традиционные маршруты, происходит проектирование и строительство новых магистралей и сопутствующей инфраструктуры как в приграничных районах, так и регионах, связывающих центральную Россию и Сибирь с Китаем. Кроме того, развиваются совместные транспортные проекты железнодорожных веток через Казахстан [1].

Рис. 1. Динамика изменения объемов экспорта в РФ из разных стран в 2021–2023 гг. [1]

В масштабе ближайших десятилетий идея превратить Северный морской путь в часть полярного шелкового пути и интегрировать его с сухопутными маршрутами Евразии открывает широкие возможности для еще более плодотворного сотрудничества.

С учетом нынешнего геополитического климата углубление стратегического сотрудничества с Китаем для России жизненно необходимо. В 2023 г. Российская Федерация увеличила экспорт энергоносителей в Китай, а годом ранее обогнала Саудовскую Аравию в качестве основного поставщика сырой нефти в Китай, став одним из ведущих экспортеров газа (рис. 2).

В настоящее время на завершающем этапе проектирования и договоренностей находится трубопровод «Сила Сибири-2», который может поставлять в Китай примерно 50 млрд кубометров газа в год [2]. Даже существующая энергетическая инфраструктура, соединяющая две соседние страны, позволяет России увеличить поставки природного и сжиженного газа в Китай. Китайский импорт угля из России

достиг пятилетнего максимума, а ежедневный объем торгов по обменному курсу юань-рубль значительно увеличился.

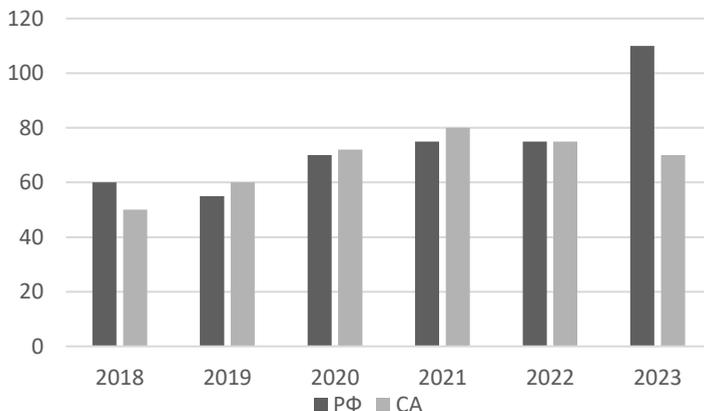

Рис. 2. Динамика экспорта нефти из РФ и Саудовской Аравии в КНР с 2018 по 2023 г., млн т [3; 4]

Основные направления торгово-экономического сотрудничества

Нынешний геополитический кризис, который возник на фоне противостояния мировых держав, стал очередным катализатором сбоев и последующей трансформации в глобальных цепочках поставок. На этом фоне Правительство Российской Федерации вынуждено и оперативно расширило свое присутствие в Азии, углубив торгово-экономические отношения с рядом стран региона, но в первую очередь с КНР [5]. Китай продолжает оставаться крупнейшим торговым партнером Российской Федерации на протяжении последних 14 лет, импортируя в основном сырье или высокотехнологичные товары и компоненты для их производства. В частности, рост товарооборота в 2022 г. составил 29,3% (порядка 190,3 млрд долл.). На то время это было рекордное для двух стран значение данного показателя. Однако уже в 2023 г. рост товарооборота составил 26,3% – суммарно более 240 млрд долл. (рис. 3).

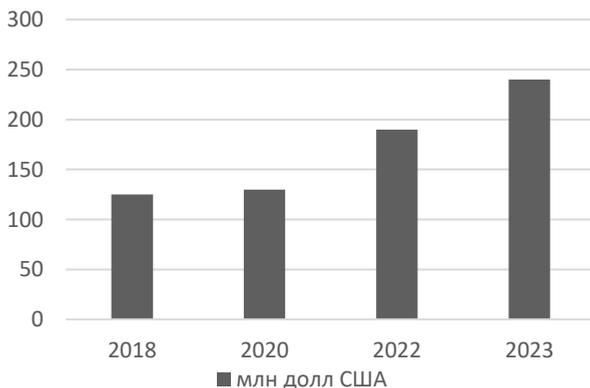

Рис. 3. Рост объемов торговли РФ и КНР с 2018 по 2023 г.

Источник: составлено автором на основе анализа статистики [3; 4]

В основном эта позитивная динамика обусловлена 75%, относительно всего импорта, ростом российских поставок энергоресурсов в КНР. В 2022 г. экспорт РФ в КНР превышал китайский экспорт в РФ в 1,5 раза, достигнув 114 млрд долл., что на 43% выше аналогичного показателя 2021 г. (при этом экспорт КНР в РФ составил 76,12 млрд долл., что на 13% выше аналогичного показателя 2021 г.). Из КНР в Россию поступает широкий перечень продукции — от автомобилей и смартфонов до промышленного оборудования и игрушек.

Согласно статистике Главного таможенного управления КНР, за один лишь декабрь 2023 г. товарооборот между странами достиг 22 млрд долл. (российский импорт составил 11,2 млрд долл., КНР экспортировал в РФ 10,8 млрд долл.). При этом за первые два месяца 2024 г. товарооборот составил 37 млрд долл., увеличившись на 9,3% относительно аналогичного периода годом ранее. Также заметен рост доли РФ во внешней торговле КНР. Данный показатель в 2022 г. увеличился до 3,3% (рост составил 0,9%) [6].

По заявлению Главного таможенного управления КНР, цели, намеченные лидерами обеих стран на 2024 г., были достигнуты уже в ноябре 2023 г. Кроме того, премьер-министр РФ М. Мишустин заявил, что КНР и РФ в двусторонней торговле почти полностью избавились от взаиморасчетов в валюте третьих стран. Заместитель председателя Правительства Российской Федерации Д.В. Чернышенко уточнил, что в 2023 г. доля расчетов в национальных валютах составила 92% [7].

Как отмечалось выше, энергетический сектор стал локомотивом развития двусторонней торговли в 2022 г. Этому также способствовал рост цен на энергоносители, что отразилось и на количественных показателях. В 2023 г. данный сектор также был основным, но в связи со снижением цен на энергоносители положительное сальдо Российской Федерации снизилось до 18,7 млрд долл.

Согласно официальной российской статистике, в 2021 г. доля энергоресурсов в российском экспорте в Китай составила около 68%. К 2022 г. Россия увеличила экспорт нефти, природного газа, СПГ, угля и мазута. В результате доля энергоносителей в общем объеме китайского импорта из России превысила 70%. Объем российско-китайской торговли энергоносителями увеличился на 64%, в то время как общий объем товарооборота увеличился всего на 10%. Объем экспорта нефти из России в КНР в стоимостном выражении году составил 60,6 млрд долларов, что на 3,5% больше по сравнению с предыдущим годом [3].

Россия, как и годом ранее оставалась ведущим экспортером нефти в Китай, на втором месте – Саудовская Аравия (86 млн тонн) и Ирак (59 млн тонн). По данным Главного таможенного управления КНР, в 2023 г. Россия поставила в Китай 107 млн тонн нефти – на 24% больше, чем годом ранее. Также в 2023 г. на 23% вырос экспорт СПГ в КНР (8 млн тонн СПГ на 5,2 млрд долл. против 6,5 млн тонн СПГ за 6,74 млрд долл. в 2022 г.) [8].

Между тем в 2023 г. объем электроэнергии, поставляемой из РФ в КНР, сократился более чем на треть (до 3,1 млрд квтч), вернувшись к обычному среднегодовому показателю за 2012–2020 гг. Это вызвано увеличением внутреннего потребления на Дальнем Востоке, авариями на электростанциях и низким уровнем гидроэнергетики. В декабре 2023 и январе 2024 гг. поставки в Китай были ограничены двумя линиями электропередачи напряжением 110–220 кв., что привело к снижению объема экспорта на 80% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года.

Положительная динамика в структуре российского экспорта в Китай наблюдалась и по ряду других товарных категорий. В частности, в категориях «железо и сталь» и «органическая химия» объем российских поставок в Китай увеличился на 54,6% и 48,3% соответственно. Между тем экспорт в категории «древесина и изделия из нее, а также древесный уголь», которые традиционно занимают значительную долю в двусторонней торговле, сократился на 11,3% из-за повышения экспортных пошлин и соответствующего сокращения экспорта необработанной древесины. В китайском импорте в Россию в 2023 г. также наблюдались положительные тенденции в нескольких товарных категориях. Китай увеличил экспорт бытовой электроники, экскаваторов, автомобилей, микропроцессоров, одежды, обуви и других потребительских товаров. Показатели в категориях каучука и изделий из него и органической химии увеличились на 80,06% и 54,59% соответственно.

Кроме этого, в 2023 г. положительная тенденция наблюдалась в росте объемов поставок из РФ в КНР по таким товарам, как: гречиха (в 7,4 раза); мясо птицы и говядина (132,9 тыс. тонн и 21,5 тыс. тонн соответственно); платина (25,1 тонн – в 2,8 раз выше, чем в 2022 г.); целлюлоза и бумага (на 25,4% выше, чем в 2022 г.); живые крабы (рост на 31%, до 755 млн долл.; зерновые культуры (\$325 млн долл., что в 3,7 раз выше аналогичного периода годом ранее); фанера (в 2,1 раза выше, чем в 2022 г. – 239 тыс. куб); шоколад (в 1,4 раза – 55,5 млн долл.) [9]. Однако на 19% сократился импорт из РФ в КНР различных пластмасс, составив суммарное значение 487 млрд долл. Наряду с этим импорт китайских пластмасс в РФ вырос до 4,44 млрд долл., что на 20,1% выше аналогичного показателя 2022 г.

Доля КНР в российском импорте выросла с 27 до 45%, а стран Запада снизилась с 47 до 17%. Для российского экспорта доля недружественных рынков сбыта снизилась с 57 до 15%, а Китая возросла с 13 до 28% [6].

В структуре китайского экспорта в РФ заметен рост поставок автомобилей, тракторов и электрооборудования. Это обусловлено заполнением вакуума на рынке после ухода западных производителей из Российской Федерации. В итоге РФ занимает первое место среди стран, куда КНР экспортирует свои автомобили (рис. 4).

Следует отметить и негативные факторы торгово-экономических связей двух стран. К ним относятся отрицательные тренды в мировой экономике, внутренние проблемы экономик РФ и КНР, которые негативно влияют на показатели внутрен-

него спроса, а также непредсказуемость цен на энергоносители и возможные вторичные санкции США, ЕС и ряда других стран. Для преодоления этих проблем в развитии экономического партнерства эксперты предлагают усилить координацию между ведомствами двух стран. Перспективные области сотрудничества включают минимизацию негативных последствий западных санкций, активизацию усилий по предупреждению комплаенс-рисков и защите интересов российских и китайских предприятий в условиях внешнеэкономических ограничений, сокращение институциональных барьеров для расчетов в национальных валютах и устранение торговых барьеров.

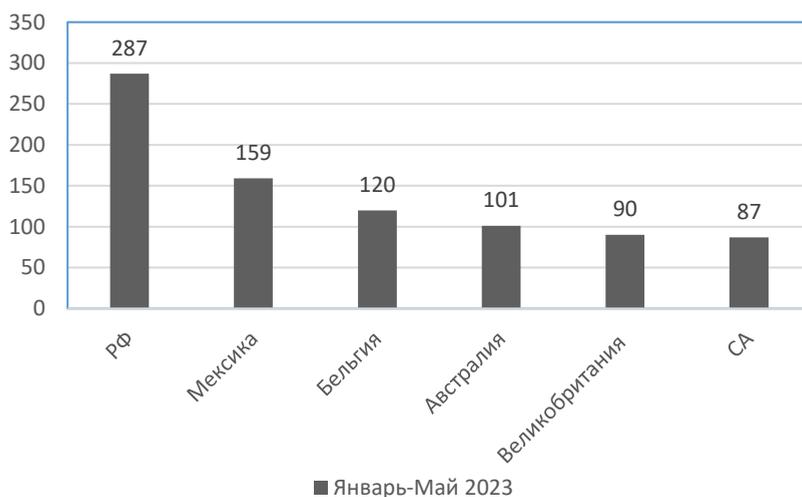

Рис. 4. Количество экспортированных китайских авто в разные страны с января по май 2023 г., тыс. шт. [3; 4].

Для китайских банков остро стоит проблема опасения вторичных санкций со стороны США. В результате они проявляют «overcompliance», отказывая в открытии счетов российским компаниям. Странам необходимо продолжать создавать независимую от Запада инфраструктуру расчетов, межведомственный диалог для решения проблем координации и обмена информацией [10]. Вместе с тем российско-китайский товарооборот выходит на плато после бурного роста в 2022–2023 гг. Поскольку доля КНР в российском экспорте составляет около 28%, дальнейшее ее увеличение может привести к излишней зависимости от китайского рынка сбыта, как это было с ЕС. В целом, обеим странам крайне важно соблюсти баланс и диверсифицировать экспорт и импорт для сохранения положительного взаимного торгово-экономического влияния. Диверсификация торгового баланса необходима России и Китаю по ряду причин.

В первую очередь это снижение рисков зависимости от ограниченного ассортимента товаров или отраслей промышленности. Изменения мировых цен или спроса на эти товары могут оказать непропорциональное воздействие на экономику

той или иной страны. Диверсифицированный торговый баланс является важным фактором обеспечения экономической стабильности. Диверсификация подобного рода косвенно способствует развитию новых отраслей промышленности, стимулируя инновации, создавая рабочие места и активизируя экономический рост. Наконец, диверсификация в торговле способствует достижению большей устойчивости. Таким образом, диверсификация торговли может помочь России и Китаю построить более устойчивые экономики. Это позволит снизить риски, стимулировать инновации и рост, а также способствовать достижению целей устойчивого развития.

Выводы

Таким образом, двусторонние отношения между Россией и Китаем, вероятно, продолжат расширяться в 2024 г. в экономическом, энергетическом и агропромышленном секторах. У России и Китая прочные торговые связи, которые за последние годы укрепились. Китай поставляет в Россию практически все виды продукции – не только продукты питания, но и оборудование, мобильные телефоны, а также товары массового производства. Странам крайне важно обеспечить не только рост товарооборота, но и создать условия для диверсификации торгового баланса для обеспечения устойчивости и независимости своих экономик. Несмотря на то, что российско-китайская торговля относительно сбалансирована, наблюдается диспропорция, связанная со структурой российского экспорта. Представляется, что улучшение структуры российского экспорта в Китай возможно, например, за счет увеличения доли сельхозпродукции и неэнергетической продукции. Предпосылки этого, как показано в статье, наблюдались в 2023 г.

Список источников

1. World Economic Outlook 2024. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2024/01/30/world-economic-outlook-update-january-2024>.
2. Zhou H., Liu X. Economic interdependence and political security in China-Russia relations: A theoretical analysis // Journal of East China Normal University (Philosophy and Social Sciences). 2023. Vol. 1. P. 1–11. URL: <http://www.ecnu.edu.cn/>.
3. Главное таможенное управление КНР. URL: <https://english.customs.gov.cn/>.
4. Федеральная таможенная служба Российской Федерации. URL: <https://customs.gov.ru/>.
5. Иолкина О.С., Шевко Н.Р. Перспективы и проблемы внешней торговли России и Китая: сборник трудов конференции // Дни студенческой науки : сборник статей V Междунар. студ. конф. (Казань, 15 апр. 2022 г.) / редкол.: Е.А. Астраханцева [и др.]. Чебоксары: Среда, 2022. С. 200–201.
6. Stent A. Russia and China: Axis of Revisionists. Brookings. URL: <https://www.brookings.edu/research/russia-and-china-axis-of-revisionists>.

7. Прохин Е.А. Россия и Китай: результаты сотрудничества и перспективы развития взаимоотношений Экспертное заключение. Подготовлено по итогам сессии ПМЭФ-2022 «Экономика замкнутого цикла и экология». 27.12.2022. URL: <https://www.investinregions.ru/analytics/a/materials-222565/>.

8. Грошева Е.К., Фань С. Анализ состояния китайско-российского торгового сотрудничества в рамках предложения «Один пояс, один путь» // Бизнес-образование в экономике знаний. 2021. № 1 (18). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-sostoyaniya-kitaysko-rossiyskogo-torgovogo-sotrudnichestva-v-ramkah-predlozheniya-odin-poayas-odin-put>.

9. Charap S., Drennan J., Noël P. Russia and China: A new model of great-power relations // *Survival*. 2023. Vol. 59. P. 25–42. URL: <https://www.survivalinternational.org/>.

10. Zhang X., Sun X. Sino–Russian trade and economic cooperation in the context of global economic governance // *China & World Economy*. 2023. Vol. 29. P. 43–60. URL: <https://online.library.wiley.com/>.

References

1. World Economic Outlook 2024. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2024/01/30/world-economic-outlook-update-january-2024>.

2. Zhou H., Liu X. Economic interdependence and political security in China-Russia relations: A theoretical analysis. *Journal of East China Normal University (Philosophy and Social Sciences)*, 2023, vol. 1, pp. 1–11. URL: <http://www.ecnu.edu.cn/>.

3. General Administration of Customs of the People's Republic of China. URL: <https://english.customs.gov.cn/>.

4. Federal Customs Service of the Russian Federation. URL: <https://customs.gov.ru/>. (In Russ.).

5. Iolkina O.S., Shevko N.R. Perspektivy i problemy vneshnei torgovli Rossii i Kitaya: sbornik trudov konferentsii [Prospects and problems of foreign trade of Russia and China: a collection of conference proceedings]. In: *Dni studentcheskoi nauki : sbornik statei V Mezhdunar. stud. konf. (Kazan', 15 apr. 2022 g.)* [Days of Student Science : collection of articles of the V International Student Conference (Kazan, 15 April 2022)]. Cheboksary: Sreda, 2022, pp. 200–201. (In Russ.).

6. Stent A. Russia and China: Axis of Revisionists. Brookings. URL: <https://www.brookings.edu/research/russia-and-china-axis-of-revisionists>.

7. Prokhin E.A. Rossiya i Kitai: rezul'taty sotrudnichestva i perspektivy razvitiya vzaimootnoshenii. Ekspertnoe zaklyuchenie. Podgotovleno po itogam sessii PMEF-2022 «Ekonomika zamknutogo tsikla i ekologiya» [Russia and China: Results of Cooperation and Prospects of Relationship Development Expert Opinion. Prepared as a result of SPIEF-2022 session “Closed Cycle Economy and Ecology”]. 27.12.2022. URL: <https://www.investinregions.ru/analytics/a/materials-222565/>. (In Russ.).

8. Grosheva E.K., Fan C. Analiz sostoyaniya kitaisko-rossiiskogo torgovogo sotrudnichestva v ramkakh predlozheniya “Odin poyas, odin put” [Analysis of the state of Sino-Russian trade cooperation within the framework of the proposal “One Belt, One Road”]. *Biznes-obrazovanie v ekonomike znanii*, 2021, no. 1 (18). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-sostoyaniya-kitaysko-rossiyskogo-torgovogo-sotrudnichestva-v-ramkah-predlozheniya-odin-poyas-odin-put>. (In Russ.).

9. Charap S., Drennan J., Noël P. Russia and China: A new model of great-power relations. *Survival*, 2023, vol. 59, pp. 25–42. URL: <https://www.survivalinternational.org/>.

10. Zhang X., Sun X. Sino-Russian trade and economic cooperation in the con-text of global economic governance. *China & World Economy*, 2023, vol. 29, pp. 43–60. URL: <https://online library.wiley.com/>.

Информация об авторах

Фу Юаньюань – PhD, исследователь Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, Санкт-Петербург, Российская Федерация, fuyuan yuan911@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9961-3450>.

Д.С. Демиденко – доктор экономических наук, кафедра высшей инженерно-экономической школы Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, demidenko11@rambler.ru

Information about the authors

Fu Yuanyuan, PhD, Researcher, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russian Federation, fuyuan yuan911@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9961-3450>

D.S. Demidenko, Doctor of Economic Sciences, Department of Higher School of Engineering and Economics, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russian Federation, demidenko11@rambler.ru.

Статья поступила в редакцию / The article received 29.04.2024;
одобрена после рецензирования / revised 20.08.2024;
принята к публикации / accepted 03.09.2024.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, № 3. С. 84–93.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2024. Vol. 26, no. 3. P. 84–93.

ПОЛИТИКА / POLITICS

Научная статья

УДК 321.011(470+571):330.341:62

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2024-3/84-93>

Концептуальные признаки технологического суверенитета в государственной политике и академической практике

Татьяна Васильевна Мордовцева^{1,2}✉

¹Таганрогский институт управления и экономики, Таганрог, Российская Федерация

²Владивостокский государственный университет, Владивосток,

Российская Федерация

✉ mtvtaganrog@mail.ru

Аннотация. В статье представлен концептуально-теоретический анализ технологической суверенизации российского государства. В содержании работы рассматриваются основные академические дискурсы в интерпретации и обосновании сущности, значения и роли технологического суверенитета в современную эпоху развития общества. Отдельно обсуждается правовая политика различных государств и ее ключевые приоритеты в сфере обеспечения технологического суверенитета, а также анализируются доктринально-правовые и законодательные основы обеспечения технологической суверенизации российского общества в период политики санкционного давления и меняющейся геополитической реальности.

Ключевые слова: академическая политика, национальная безопасность, национальное законодательство, политика государства, технологический суверенитет, цивилизация

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Минобрнауки РФ и ЭИСИ № FZUG-2023-0007.

Для цитирования: Мордовцева Т.В. Концептуальные признаки технологического суверенитета в государственной политике и академической практике // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, № 3. С. 84–93.

Original article

Conceptual signs of technological sovereignty in public policy and academic practice

Tatiana V. Mordovtseva^{1,2}✉

¹Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog, Russian Federation

²Vladivostok State University, Vladivostok, Russian Federation

✉ mtvtaganrog@mail.ru

Abstract. The article presents a conceptual and theoretical analysis of the technological sovereignty of the Russian state. The work examines the main academic discourses in the interpretation and justification of the essence, meaning and role of technological sovereignty in the modern era of society development. The legal policy of various states and its key priorities in the field of ensuring technological sovereignty are discussed separately, as well as the doctrinal, legal and legislative foundations for ensuring technological sovereignty of Russian society during the period of sanctions pressure and changing geopolitical reality are analyzed.

Keywords: academic policy, national security, national legislation, state policy, technological sovereignty, civilization

Funding: The study was carried out with the financial support of the grant of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation and EISI No. FZUG-2023-0007.

For citation: Mordovtseva T.V. Conceptual signs of technological sovereignty in public policy and academic practice. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*, 2024, vol. 26, no. 3, pp. 84–93. (In Russ.).

Понятие технологического суверенитета и его многочисленные коннотации свидетельствуют о ведущих трендах мировой системы, которая не остановилась на модели глобального устройства, а постепенно переходит к форме вариативной поляризации независимых мировых центров. Анализ имеющихся подходов к пониманию технологической суверенизации и ее концептуальных решений обнаруживает связь политики суверенизации с типом общественных связей и отношений, сложившихся в конкретных геополитических условиях. Если США и Китай не нуждаются в обеспечении технологической суверенизации, то в странах Европейского союза такая проблема является весьма актуальной в связи с утратой конкурентных преимуществ в жизненно важных сферах экономики отдельных стран и регионов, особенно в цифровой сфере и технологиях искусственного интеллекта, то есть там, куда направлен актуальный вектор развития мировой цивилизации [1].

Одним из первых, кто столкнулся с угрозой технологической асимметрии и был Европейский союз, испытывающий на себе риск превращения в рынок сбыта и утрату глобальной конкурентоспособности своих цифровых продуктов, попадание под внешнюю зависимость контролируемых технологических корпораций. Это обуславливает необходимость разделения понятий «технологического» и «цифрового» суверенитета. Именно последний олицетворяет собой право действовать независимо в цифровом мире. Что же касается технологического суверенитета, то он связан с противодействием порядку «капитализма наблюдения» [2] или «платформенному капитализму» [3].

Претензии Евросоюза к стратегической автономии направлены в сторону цифровых гигантов, прежде всего США, превративших цифровые инфраструктуры в технологию манипуляции и давления властью распоряжаться массивом больших данных. В настоящее время ЕС пытается отстоять право третьего лидера (после США и Китая) в цифровой и технологической трансформации путем создания собственного единого рынка через внедрение своих стандартов конфиденциальности данных. В этой связи технологическая и цифровая суверенизации рассматриваются исследователями [4] как неотъемлемые и взаимосвязанные элементы одной системы, направленной в сторону развития собственной технологической инфраструктуры, не зависимой от иностранных государств, установившихся мировых режимов власти и коллективного интеллектуального капитала.

Технологическая суверенизация осознается и как ответ на естественный ход глобального геополитического доминирования отдельных экономических систем: при сложившейся специализации и разделении организационных форм хозяйственной деятельности в мире суверенизация и автономия экономик отдельных стран оказывается практически невозможной. Поэтому государства, претендующие на технологическое лидерство в будущем, в настоящее время ставят задачу сохранить свою способность действовать стратегически в использовании имеющихся у них конкурентных преимуществ [5].

По отношению к существующим моделям технологической суверенизации вряд ли применима концепция технологической автаркии, которая невозможна в силу локализации производств как формы хозяйствования, более устойчивой к кризисам. Именно глобальная специализация и разделение труда, способствующие повышению эффективности производства, ставят экономики отдельных стран перед необходимостью искать способы кооперации высоких технологических продуктов со стороны, когда собственных ресурсов не хватает либо они вовсе отсутствуют.

С точки зрения академического знания понятие технологического суверенитета не имеет однозначного толкования. В обиходе экономической теории это понятие было известно с 70-х годов. XX века, а широкую популярность в зарубежной литературе оно приобрело с началом 2000-х. В России технологический суверенитет как

политику государства, направленную на преодоление экономических кризисов и геополитических угроз, стали концептуально и нормативно разрабатывать в период нарастания санкционного давления, и особенно после февраля 2022 года, когда этот термин попал в повестку дня законов и правительственных документов.

Экспликация терминологической семантики «суверенитета» применительно к передовым и так называемым «критическим», жизненно важным технологиям неоднократно проводилась российскими исследователями [6, с. 90], отмечавшими общие и отличительные смыслы ее трактовок, в том числе предлагавшими свое «синтетическое» определение, в частности «технологический суверенитет - это достигнутая степень локализации мирового процесса создания технологий, обеспечивающая такое влияние на технологический процесс стран-партнёров международного технологического обмена и кооперации, которое бы делало неприемлемыми для данных стран издержки ограничения свободы использования иностранных технологий отечественными компаниями» [6, с. 94].

Обобщая операциональные определения понятия «технологический суверенитет», их можно классифицировать согласно ключевому признаку:

- независимость страны в области науки, техники и технологий, обеспечивающая национальные интересы в техносфере с учетом различных угроз [7];
- свобода национального правительства и экономических агентов в доступе и распоряжении собственными технологиями без риска внешнего вмешательства [8];
- договорное и равноправное сотрудничество регионов и стран при решении собственных технологических задач (С.К. Крикалев, А.Р. Белоусов и др.);
- обеспечение развития научно-технического и промышленного комплексов, создающих собственные технологии и инфраструктуры в критически жизненно важных сферах, достаточные для обеспечения политической независимости страны и ее обороноспособности (А. Лосев);
- разновидность политики государств, находящихся в различных кризисных ситуациях и нуждающихся в «онтологической безопасности», обеспеченной особой идеологией идентичности, формирующей у граждан чувство «преемственности и целостности» истории страны и народа (Л.В. Томина).

Перечисленные подходы в классификации концентрируются в основном вокруг проблемы обеспечения технологической суверенизации, концептуализации мер ее достижения и лишь отдельные из них, например типология Л.В. Томина, способны дать объяснение исходя из социокультурных оснований, исторических и геополитических условий. Поэтому в плане общей концептуализации понятия рассмотрим позицию Л.В. Томина более подробно. Этот исследователь разбирает политику технологического суверенитета на основе трех кейсов – Европейского Союза, Бразилии и Индии. Так, автор считает, что «в последние годы мы наблюдаем пролиферацию новых терминов, размывающих привычные для нас смысловые рамки понятия «суве-

ренитет» («информационный суверенитет», «цифровой суверенитет», «когнитивный суверенитет», «продовольственный суверенитет») [9, с. 22], поэтому он переходит к методологии проблематизации в оценке содержательного анализа разных типов технологической суверенизации.

По мнению Л.В. Томина, политика технологического суверенитета в странах ЕС определяется интеллектуальной традицией рациональности ордолиберализма, в соответствии с которой экономика эффективного государства стремится к установлению и воспроизводству конкурентной среды, что, в свою очередь, должно предотвратить активную концентрацию и монополизацию отдельных экономических отраслей. Как уточняет автор, «в логике данной дискурсивной формации технологический суверенитет не противоречит приверженности политике открытых рынков и не требует пересмотра базовых экономических постулатов. Увеличение роли государства и объема бюджетных расходов в технологической сфере рассматривается как необходимая временная корректировка рыночных процессов в период масштабной трансформации технологического уклада» [9, с. 24]. В рамках данного кейса комбинированной стратегии развития внутреннего рынка и диверсификации импорта, избегающей какой-либо структурной зависимости от «чужих» экономик, подразумевается наличие доступа к технологиям с помощью их производства либо покупки.

Следующим кейсом технологического суверенитета Л.В. Томин анализирует политику Бразилии, которая, с одной стороны, придерживается стратегии догоняющей авторитарной модернизации, а с другой – зависимого развития с учетом исторически обусловленной периферийной модели экономики этой страны. Бразильские теоретики исходили из понимания того, что экономика страны, в принципе, не является самостоятельной, поскольку государства Южной Америки интегрированы в экономику континента, а через нее – в глобальный рынок. Перспективу технологического суверенитета они видят в гибридной форме – прорыва в глобальном лидерстве в металлургической отрасли, авиастроении, в производстве биотоплива за счет поддержки государства, а также повышения международной конкурентоспособности бразильских товаров.

Третий кейс технологического суверенитета такой страны, как Индия, Л.В. Томин определяет в границах национальной идентичности и концепции постколониального развития. Он обращает внимание на то, что в индийском контексте технологическая суверенизация подразумевает преодоление рисков «цифровой колонизации» и угроз, исходящих от IT бизнес-моделей иностранных платформенных компаний. Более точно о бразильском кейсе он пишет: «Экосистемы, созданные ведущими платформенными компаниями, рассматриваются как барьер, воспроизводящий центр-периферийную зависимую модель развития в цифровую эпоху» [9, с. 30].

Индия избрала «третий путь», с одной стороны, она не разделяет американскую IT модель «капитализма платформ», с другой – не признает подходящей для себя

цифровую автократию политико-экономической системы, как в России, КНР. Поэтому технологический суверенитет в Индии, он же – цифровой суверенитет, это политика справедливой конкуренции, поддерживающей внутренний рынок цифровых сервисов без формирования автономного национального интернета.

Обеспечение технологического суверенитета в современной России как приоритетное направление государственной политики власти возникло в связи с измененными геополитическими условиями, в которые попала Россия после многочисленных пакетов санкций, принятых со стороны недружественного мира. Если в 2014 году выход из прогнозируемых угроз экономического кризиса виделся в связи с наращиванием темпов экономики импортозамещения, то уже к 2022 году стало очевидным, что такая позиция может быть временной и недостаточной мерой обеспечения экономической безопасности России. Поэтому на первый план вышла стратегия поиска и обеспечения технологической суверенизации России, которая способна не только служить гарантом ее безопасности в пространстве взаимодействия с другими странами и трансгосударственными объединениями, но и стать фундаментом роста самобытного русского мира как цивилизационной системы в многополярном пространстве других самобытных культур.

Программным документом, определившим стратегии технологической суверенизации, стало Постановление Правительства Российской Федерации от 15.04.2023 № 603¹, в котором перечислялись приоритетные направления проектов технологического суверенитета и структурной адаптации экономики России с последующим ведением их реестра и требований к финансированию. Этот документ уполномочивал ВЭБ.РФ вести реестр указанных проектов в соответствии с порядком, который утверждался Приказом Минэкономразвития России от 30.05.2023 № 361².

¹Постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2023 г. № 603 «Об утверждении приоритетных направлений проектов технологического суверенитета и проектов структурной адаптации экономики Российской Федерации и Положения об условиях отнесения проектов к проектам технологического суверенитета и проектам структурной адаптации экономики Российской Федерации, о представлении сведений о проектах технологического суверенитета и проектах структурной адаптации экономики Российской Федерации и ведении реестра указанных проектов, а также о требованиях к организациям, уполномоченным представлять заключения о соответствии проектов требованиям к проектам технологического суверенитета и проекта» // Справочная-правовая система «ГАРАНТ». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406641957> (дата обращения 20.12.2023).

²Приказ Министерства экономического развития Российской Федерации от 30 мая 2023 г. № 361 «Об утверждении формы и порядка ведения государственной корпорации развития "ВЭБ.РФ" реестра проектов технологического суверенитета и проектов структурной адаптации экономики Российской Федерации» // Справочная-правовая система «ГАРАНТ». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406943092> (дата обращения 20.12.2023).

Примечательно, что сама государственная корпорация развития – ВЭБ.РФ – была создана еще в 2007 году «в целях содействия в обеспечении долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации, повышения качества жизни граждан Российской Федерации и создания условий для устойчивого экономического роста, повышения эффективности инвестиционной деятельности, привлечения частных инвестиций в реализацию проектов на территории Российской Федерации и их защиты и пр.», как следовало из ФЗ «О государственной корпорации развития "ВЭБ.РФ"»¹. Первоначально ВЭБ.РФ была ориентирована на партнерство с коммерческими банками, в том числе с привлечением иностранного капитала, но в настоящее время корпорация занимается финансированием масштабных проектов, укрепляющих технологический потенциал государства и повышающих качество жизни наших граждан без участия иностранного капитала.

На сайте ВЭБ.РФ содержится отдельный раздел, посвященный технологической суверенизации, в котором представлен правовой механизм учета всех проектов в России, которые способствуют ее технологической суверенизации и структурной адаптации экономики. В заявленной миссии ВЭБ.РФ есть упоминание о ценностях как системе координат организации. Очевидно, что такая система ценностей выходит за пределы собственно экономической составляющей в деятельности госкорпорации и служит программным маркером в долгосрочной перспективе перехода российского общества к обществу русского мира в сообществе других цивилизаций.

На пленарном заседании Всемирного русского народного собора, который состоялся 28 ноября 2023 года, президент В.В. Путин поставил в один ряд основные задачи государства – «отстаивание собственного суверенитета», «формирование более справедливого мироустройства», «развитие национальной экономики», «сбережение и приумножение народа», характеризующие не только материальный базис государства, но и его духовно-нравственную надстройку как первостепенную цель любых преобразований². Не случайно тема собора в 2023 году была сформулирована, как «Настоящее и будущее русского мира»: такая идея способна обосновать все глубинные изменения, которые происходят на наших глазах.

Соответственно, мы вправе говорить о трансформации общественного сознания, происходящего в непростых условиях ответного позиционирования своей национальной самобытности [10]. Поэтому технологическая суверенизация является не столько исходным, сколько производным следствием измененного мировоззрения, оценки, смыслов нахождения себя как представителя русского мира в сообществе других цивилизационных миров. И в этом также заключается духовная миссия русской православной веры – быть положительным примером для остальных.

¹Федеральный закон от 17 мая 2007 г. N 82-ФЗ «О государственной корпорации развития "ВЭБ.РФ"» (с изменениями и дополнениями) // Справочная-правовая система «ГАРАНТ». URL: <https://base.garant.ru/12153549/> (дата обращения 20.12.2023).

²Пленарное заседание Всемирного русского народного собора. 28 ноября 2023 года // Президент РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72863> (дата обращения 20.12.2023).

В этой связи нельзя стоять на узкой экономической позиции толкования технологического суверенитета как импортозамещения, идущие процессы гораздо глубже, именно об этом и говорит наш президент. Только если Россия изберет свой, не похожий на остальную часть однополярного мира, путь цивилизационного развития, у нее есть все основания быть первой среди равных. Пока же Россия ведет национально-освободительную борьбу за свой суверенитет и справедливость. Следующим шагом должна быть новая модель государства, общества и власти, обеспечивающая полную независимость на принципах самодостаточности и полноты. Как это возможно в геополитических условиях, созданных моделью «открытого» глобального мироустройства?

Заключение

Стратегия технологической суверенизации такой, какой видит ее наш президент, и такой, какой она обеспечит цивилизационное будущее для России, не вписывается в логику глобального мироустройства, созданного вокруг одного доминирующего центра. За четверть века, пока Россия стремительно преодолевала барьеры советского планового строительства, однопартийности, идеологического мракобесия и в это же время превращалась в энергетического донора и бесперебойный поставщик природных запасов для остальной «привилегированной» части мирового порядка, она так и не приобрела статус актора глобального мироустройства. Более того, ее выход из числа «запасных» игроков этой придуманной мировой стратегии обернулся трагедией и беспрецедентным примером манифестации своего права быть на карте мира в тех пределах, которые соответствуют истории титульного народа и нации.

Все это однозначно свидетельствует о политике глобализма и либерализма как пространстве манипуляций с помощью заданных правил для ключевых игроков. Теперь Россия вышла из этой игры, в которой ей никогда не обещали выигрыша. Обретение суверенизации в новых условиях геополитической сингулярности равноправных цивилизаций – это попытка организовать свое поле взаимодействий, на своих правилах, защищающих интересы и гарантирующих успешный результат. Проблема заключается в том, что такого пространства еще нет, оно только возникает на наших глазах, и любая структурно заданная суверенизация очерчивает его координаты. Кто еще войдет в это общее поле? Кто займет место и возьмет на себя роль «участника» на равных условиях с Россией? Ответить на эти фундаментальные вопросы нам предстоит в ближайшее время.

Список источников

1. Кочатков А.П., Мамычев А.Ю., Мордовцев А.Ю. «Цифровой транзит» публично-властных отношений: общие и элитарные характеристики // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 1. С. 109–134.

2. Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. М.: Издательство Института Гайдара, 2022. 784 с.
3. Срничек Н. Капитализм платформ. М.: Издательский Дом ВЭШ, 2020. 128 с.
4. Янковская Е.С. Технологический суверенитет России: понятие, сущность, стратегия и пути ее реализации // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2022. № 4 (84). С. 76–81.
5. Bauer M., Erixon F. Europe's Quest for Technology Sovereignty: Opportunities and Pitfalls. URL: <https://www.econstor.eu/handle/10419/251089> (дата обращения 20.12.2023 г.).
6. Приходько И.И. Теоретические аспекты концепции технологического суверенитета // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Экономика и управление. 2022. Т. 8 (74), № 4. С. 88–96.
7. Афанасьев А.А. «Технологический суверенитет» как научная категория в системе современного знания // Экономика предпринимательства и права. 2022. Т. 12, № 3. С. 2377–2394.
8. Ештокин С.В. Сквозные технологии цифровой экономики как фактор формирования технологического суверенитета страны // Вопросы инновационной экономики. 2022. Т. 12, № 3. С. 1301–1314.
9. Томин Л.В. Дискуссии о технологическом суверенитете: анализ концептуальных различий и стратегий обоснования // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2023. Т. 19, № 1. С. 22–35.
10. Перевезенцев С.В., Ананьев Д.А. Аксиологические основы российской государственности: «правда» и «справедливость» в отечественном идейно-политическом дискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25, № 1. С. 21–37.

References

1. Kochatkov A.P., Mamychev A.Yu., Mordovtsev A.Yu. «Tsifrovoy tranzit» publichno-vlastnykh otnoshenii: obshchie i elitarnye kharakteristiki ["Digital Transit" of Public-Power Relations: General and Elite Characteristics]. *Pacific RIM: economics, politics, law*, 2022, vol. 24, no. 1, pp. 109–134. (In Russ.).
2. Zuboff S. Epokha nadzornogo kapitalizma. Bitva za chelovecheskoe budushchee na novykh rubezhakh vlasti [The Era of surveillance capitalism. The battle for the human future on the new frontiers of power]. Moscow: Gaidar Institute Publ. House, 2022. 784 p. (In Russ.).
3. Srnicek N. Kapitalizm platform [Platform Capitalism]. Moscow: HSE Publishing House, 2020. 128 p. (In Russ.).
4. Yankovskaya E.S. Tekhnologicheskii suverenitet Rossii: ponyatie, sushchnost', strategiya i puti ee realizatsii [Technological sovereignty of Russia: concept, essence, strategy, and ways to implement it]. *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo imeni V.B. Bobkova filiala Rossiiskoi tamozhennoi akademii*, 2022, no. 4 (84), pp. 76–81. (In Russ.).

5. Bauer M., Erixon F. Europe's quest for technology sovereignty: opportunities and pitfalls. URL: <https://www.econstor.eu/handle/10419/251089>.

6. Prikhodko I.I. Teoreticheskie aspekty kontseptsii tekhnologicheskogo suvereniteta [Theoretical aspects of the concept of technological sovereignty]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Ekonomika i upravlenie*, 2022, vol. 8 (74), no. 4, pp. 88–96. (In Russ.).

7. Afanasyev A.A. “Tekhnologicheskii suverenitet” kak nauchnaya kategoriya v sisteme sovremennogo znaniya [“Technological sovereignty” as a scientific category in the system of modern knowledge]. *Ekonomika predprinimatel'stva i prava*, 2022, vol. 12, no. 3, pp. 2377–2394. (In Russ.).

8. Yeshtokin S.V. Skvoznye tekhnologii tsifrovoi ekonomiki kak faktor formirovaniya tekhnologicheskogo suvereniteta strany [Cross-cutting technologies of the digital economy as a factor in the formation of the country's technological sovereignty]. *Voprosy innovatsionnoi ekonomiki*, 2022, vol. 12, no. 3, pp. 1301–1314. (In Russ.).

9. Tomin L.V. Diskussii o tekhnologicheskome suverenitete: analiz kontseptual'nykh razlichii i strategii obosnovaniya [Discussions on technological sovereignty: Analysis of conceptual differences and justification strategies]. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS*, 2023, vol. 19, no. 1, pp. 22–35. (In Russ.).

10. Perevezentsev S.V., Ananyev D.A. Aksiologicheskie osnovy rossiiskoi gosudarstvennosti: «pravda» i «spravedlivost'» v otechestvennom ideino-politicheskom diskurse [Axiological foundations of Russian statehood: "truth" and "justice" in the domestic ideological and political discourse]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya*, 2023, vol. 25, no. 1, pp. 21–37. (In Russ.).

Информация об авторах

Т.В. Мордовцева – доктор культурологии, кандидат философских наук, профессор, профессор Таганрогского института управления и экономики, Таганрог, Российская Федерация; научный сотрудник лаборатории социально-экономических и политико-правовых исследований Владивостокского государственного университета, Владивосток, Российская Федерация, mtvtaganrog@mail.ru

Information about the authors

T.V. Mordovtseva, Doctor of Cultural Studies, Candidate of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog, Russian Federation; researcher at the Laboratory of Socio-Economic and Political-Legal Studies Vladivostok State University, Vladivostok, Russian Federation, mtvtaganrog@mail.ru.

Статья поступила в редакцию / The article received 20.07.2024;

одобрена после рецензирования / revised 13.08.2024;

принята к публикации / accepted 03.09.2024.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, № 3. С. 94–115.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2024. Vol. 26, no. 3. P. 94–115.

Научная статья

УДК 327(470:540):341.232.1

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2024-3/94-115>

Особенности военно-технического сотрудничества России и Индии: динамика, риски и перспективы партнерства

Андрей Борисович Волынчук

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
Владивосток, Российская Федерация

✉ i-abv@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируются особенности военно-технического сотрудничества России и Индии, а также динамика, риски и перспективы партнерства в первой четверти XXI в. В межгосударственных отношениях Российская Федерация и Республика Индия придерживаются концепции долгосрочного привилегированного стратегического партнерства в области безопасности и обороны, начало которому было положено еще в годы холодной войны. Несмотря на высокую конкуренцию на рынке военной техники и значительный рост военно-промышленного потенциала Нью-Дели, Москва остается основным поставщиком военной продукции в Индию. Номенклатура российских поставок продукции военного назначения весьма широка и включает разнообразное вооружение и технику, удовлетворяющие растущие потребности индийской армии и военно-морского флота. Однако существуют значительные риски, связанные с текущей динамикой военно-технического взаимодействия и усложнением геополитической ситуации в регионе и мире. В статье представлены основные проблемы, угрозы и вызовы для двусторонних отношений в сфере военно-технического сотрудничества, которые связаны со стремлением Индии к диверсификации поставок вооружений, ростом политических и экономических рисков, вызванных санкционной политикой в отношении России со стороны стран коллективного Запада, изменениями интенсивности геополитических процессов и усилением конкуренции со стороны других поставщиков военной техники. Кроме того, рассматриваются перспективы будущего военно-технического сотрудничества двух стран, включая технологическое взаимодействие, возможности, связанные с индийской программой «Make-in-India», и потенциальные стратегические сферы сбли-

жения интересов Российской Федерации и Республики Индия, такие как беспилотные системы, кибербезопасность и совместные исследования для разработки более совершенных систем вооружений. Итоговый вывод состоит в том, что продуктивное военно-техническое сотрудничество России и Индии может быть достигнуто в перспективе, если будет принят ряд мер, в основном связанных с устранением рисков и созданием благоприятных условий для обеих сторон. Такие меры могут включать расширение границ военно-технического сотрудничества, обеспечение взаимовыгодных экономических условий, укрепление институциональных связей и сближение научных и технических экспертов в данной области.

Ключевые слова: российско-индийские отношения, военно-техническое сотрудничество, вооружение и военная техника, продукция военного назначения, оборонно-промышленный комплекс, рынок вооружений, экономические санкции

Для цитирования: Волынчук А.Б. Особенности военно-технического сотрудничества России и Индии: динамика, риски и перспективы партнерства // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, № 3. С. 94–115.

Original article

Peculiarities of military-technical cooperation between Russia and India: dynamics, risks and partnership prospects

Andrey B. Volynchuk

Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East FEB RAS,
Vladivostok, Russian Federation

✉ i-abv@yandex.ru

Abstract. This article analyzes the specifics of military-technical cooperation between Russia and India, as well as the dynamics, risks and prospects of the partnership in the first quarter of the twenty-first century. In their inter-state relations, the Russian Federation and the Republic of India adhere to the concept of a long-term privileged strategic partnership in the field of security and defense that dates back to the Cold War years. Despite high competition on the military equipment market and a significant increase in military-industrial capabilities in New Delhi, Moscow remains the main supplier of military products to India. The range of Russian military products is quite broad and includes a variety of weapons and equipment to meet the growing needs of India's army and navy. However, there are risks associated with the current dynamics of military-technical cooperation and the increasingly complex geopolitical situation in the region and the world. The article presents the main problems, threats and challenges to bilateral relations in the field of military-technical cooperation, which are associated with India's desire to diversify arms supplies,

growth of political and economic risks caused by the sanctions policy against Russia from the collective West, changes in the intensity of geopolitical processes and increased competition from other military suppliers. In addition, prospects for future military-technical cooperation between the two countries are examined, including technological advances, opportunities related to India's Make-in-India program, and potential strategic areas of cooperation between Russian Federation and Republic of India, such as unmanned systems, cybersecurity, and joint research to develop more advanced weapons systems. The bottom line is that productive military-technical cooperation between Russia and India can be achieved in the future if a number of measures are taken, mostly related to eliminating risks and creating good conditions for both sides. Such measures could include expanding the boundaries of military-technical cooperation, ensuring mutually beneficial economic conditions, strengthening institutional ties, and bringing together scientific and technical experts in the field.

Keywords: Russian-Indian relations, military-technical cooperation, weapons and military equipment, military products, defense-industrial complex, arms market, economic sanctions

For citation: Volynchuk A.B. Peculiarities of military-technical cooperation between Russia and India: dynamics, risks and partnership prospects. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*, 2024, vol. 26, no. 2, pp. 94–115. (In Russ.).

Введение

В апреле 2022 г. Россия и Индия отмечали 75-летний юбилей со дня установления дипломатических отношений. К этой дате страны подошли в статусе стратегических и привилегированных партнеров, что предполагает особый уровень доверия и высокую интенсивность взаимодействия. Вне всяких сомнений, в основе столь позитивной оценки современного состояния межгосударственных отношений лежит, по большей части, положительный исторический опыт советско-индийского сотрудничества. Его краеугольным камнем является Договор о мире, дружбе и сотрудничестве, заключенный в августе 1971 г. между Советским Союзом и Республикой Индия (РИ). Последующее за этим событием десятилетие фактически стало кульминацией советско-индийской дружбы, успешно реализованной во многих сферах и направлениях межгосударственных отношений – от политики и военно-технического сотрудничества до экономики, науки и культуры.

Однако события конца XX в., вызванные распадом СССР и последующим стремительным ростом динамизма международных процессов, сместил фокус интересов Москвы и Нью-Дели с вопросов совершенствования механизмов взаимодействия на решение собственных задач политического и социально-экономического развития. И только в последние годы Россия и Индия вернулись к пониманию необходимости восстановления двусторонних отношений в прежних объемах.

В обновленной Концепции внешней политики Российской Федерации, которая была опубликована в марте 2023 г., Москва подтвердила свой курс на дальнейшее развитие потенциала стратегического партнерства с Нью-Дели. «Россия будет и далее наращивать особо привилегированное стратегическое партнерство с Республикой Индией в целях повышения уровня и расширения взаимодействия во всех сферах на взаимовыгодной основе и уделять особое внимание увеличению объемов двусторонних торговых, инвестиционных и технологических связей, обеспечению их устойчивости к деструктивным действиям недружественных государств и их объединений» [1].

Эскалация конфликта на Украине и усиление санкционного давления стран Запада на Российскую Федерацию сформировали уникальную ситуацию, которая за короткий период времени позволила поднять российско-индийские отношения на новый уровень. При многочисленных попытках Запада склонить Индию в свой лагерь Нью-Дели сохранила свой нейтралитет по отношению к ситуации на Украине. В результате по итогам 2022 г. Россия вошла в пятерку крупнейших торговых партнеров Республики Индия. За неполный финансовый год совокупный товарооборот между РФ и РИ вырос в 3,3 раза и составил 44,4 млрд долл. США против 13,2 млрд долл. США годом ранее [2].

В условиях тотального ограничения доступа к традиционным для России рынкам Европы Москва была вынуждена перенаправить свой экспорт в страны Азии – в первую очередь в Индию и Китай, что в итоге привело к стремительному росту объемов взаимной торговли. В наибольшей степени это коснулось энергетического сектора. Согласно данным Министерства торговли и промышленности Индии, в стоимостном выражении экспорт российской нефти в страну вырос более чем в 6 раз, увеличившись с 5,2 млрд долл. США за 2021/22 финансовый год до 34,6 млрд долл. США за аналогичный период 2022/23 финансового года [2]. По словам российского посла в Нью-Дели Дениса Алипова, доля российской нефти в индийском импорте в 2022 г. превысила 25%, что делает Российскую Федерацию крупнейшим поставщиком нефти в Индию [3].

Военно-техническое сотрудничество в системе российско-индийских отношений

Вместе с тем энергетической сферой торгово-экономическое сотрудничество не ограничивается. Вопросы национальной безопасности, непосредственно связанные с обеспечением и совершенствованием обороноспособности стран, являются базовыми приоритетами и для Москвы, и для Нью-Дели. В этой связи в российско-индийских отношениях особое место отводится военно-техническому сотрудничеству (ВТС).

Российское законодательство определяет ВТС как своеобразное проявление внешней политики государства, направленное на поддержание собственных союзни-

ков, укрепление своих позиций в том или ином регионе планеты. ВТС предполагает определенные отношения между государствами, связанные с обменом военно-технической информацией, обучением военных специалистов, совместной разработкой и производством продукции военного назначения. Поставка или закупка продукции военного назначения являются наиболее распространенным видом ВТС [4]. Все формы ВТС, прописанные в Федеральном законе, в той или иной мере реализуются в практике российско-индийского военно-технического взаимодействия.

Следует отметить, что российско-индийское ВТС имеет многолетнюю историю. Еще в середине 50-х годов XX в. СССР стал поставлять Индии оружие советского производства. С этого времени Советский Союз, а позже Российская Федерация, является основным поставщиком вооружения и военной техники (ВВТ) в Республику Индия. Кроме того, ВТС с СССР/РФ позволило Индии за относительно короткий период времени создать современную оборонную промышленность, отдельные образцы продукции которой весьма конкурентны на глобальных рынках. Однако из этого не следует, что российско-индийское ВТС является более важным для Нью-Дели, чем для Москвы. Это далеко не так. Индийский рынок ВВТ для российских производителей ОПК представляется одним из основных. За три последних десятилетия Индия приобрела у России арсенала на сумму около 70 млрд долл. США. А объем портфеля военных заказов превышает 14 млрд долл. США [5].

Начиная с 90-х годов XX в. доля индийского направления в совокупном экспорте ВВТ Российской Федерации неуклонно возрастала с 25% в период 1990-х–начала 2000-х годов до 39% в 2011–2014 гг. [6]. По данным Стокгольмского международного института исследования проблем мира (SIPRI), с 2016 по 2020 г. доля Индии в экспорте российского оружия составила 23% от общего объема экспорта России за этот период. А уже в 2020 г. индийское направление в российских экспортных поставках занимало около 33% [7].

Оборонные закупки Индии имеют стратегическое значение для России, поскольку не только укрепляют долгосрочные партнерские отношения между двумя странами в области безопасности, но и позволяют Правительству Российской Федерации решить комплекс задач, связанных с необходимостью поддержания высокого экспортного потенциала ОПК РФ, созданием условий для развития научно-технической и экспериментальной базы оборонных отраслей промышленности, а также с получением валютных средств для решения задач общегосударственного уровня.

Современное состояние мирового рынка вооружений

Глобальный рынок вооружений является уникальным феноменом в системе международных экономических отношений. Свойственные ему характеристики сильно отличают его от других товарных рынков. Несмотря на то, что производство и продажа военного оборудования регулируются строгими правилами и сопряжены

со значительными производственными затратами, глобальный рынок вооружений остается высокодоходной отраслью, что делает его высококонкурентным рынком.

По данным Стокгольмского института исследования мира (SIPRI), за период с 2016 по 2020 г. к числу основных экспортеров ВВТ можно отнести 65 государств. При этом 99% мирового экспорта основных видов вооружений приходится на 25 стран. А пять крупнейших поставщиков оружия – США (37%), Россия (20%), Франция (8,2%), Германия (5,5%) и Китай (5,2%) – формируют почти 76% мирового экспорта ВВТ [7].

Являясь крупнейшим производителем вооружений и техники в мире, Россия занимает среди экспортеров одно из лидирующих мест на мировом оружейном рынке (2-е место). Российские вооружения и техника востребованы во многих регионах благодаря своей качественной оснащенности, способности к эксплуатации в экстремальных условиях и ценовой доступности.

В товарной структуре поставок почти 50% российского экспорта вооружений приходится на авиацию, остальное – на военно-морскую технику, средства противовоздушной обороны, вооружение сухопутных войск. Структура российского экспорта по видам вооружений многие годы остается устойчивой и соответствует прогнозируемой структуре мирового рынка оружия на ближайшую перспективу (5–10 лет) [8].

В региональном разрезе в указанный период 55% российского экспорта вооружений приходилось на государства Азии и Океании (27% от общего объема импорта в регион), 21% – на Ближний Восток (13% от общего объема импорта в регион) и 18% – на Африку (30% от общего объема импорта в регион).

В период 2016–2020 гг. РФ поставляла ВВТ в 45 стран, из числа которых Индия была главным получателем российского оружия. Как уже отмечалась, на ее долю приходится 23% от общего объема российского экспорта, за ней следуют Китай (18%) и Алжир (15%) [7].

На глобальном уровне в целом Индия является одним из крупнейших импортеров вооружений и, согласно данным SIPRI по результатам 2016–2020 гг., по объему импорта вооружений она занимает 2-е место после Саудовской Аравии. На ее долю приходится 9,5% мирового импорта ВВТ.

Как уже было отмечено ранее, крупнейшим поставщиком оружия в Индию выступает Россия. Однако прослеживается устойчивая тенденция к снижению доли российского вооружения в общей структуре индийского импорта. Так, объем поставок из России в 2016–2020 гг. сократился на 53% в сравнении с предыдущей пятилеткой наблюдения (2011–2015 гг.) и составил 49% против 70% периодом ранее.

Доля американского оружия, которое в структуре индийского импорта занимает заметные позиции, в обозначенном временном интервале также снизилась. Падение составило 46%, что сместило США со второго места крупнейших поставщиков вооружения в Индию на четвертое, пропустив вперед Францию и Израиль. Они заняли соответственно второе и третье места с показателями 18% и 13%.

За десять лет (с 2011 по 2020 г.) импорт оружия в Индию сократился на 33%. Данный процесс является целенаправленной политикой Нью-Дели, ориентированной на снижение зависимости зарубежных закупок вооружений в пользу отечественных производителей.

Современное состояние российско-индийского ВТС

Россия и Индия имеют давние традиционные отношения в сфере ВТС, которые остаются важным элементом их «особо привилегированного стратегического партнерства». Основные направления ВТС между Москвой и Нью-Дели реализуются по линии Российско-Индийской межправительственной комиссии по военно-техническому сотрудничеству (РИМПК по ВТС), созданной еще в 2000 г.

В декабре 2021 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин по приглашению Премьер-министра Республики Индии Н. Моди посетил г. Нью-Дели с рабочим визитом и принял участие в XXI ежегодном Российско-Индийском саммите. Для переговоров российская делегация прибыла в необычном для подобных российско-индийских встреч составе – президент и главы МИД и минобороны. В ходе обсуждения «многогранных российско-индийских отношений», охватывающих различные области сотрудничества, особое внимание было уделено оборонной сфере, которая, по обоюдному мнению сторон, является «краеугольным камнем российско-индийского особо привилегированного стратегического партнерства». Обе стороны отметили успешное завершение мероприятий ВТС 2011–2020 гг. и подписали соглашение о новой программе военно-технического сотрудничества с 2021 по 2031 г., которая предусматривает расширение взаимодействия по линии ВТС, содействие совместной разработке и производству военной техники, компонентов и запасных частей, совершенствованию механизмов послепродажного обслуживания и создания системы взаимного контроля качества, а также регулярным совместным учениям вооруженных сил двух стран [9]. Стороны договорились предпринимать дальнейшие усилия по стимулированию совместного производства на территории Индии запасных частей, компонентов и агрегатов и другой продукции, предназначенной для обслуживания техники и вооружений российского производства в рамках программы «Делай в Индии» (Make-in-India). Для этого индийской стороне будут передаваться российские военные технологии. Особо подчеркивается, что произведенная продукция будет экспортироваться «в дружественные для обоих государств третьи страны» [5; 10].

На территории Индии уже много лет работают производственные линии, выпускающие по российским лицензиям разнообразное ВВТ, в том числе артиллерийское вооружение с повышенной дальностью стрельбы, включая, прежде всего, 125-мм танковые и 130-мм береговые орудия, а также самоходные гаубицы «Мста-С».

В военно-морской сфере российско-индийское сотрудничество развивается с 60-х годов XX в., когда СССР начал системные поставки Индии современных для

своего времени кораблей и катеров. Однако наиболее значимым событием в сотрудничестве двух стран в области военно-технического взаимодействия стала передача в 2013 г. ВМС Индии авианосца «Викрамадитья», что стало важным шагом в развитии отношений между Россией и Индией в сфере военно-морского строительства и технологий.

Продолжая военно-морскую тематику, необходимо отметить, что строительство кораблей для ВМС Индии остается одним из приоритетных направлений ВТС. Так, в 2012–2013 гг. на калининградском заводе «Янтарь» для индийских ВМС были построены три фрегата проекта 11356: «Tag», «Tarkash» и «Tricand». Именно на них впервые был установлен знаменитый ракетный комплекс «БраМос» («BrahMos») [11]. В 2016 г. было заключено межправительственное соглашение о достройке для Индии еще двух кораблей этого проекта. Первый фрегат «Tushil» был спущен на воду в ноябре 2021 г., а второй фрегат «Gamala» должен быть передан заказчику в 2023 г. [12].

В октябре 2018 г. был подписан самый крупный контракт в истории двустороннего сотрудничества на поставку Индии пяти полков зенитно-ракетных комплексов (ЗРК) С-400 «Триумф» на сумму более 5,4 млрд долл. США [13]. С-400 представляет собой современную ракетную систему, способную одновременно обнаруживать, отслеживать и поражать цели на расстоянии до 400 км. Индия стала вторым после Турции зарубежным покупателем ракетного комплекса. Поставка первой боевой единицы ЗРК была осуществлена в 2019 г. На сегодняшний день Индия уже ввела в эксплуатацию три полковых комплекта С-400. А до конца 2024 г. сделка должна быть закрыта полностью [14].

Одним из ключевых совместных проектов, успешно реализуемых в последние годы, стало создание и производство сверхзвуковой противокорабельной ракеты (ПКР) «БраМос», которая предназначена для использования как на море, так и на суше. Свое название она получила исходя из названий рек Брахмапутра и Москва. ПКР может развивать скорость в 2,8 маха (т.е. почти в 3 раза быстрее скорости звука), имеет максимальную дальность поражения целей до 300 км и предназначена для поражения как кораблей, так и наземных целей.

Еще одним из значимых проектов является совместное производство боевых вертолетов Ка-226Т. Подписание соглашения произошло в 2015 г., а в 2018 г. был подписан контракт на производство 200 вертолетов. Сейчас программа находится на финальной стадии реализации.

В Индии по российским лицензиям произведено более 220 истребителей Су-30МКИ, около 900 танков Т-90С и 1500 Т-72М1. В феврале 2021 г. Россия получила от Индии запрос о дополнительных поставках истребителей МиГ-29К/КУБ. Ранее Россия поставила Индии 45 истребителей МиГ-29К/КУБ, которые уже используются

индийскими ВМС в качестве боевых машин на авианосце «Викрамадитья» На переговорах в мае этого же года стороны обсудили возможность продажи Индии зенитных комплексов С-300 и дальнейшее сотрудничество в вопросах технической модернизации обороны Индии [15].

6 декабря 2021 г. в Нью-Дели был подписан контракт на производство в Индии автоматов АК-203. С этой целью на территории Индии создано совместное российско-индийское предприятие «Indo-Russian Rifles Private Limited», которое в начале 2023 г. приступило к непосредственному выпуску стрелкового оружия. Лицензия предусматривает производство свыше 600 тысяч автоматов калибра 7,62 мм для индийской армии на сумму около 700 млн долл. США [16]. Индия стала первой зарубежной страной, в которой налажено производство «двухсотой» серии автоматов бренда «Калашников».

Отказ от оплаты контрактов в американских долларах — это еще один важный шаг в развитии экономических отношений между Россией и Индией. В 2019 г. в рамках визита президента России Владимира Путина в Индию было озвучено соглашение о переходе к взаимным расчетам в национальных валютах между странами, что предоставляет возможность значительно снизить влияние санкций США и демонстрирует готовность России и Индии к повышению объемов взаимной торговли и экономического сотрудничества.

Анализ факторов, определяющих перспективы ВТС России и Индии

В настоящее время российско-индийское ВТС по-прежнему остается одним из важнейших элементов взаимодействия двух государств. Важной предпосылкой их развития выступает стремление обеих стран укрепить свои оборонные возможности и обеспечить безопасность в регионах своего присутствия. Для Индии традиционным поставщиком продукции оборонного комплекса остается Россия, которая оказывает поддержку республике в сфере развития ее военного потенциала. В свою очередь, Россия считает Индию важным стратегическим партнером в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Вместе с тем, несмотря на наличие объективной заинтересованности друг в друге, дальнейшее развитие ВТС между Москвой и Нью-Дели находится под разновекторным воздействием множества обстоятельств/факторов, которые способны существенно повлиять на характер, интенсивность и содержание их военно-технических отношений. К числу наиболее значимых, на наш взгляд, относятся следующие:

1. Развитие внутреннего производства ВТС в Индии. Переход к внутреннему производству военной техники — это стратегически важное направление развития со-

временной Индии, в реализации которого она стремится решить ряд актуальных задач. Во-первых, создать на своей территории мощный современный военно-технический комплекс, способный эффективно закрывать тактические и стратегические потребности страны по поддержанию высокого уровня оборонного потенциала государства. Во-вторых, снизить (при идеальном варианте – полностью исключить) зависимость обороноспособности своих вооруженных сил от зарубежных поставок ВВТ, которые зачастую осуществляются в условиях высокой геополитической, экономической и правовой неопределенности. В-третьих, занять на мировом рынке вооружений свою нишу экспортера продукции военного назначения (ПНВ) и в перспективе, по мере увеличения экспортного потенциала, перейти от импорто- к экспортоориентированной модели развития отечественного ВПК.

На фоне динамичного экономического развития Индии ее ассигнования на военные нужды непрерывно увеличиваются. Сегодня Индия занимает 3-е место в мире по военным расходам, а ее оборонный бюджет составляет 2,15% от общего ВВП страны. В течение следующих 5–7 лет Правительство Индии планирует потратить 130 млрд долл. США на модернизацию вооруженных сил. Из бюджета на 2023/24 финансовый год оборонная отрасль получит порядка 80 млрд долл. США, что на 13% больше, чем в предыдущем году [17].

Растущий спрос на вооружения и большая емкость индийского рынка заставляют многие ведущие военные корпорации мира бороться за свою долю на нем. Однако правительство страны планомерно проводит протекционистскую политику, направленную на поддержку отечественного производства. Основными инструментами в этом выступают правительственные инициативы «Make-in-India» и «Self-Reliant India initiative» («Сделать в Индии» и «Самодостаточная Индия»), в реализации которых уже достигнуты некоторые позитивные результаты [18]:

- расходы на оборонные закупки из иностранных источников, которые раньше составляли 46% от общих расходов, за последние четыре года, то есть с 2018/19 по 2021/22 г., сократились до 36% [19];

- оборонный и аэрокосмический секторы определены в качестве основных направлений реализации инициативы «Atamirbhar Bharat» («Self-Reliant India initiative»/«Самодостаточная Индия»), направленной на создание отечественной производственной экосистемы исследований и разработок. В рамках программы Министерством по военным делам и Министерством обороны были сформированы четыре списка индигенизации¹, включающих 411 наименований ПНВ, которые должны производиться для оборонного сектора исключительно внутри страны, а не импортироваться;

¹Индигенизация – это процесс создания внутри страны какой-либо технологии, продукта или услуги, без привлечения зарубежных технологических экспертов или инвестиций. Основная цель индигенизации заключается в достижении технической, экономической и политической независимости страны.

- в 2020–2021 гг., в соответствии с инициативой «Atamnirbhar Bharat», 74% контрактов армии были заключены с индийскими поставщиками;

- с целью поддержки отечественной оборонной промышленности предприняты шаги по снижению лицензионных барьеров, дерегулированию, стимулированию экспорта и либерализации иностранных инвестиций;

- создание новых условий функционирования бизнеса в оборонной сфере инициировало возникновение в стране около 194 стартапов, направленных на создание оборонных технологий, разработку инновационных технологических решений для расширения возможностей и роста оборонного потенциала Индии;

- для обеспечения роста оборонного сектора и увеличения производственных мощностей в индийском ВПК принято решение о создании двух промышленных коридоров, которые будут функционировать как кластеры оборонного производства: один в штате Уттар-Прадеш (Uttar Pradesh), другой в штате Тамил Наду (Tamil Nadu). Их создание имеет целью стимулирование участия отечественного бизнеса из числа малых и средних предприятий в производстве оборонной и аэрокосмической продукции [20];

- индийские военные производители получили право на экспорт продукции на рынки других стран. При этом таможенные пошлины на экспортируемую военную технику были снижены, значительно упрощены правила лицензирования экспорта ПНВ. Благодаря этим мерам за 2022/23 финансовый год индийский экспорт ВВТ достиг рекордного уровня – 2,13 млрд долл. США. Это десятикратное увеличение показателя за последние пять лет. В настоящее время Индия экспортирует ПНВ в более чем 85 стран мира [21].

Уже в ближайшей перспективе рост внутреннего производства и экспорта военной техники в Индии станет ведущим фактором влияния на развитие ВТС Индии с другими государствами. В качестве негативных последствий его проявления для России – высокая вероятность снижения спроса на российскую военную технику и рост конкуренции с индийскими производителями на традиционных для Российской Федерации рынках Азии и Африки.

В то же время создание внутри страны сильного военно-промышленного комплекса Индии не предполагает обязательного исключения российских компаний из сферы ВТС. При определенных условиях это может стать основанием для перехода от традиционной модели сотрудничества к инновационной, основанной на совместной разработке и производстве широкой номенклатуры военно-технической продукции; опыт в этом направлении у обеих стран накоплен немалый. Россия уже сейчас готова интенсифицировать совместные исследования в сфере ВПК, а также выпускать в сотрудничестве с Индией военную продукцию на рынок третьих стран. Отметим также, что производство ВВТ – это высокотехнологичная отрасль, требующая

крупных финансовых вложений в научные исследования, разработку и производство. Объединение усилий позволяет обеим странам снизить затраты на инвестиции, а также сократить время на разработку и выпуск продукции. Это значительно повышает потенциал российско-индийского ВТС и делает индийское направление весьма перспективным для российских организаций и предприятий ОПК.

2. Военно-политическое сближение Индии и США. Текущий этап российско-индийских отношений в области военно-промышленных связей является, пожалуй, самым сложным для российского ОПК. Ориентация индийского истеблишмента на ускоренное развитие национальной экономики на основе роста научно-технологических компетенций с фокусом на оборонный сектор, а также политика диверсификации отношений в сфере ВТС существенно повлияли на набор приоритетов в политике военных закупок Индии и продвижение программ оборонного партнерства. Этому в немалой степени способствует объявленный Вашингтоном и Нью-Дели новый статус американо-индийских отношений, который базируется на опыте двусторонних отношений начиная с наличия значительной договорной базы военно-политического взаимодействия и заканчивая поставками американского вооружения и регулярным проведением совместных учений вооруженных сил двух стран. Нет особого смысла здесь подробно раскрывать эти аспекты. Вместе с тем остановимся на моментах, демонстрирующих положительную динамику и рост «качества» двусторонних отношений [27].

Соединенные Штаты и Индия предпринимают значительные усилия по повышению уровня политических, экономических и технологических взаимоотношений, реализуемых в оборонной сфере. Приоритетными направлениями американо-индийского сотрудничества выступают расширение взаимодействия в военной промышленности и оперативная координация действий в Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР), чему способствует наличие схожих представлений о «ценностях, включая приверженность демократии и поддержание международной системы, основанной на правилах. Соединенные Штаты и Индия имеют общие интересы в продвижении глобальной безопасности, стабильности и экономического процветания посредством торговли, инвестиций и взаимосвязанности» [23].

США и Индия, наряду с Японией и Австралией, являются участниками Четырехстороннего диалога по вопросам безопасности, известного как QUAD – неофициальная группа, занимающаяся вопросами безопасности, в которой Индия является активным участником. На полях саммита четырех стран, прошедшего в Токио в мае 2022 г., президент США Джо Байден и премьер-министр Индии Нарендра Моди объявили об американо-индийской инициативе по совместному продвижению «критических и новых технологий» (iCET), а в конце января 2023 г. советники по национальной безопасности Индии и США Аджит Довал и Джейк Салливан официально дали ей старт. iCET предполагает развитие нескольких магистральных направлений

взаимодействия в области новых технологий, которые напрямую ведут к сближению двух стран в оборонной сфере: углубление связей в развитии квантовых коммуникаций, создание полупроводниковой экосистемы в Индии, ускорение сотрудничества в области обороны, изучение возможностей коммерческого космоса, искусственного интеллекта, а также активизация существующих и создание новых исследовательских возможностей [24].

В феврале 2023 г. в Вашингтоне состоялась встреча заместителя министра обороны США Кэтлин Хикс с советником по национальной безопасности Индии Аджитом Довалом. Согласно информационному бюллетеню Белого дома, ключевыми темами встречи были приоритеты двустороннего американо-индийского оборонного партнерства, включая укрепление политики и оперативной координации в Индо-Тихоокеанском регионе и расширение оборонно-промышленного сотрудничества двух стран. В оперативном плане вооруженные силы США и Индии будут стремиться к наращиванию возможностей обеспечения безопасности на море и разведки, наблюдения и рекогносцировки [21].

Сохранение динамики развития американо-индийских отношений на нынешнем уровне, вне всякого сомнения, в перспективе способно генерировать для России и ее интересам в Индии, и шире в Южной Азии, значительные риски как в экономике, так и в сфере безопасности. При том, что современное состояние межгосударственных отношений между Москвой и Вашингтоном без особого преувеличения можно охарактеризовать как враждебное. Ниже перечислены наиболее явные риски и угрозы для российско-индийских отношений, которые могут возникнуть в случае дальнейшего военно-политического сближения Индии и США:

- снижение спроса на российскую военную технику. Рост партнерства между Индией и США в сфере ВТС приведет к усилению конкуренции между российскими и американскими производителями в отдельных (прежде всего, высокотехнологичных) сегментах индийского рынка вооружений, вследствие чего велика вероятность уменьшения числа положительных решений по закупкам российского вооружения, что негативно скажется на объемах российского экспорта ВВТ и доходах ОПК РФ;

- усиление конкуренции Российской Федерации с США на рынке вооружений в связи с ростом вероятности возникновения политически мотивированных решений, ухудшающих/усложняющих условия и процедуры для российских участников рынка, что создаст для России проблемы с сохранением лидирующих позиций;

- возможные изменения в политических взглядах. Тесная связь с США может подтолкнуть Индию к участию в международных стратегических инициативах, таких как НАТО, AUKUS, что может вызвать напряженность в российско-индийских отношениях [25];

- ослабление партнерства Индии с Россией. При усилении военно-политического взаимодействия Индии с США, с одной стороны, и дальнейшей деградации

российско-американских отношений – с другой, высока вероятность снижения значимости России и ее места во внешнеполитических приоритетах Индии, что может нанести ущерб российско-индийскому привилегированному партнерству.

3. Рост конкуренции с производителями Европы, США, Азии. По данным Стокгольмского института исследования мира (SIPRI), в ближайшей перспективе ожидаются некоторые изменения в структуре лидеров стран-экспортеров оружия, вызванные усилением конкуренции и изменением общей конъюнктуры мирового рынка вооружений. Так, авторы доклада SIPRI, опубликованного в марте 2023 г., считают, что США сохранят лидерство и почти наверняка останутся крупнейшим экспортером основных видов вооружений. В то время как Россия, скорее всего, уступит свое второе место другим экспортерам, поскольку количество рассматриваемых поставок и переговоров о поставках снижается и, по мнению экспертов института, продолжит снижаться в будущем [26].

Негативная тенденция для России усугубляется санкциями и ограничениями, которые в среднесрочной перспективе будут оставаться серьезным препятствием для роста экспорта вооружений и могут негативно сказаться на динамике российско-индийского ВТС. Одним из основных инструментов Вашингтона по ограничению российского присутствия, в том числе и в Южной Азии, является Закон о противодействии противникам Америки посредством санкций (The Countering America's Adversaries Through Sanctions Act. CAATSA), принятый в феврале 2017 г. [27]. Данный закон на практике оказал значительное влияние на международную торговлю России, наложив экономические санкции на физических и юридических лиц, деятельность которых рассматривается Вашингтоном как угроза интересам национальной безопасности США. Один из пунктов CAATSA требует от США введения санкций против стран или организаций, которые покупают российское военное оборудование. Несмотря на проведение Индией суверенной политики, это не может не оказывать влияния на процесс принятия решений индийским руководством при формировании планов оборонных закупок.

4. Стремление Индии к диверсификации военного импорта. На протяжении нескольких десятилетий Индия остается одним из крупнейших в мире импортеров оружия. Большая емкость индийского рынка заставляет многие ведущие военные корпорации мира бороться за свою долю на нем, что создает устойчивые предпосылки для реализации Правительством Индии идей по диверсификации оборонного импорта. Несмотря на традиционно сильное присутствие российской продукции военного назначения на рынке, которое обусловлено как политическими, так и коммерческими соображениями, Индия все больше выражает заинтересованность в снижении зависимости от России как доминирующего поставщика ВВТ.

Надо отметить, что попытки разнообразить географию оружейных закупок Нью-Дели предпринимает с разным успехом с конца 70-х годов XX в., решая главную задачу по минимизации политической и технологической зависимости от одного поставщика. В результате, а также благодаря открытости индийского рынка конкуренция развивается естественным образом, и доля России постепенно снижается. Так, изменение объемов импорта российской продукции в структуре оборонных закупок Нью-Дели в период с 2011–2015 по 2016–2020 гг. демонстрирует общую отрицательную динамику. По данным SIPRI, за эти два периода поставки России сократились на 53%, а ее участие в валовом объеме индийского импорта оружия снизилось с 70 до 49% [7].

Однако за тот же период времени Индия активизировала ВТС с США и отдельными странами Европы и Азии. Нью-Дели наладил сотрудничество с французскими и американскими производителями оборонного оборудования, подписав успешные соглашения о покупке истребителей у Франции и многоцелевых вертолетов у США. В 2016–2020 гг. Франция и Израиль стали вторым и третьим крупнейшими поставщиками оружия в Индию с показателями 18% и 13% соответственно. Импорт вооружений Индии из Франции показал рост на 709%, а из Израиля – на 82%. Также постепенно растут поставки оружия из Республики Корея, Германии и Испании. Следует ожидать, что в среднесрочной перспективе Индия будет наращивать интенсивность взаимодействия с западными производителями ВВТ. Посредством закупок дорогостоящих американских и европейских вооружений Индия стремится продемонстрировать как диверсификацию приоритетов в закупочной политике, так и готовность расставить новые акценты в отношениях с западными странами [28].

5. Ограничение производственных возможностей ОПК РФ для поддержания российского оборонного экспорта в связи с проведением специальной военной операции на Украине. В 2022 г. российская система ВТС пережила беспрецедентное потрясение в постсоветской истории страны. Начало специальной военной операции на Украине и санкции, введенные западными странами, оказали существенное влияние на работу оборонных предприятий и подразделений «Рособоронэкспорта». Основной причиной этого стало резкое увеличение внутреннего спроса на военную продукцию, что привело к перегрузке ОПК заказами Министерства обороны Российской Федерации и, как следствие, значительному сужению возможностей ОПК для выполнения экспортных контрактов. Несмотря на то, что точные цифры гособоронзаказа «до и после» неизвестны, заявления министра обороны России дают некоторое представление о величине проблемы. В конце ноября 2022 г. он отметил, что гособоронзаказ на 2023 г. в 1.5раза превысит скорректированные показатели 2022 г. [28]. В этой связи высока вероятность того, что приоритет будет отдаваться заказам российского военного ведомства, а не иностранным покупателям.

Конечно же, данная ситуация не может не вызывать беспокойства в Нью-Дели, где ожидают возникновения срывов запланированных поставок. После начала спецоперации на Украине и введения западных санкций против России власти Индии создали межведомственную комиссию для оценки влияния конфликта на индийскую экономику. Индийская сторона прогнозирует высокую вероятность того, что в условиях санкционного режима российские военные подрядчики столкнутся со значительными трудностями при закупке ключевых импортных компонентов. В результате Россия может отсрочить выполнение военных поставок на неопределенное время. Наибольшую обеспокоенность у индийской стороны вызывает дальнейшая судьба ракетного комплекса «BrahMos». Являясь результатом совместного производства Индии и России, проект требует российских инвестиций и лицензионного сопровождения. При развитии негативного сценария запланированные поставки ракет в Индонезию и Вьетнам могут быть отложены [29].

Выводы

Дальнейшее развитие ВТС России и Индии будет происходить в условиях и под воздействием ряда разнонаправленных обстоятельств, которые могут оказывать определяющее влияние на формирование внешнеполитической повестки обеих стран: нарастание глобальной военно-политической и экономической нестабильности; гонка вооружений в АТР/ИТР и других регионах мира; сохранение острой фазы военного конфликта в восточной Европе; обострение территориальных противоречий и военно-политической напряженности в отношениях Индии с Китаем и Пакистаном; рост военно-политического присутствия/влияния США в Индо-Тихоокеанском регионе и включение Индии в ближнюю орбиту американских интересов.

Стремление Индии осуществить «импортозамещение по индийскому образцу», вероятно, повлияет на ВТС России и Индии в среднесрочной перспективе. Проводимая Индией политика «Make-in-India» направлена на оснащение собственной армии ВВТ отечественного производства. Несмотря на то, что Индия сталкивается с многочисленными технологическими, кадровыми и управленческими проблемами в этом деле, высока вероятность сокращения объемов закупок не только российского оружия, но и всего оборонного импорта в целом. Это может нанести ущерб российскому военному экспорту в Индию и создать брешь на рынке для других поставщиков.

В реализации своих интересов в ВТС с Россией Индия будет стремиться к изменению сложившейся модели взаимодействия – увеличению доли в импорте высокотехнологических систем вооружения с обязательной опцией локализации/передачи технологий индийским производителям. Это расширит ее возможности по собственному производству систем вооружения и снизит зависимость от иностранных поставщиков. Такой сдвиг в подходах Индии в долгосрочной перспективе может принести пользу России, поскольку открывает ей возможности по увеличению своего

присутствия в индийском военно-промышленном комплексе за счет передачи технологий и создания совместных предприятий.

Кроме того, в связи с усилением конкуренции со стороны европейских, американских и азиатских производителей оружия существует высокая вероятность снижения российского экспорта военной продукции не только в Индию, но и в остальные страны мира. Это в сочетании с острой необходимостью удовлетворения растущего внутреннего спроса на военную продукцию может еще больше подорвать позиции России как основного поставщика военной техники и вооружений в Индию.

Военно-политическое сближение Индии с США и сближение России с Китаем создают значительные риски для ВТС России и Индии в среднесрочной перспективе. Более тесные отношения Индии с США могут привести к участию Индии в западных стратегических инициативах, таких как НАТО и AUKUS, что потенциально может затронуть интересы безопасности России в регионе. С другой стороны, близость России с Китаем может привести к тому, что Индия будет воспринимать Россию как геополитического конкурента, что также может повредить отношениям России с Индией. Разрешение таких противоречий потребует тонкой дипломатии и использования различных подходов, чтобы прийти к общему мнению и избежать негативных последствий в отношениях между двумя странами.

В заключение следует отметить, что в целом перспективы российско-индийского ВТС в среднесрочной перспективе сложны и многогранны, с рисками и возможностями для обеих сторон. Хотя стремление Индии к самообеспечению в оборонном секторе и желание диверсифицировать импорт способны создать определенные трудности для России, потребность Индии в высокотехнологичных системах вооружений и технологический опыт России способны обеспечить фундамент для долгосрочного сотрудничества. Снижение мирового спроса на российские военные товары и политические риски внешнего давления, вне сомнений, будут оказывать сдерживающее влияние на российский экспорт в Индию, но диверсификация экспортных рынков и создание совместных предприятий, возможности по технологическому сотрудничеству способны компенсировать это. Наконец, для достижения прочного и долгосрочного военно-технического взаимодействия России и Индии важно выдерживать баланс интересов региональных игроков и избегать диссонансных позиций по стратегическим вопросам.

Список источников

1. Концепция внешней политики Российской Федерации. URL: <https://rg.ru/documents/2023/03/31/prezident-ukaz229-site-dok.html>.
2. Government of India. Ministry of Commerce and Industry. Department of Commerce. URL: <https://tradestat.commerce.gov.in/eidb/Default.asp>.

3. ТАСС: Доля России в индийском импорте нефти в 2022 году превысила 25%. URL: <https://tass.ru/ekonomika/17036335>.
4. О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами: Федеральный закон от 19 июля 1998 г. № 114-ФЗ (с изменениями и дополнениями). URL: <https://base.garant.ru/179054/>.
5. РФ и Индия утвердили программу военно-технического сотрудничества до 2030 года. URL: <https://rg.ru/2021/12/06/ri-i-indiia-utverdili-programmu-voenno-tehnicheskogo-sotrudnichestva-do-2030-goda.html>.
6. Хетагуров А.А. Военно-техническое сотрудничество России: Индия, Пакистан, Афганистан. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/geopolitics-arms-market/voenno-tehnicheskoe-sotrudnichestvo-rossii-indiia-pakistan-afganistan/#>.
7. Trends in International Arms Transfers, 2022. SIPRI. URL: <https://www.sipri.org/publications/2023/sipri-fact-sheets/trends-international-arms-transfers-2022>.
8. Тулякова И.П. Военно-техническое сотрудничество России с иностранными государствами: состояние, проблемы, перспективы // Вестник СПбГУ. Сер. 5. 2011. Вып. 4. 2011. С. 53–63.
9. Совместное заявление по итогам XXI Российско-индийского саммита «Россия – Индия: партнёрство во имя мира, прогресса и процветания». URL: <https://indianembassy-moscow.gov.in/ru/press-releases-06-12-2021-2.php>.
10. Kaura V. India's changing relationship with Russia: challenges and convergences // The RUSI Journal. 2018. Vol. 163, No. 1. P. 48–60. URL: <https://doi.org/10.1080/03071847.2018.1447851>.
11. В Калининграде спустили на воду фрегат для военно-морских сил Индии. URL: <https://rg.ru/2021/11/08/reg-szfo/v-kaliningrade-spustili-na-vodu-fregat-dlia-voenno-morskih-sil-indii.html>.
12. Фрегат «Tushil» для Индии спущен на воду на ПСЗ «Янтарь». URL: <https://dfnc.ru/vtc/fregat-tushil-dlya-indii-spushhen-na-vodu-na-psz-yantar>.
13. Borisov T. Russia-India: Military and Technical Cooperation in the World After COVID-19. URL: <https://valdaiclub.com/a/highlights/russia-india-military-and-technical-cooperation>.
14. ANI: Индия планирует получить новую партию российских зенитных ракетных комплексов С-400 в начале 2023 года. URL: <https://rg.ru/2022/12/25/ani-indiia-planiruet-poluchit-novuiu-partiiu-rossijskih-zenitnyh-raketnyh-kompleksov-s-400-v-nachale-2023-goda.html>.
15. Индия планирует закупить МиГ-29 и Су-30МКИ. URL: <https://dfnc.ru/c106-technika/indiia-planiruet-zakupit-mig-29-i-su-30mki>.

16. Рособоронэкспорт: Производство автоматов Калашникова АК-203 началось в Индии. URL: <https://rg.ru/2023/01/17/rosoboronekспорт-proizvodstvo-avtomatov-kalashnikova-ak-203-nachalos-v-indii.html>.

17. Invest India. Defence Manufacturing. URL: <https://www.investindia.gov.in/sector/defence-manufacturing>.

18. Defence Manufacturing. Make in India. URL: <https://www.makeinindia.com/sector/defence-manufacturing>.

19. Ministry of Defence. Self Reliance in Defence Manufacturing. Posted on: 25 JUL 2022. URL: <https://www.pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=1844608>.

20. Defence Industrial Corridors in India. URL: <https://www.makeinindia.com/defence-industrial-corridors-india>.

21. Ministry of Defence. Aatmanirbharta on the rise: Defence exports reach an all-time high of approx. Rs 16,000 crore in Financial Year 2022–23. URL: <https://pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=1912885>.

22. Mishra A., Saha P. Act East and Act West: Two Different Prisms for India's IndoPacific Strategy // Observer Research Foundation, January 4, 2020. URL: <https://www.orfonline.org/expert-speak/act-east-and-act-west-two-different-prisms-for-indias-indo-pacific-strategy-59850/>.

23. U.S.-INDIA Relations. U.S. Department of State. URL: <https://www.state.gov/u-s-relations-with-india>.

24. Fact sheet: United States and India Elevate Strategic Partnership with the initiative on Critical and Emerging Technology (iCET). White House. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/01/31/fact-sheet-united-states-and-india-elevate-strategic-partnership-with-the-initiative-on-critical-and-emerging-technology-icet/>.

25. Saha P., Kamath R. AUKUS: An Asian and European perspective // Observer Research Foundation, September 30, 2021. URL: <https://www.orfonline.org/expert-speak/aukus-an-asian-and-european-perspective/>.

26. Эксперты SIPRI назвали тренды мирового рынка вооружений. URL: <https://dfnc.ru/c106-technika/sipri-trendy-mirovogo-rynka-vooruzhenij-2022/>.

27. Countering America's Adversaries Through Sanctions Act 08.02.2017. Congress USA. URL: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/3364/text>.

28. Фролов А. Отдел боевой техники: как СВО изменила мировой рынок вооружений и почему санкции оказали на российский экспорт разноплановый эффект. URL: <https://iz.ru/1448991/andrei-frolov/otdel-boevoi-tekhniki-kak-svo-izmenila-mirovoi-rynok-vooruzhenii>.

29. Indian defense and energy industry hit hardest by Russian sanctions. URL: <http://country.eiu.com/article.aspx?articleid=122033195>.

References

1. The concept of foreign policy of the Russian Federation. URL: <https://rg.ru/documents/2023/03/31/prezident-ukaz229-site-dok.html>. (In Russ.).
2. Government of India. Ministry of Commerce and Industry. Department of Commerce. URL: <https://tradedstat.commerce.gov.in/eidb/Default.asp>.
3. TASS: Russia's share in Indian oil imports in 2022 exceeded 25%. URL: <https://tass.ru/ekonomika/17036335>. (In Russ.).
4. Federal Law of July 19, 1998 No. 114-FZ "On military-technical cooperation of the Russian Federation with foreign states" (with amendments and additions). URL: <https://base.garant.ru/179054/>. (In Russ.).
5. Russia and India approved a program of military-technical cooperation until 2030. URL: <https://rg.ru/2021/12/06/rg-i-indiia-utverdili-programmu-voenno-tehnicheskogo-sotrudnichestva-do-2030-goda.html>. (In Russ.).
6. Khetagurov A.A. Voенно-tekhnicheskoe sotrudnichestvo Rossii: Indiya, Pakistan, Afganistan [Military-technical cooperation of Russia: India, Pakistan, Afghanistan]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/geopolitics-arms-market/voenno-tekhnicheskoe-sotrudnichestvo-rossii-indiya-pakistan-afganistan/#>. (In Russ.).
7. Trends in International Arms Transfers, 2022. SIPRI. URL: <https://www.sipri.org/publications/2023/sipri-fact-sheets/trends-international-arms-transfers-2022>.
8. Tulyakova I.R. Voенно-tekhnicheskoe sotrudnichestvo Rossii s inostrannymi gosudarstvami: sostoyanie, problemy, perspektivy [Military-technical cooperation of Russia with foreign states: status, problems, prospects]. *Vestnik SPbGU. Ser. 5*, 2011, iss. 4, pp. 53–63. (In Russ.).
9. Joint statement following the XXI Russian-Indian summit “Russia – India: partnership for peace, progress and prosperity”. URL: <https://indianembassy-moscow.gov.in/ru/press-releases-06-12-2021-2.php>. (In Russ.).
10. Kaura V. India’s Changing Relationship with Russia: Challenges and Convergences. *The RUSI Journal*, 2018, vol. 163, no. 1, pp. 48–60. URL: <https://doi.org/10.1080/03071847.2018.1447851>.
11. A frigate for the Indian Navy was launched in Kaliningrad. URL: <https://rg.ru/2021/11/08/reg-szfo/v-kaliningrade-spustili-na-vodu-fregat-dlia-voenno-morskikh-sil-indii.html>. (In Russ.).
12. The frigate Tushil for India was launched at the Yantar Shipyard. URL: <https://dfnc.ru/vtc/fregat-tushil-dlya-indii-spushhen-na-vodu-na-psz-yantar>. (In Russ.).
13. Borisov T. Russia-India: military and technical cooperation in the world after COVID-19. URL: <https://valdaiclub.com/a/highlights/russia-india-military-and-technical-cooperation>.

14. ANI: India plans to receive a new batch of Russian S-400 anti-aircraft missile systems in early 2023. URL: <https://rg.ru/2022/12/25/ani-indiia-planiruet-poluchit-novuiu-partiiu-rossijskih-zenitnyh-raketnyh-kompleksov-s-400-v-nachale-2023-goda.html>. (In Russ.).

15. India plans to purchase MiG-29 and Su-30MKI. URL: <https://dfnc.ru/c106-technika/indiya-planiruet-zakupit-mig-29-i-su-30mki>. (In Russ.).

16. Rosoboronexport: Production of Kalashnikov AK-203 assault rifles has begun in India. URL: <https://rg.ru/2023/01/17/rosoboroneksport-proizvodstvo-avtomatov-kalashnikova-ak-203-nachalos-v-indii.html>. (In Russ.).

17. Invest India. Defence Manufacturing. URL: <https://www.investindia.gov.in/sector/defence-manufacturing>.

18. Defence Manufacturing. Make in India. URL: <https://www.makeinindia.com/sector/defence-manufacturing>.

19. Ministry of Defence. Self Reliance in Defence Manufacturing. Posted on: 25 JUL 2022. URL: <https://www.pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=1844608>.

20. Defense Industrial Corridors in India. URL: <https://www.makeinindia.com/defence-industrial-corridors-india>.

21. Ministry of Defense. Aatmanirbharta on the rise: Defense exports reach an all-time high of approx. Rs 16,000 crore in Financial Year 2022-23. URL: <https://pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=1912885>.

22. Mishra A., Saha P. Act East and Act West: Two Different Prisms for India's IndoPacific Strategy. *Observer Research Foundation*, 2020, January 4. URL: <https://www.orfonline.org/expert-speak/act-east-and-act-west-two-different-prisms-for-indias-indo-pacific-strategy-59850/>.

23. U.S.-INDIA Relations. U.S. Department of State. URL: <https://www.state.gov/u-s-relations-with-india>.

24. Fact sheet: United States and India Elevate Strategic Partnership with the initiative on Critical and Emerging Technology (iCET). White House. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/01/31/fact-sheet-united-states-and-india-elevate-strategic-partnership-with-the-initiative-on-critical-and-emerging-technology-icet/>.

25. Saha P., Kamath R. AUKUS: An Asian and European perspective. *Observer Research Foundation*, 2021, September 30. URL: <https://www.orfonline.org/expert-speak/aukus-an-asian-and-european-perspective/>.

26. SIPRI experts named trends in the global arms market. URL: <https://dfnc.ru/c106-technika/sipri-trendy-mirovogo-rynka-vooruzhenij-2022/>. (In Russ.).

27. Countering America's Adversaries Through Sanctions Act 08.02.2017. Congress USA. URL: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/3364/text>.

28. Frolov A. Otdel boevoi tekhniki: kak SVO izmenila mirovoi rynek vooruzhenii i pochemu sanksii okazali na rossiiskii eksport raznoplanovyi effekt [Department of Combat Equipment: how the SMO changed the global arms market and why sanctions had a multifaceted effect on russian exports. URL: <https://iz.ru/1448991/andrei-frolov/otdel-boevoi-tekhniki-kak-svo-izmenila-mirovoi-rynok-vooruzhenii>. (In Russ.).

29. Indian defense and energy industry hit hardest by Russian sanctions. URL: <http://country.eiu.com/article.aspx?articleid=122033195>.

Информация об авторах

А.Б. Волынчук – доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Центра глобальных и региональных исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Российская Федерация, i-abv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5313-2897>.

Information about the authors

A.B. Volynchuk, Doctor of Political Sciences, leading researcher at the Center for Global and Regional Studies, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russian Federation, i-abv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5313-2897>.

Статья поступила в редакцию / The article received 20.09.2023;
одобрена после рецензирования / revised 13.08.2024;
принята к публикации / accepted 03.09.2024.

Научная статья

УДК 32(597)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2024-3/116-130>

Стабильность современной политической системы Вьетнама: эволюция, вызовы и перспективы

Ты Тхи Тхоа^{1✉}, Нгуен Дык Кыонг²

^{1,2} Государственный университет управления, Москва, Российская Федерация

¹ Университет физического воспитания и спорта, Хошимин, Вьетнам

² Академия политики региона 2, Хошимин, Вьетнам

✉ tuthoahvhc@gmail.com

Аннотация. В данной статье рассматривается стабильность современной политической системы Вьетнама на основе всестороннего обзора и анализа ее исторической эволюции, структуры управления, экономических реформ и сложного взаимодействия социально-политических факторов. С момента проведения экономических реформ Doi Moi в 1986 г. Вьетнам пережил значительные преобразования, приведшие к быстрому экономическому росту и повышению политической стабильности. В данном исследовании рассматривается ключевая роль Коммунистической партии Вьетнама в сохранении однопартийной системы и одновременном внедрении рыночных реформ. В нем оценивается влияние этих реформ на политический ландшафт, обсуждается, как экономический успех способствовал легитимности государства и поддержанию общественного доверия. Кроме того, в исследовании выявляются внутренние и внешние вызовы, с которыми сталкивается Вьетнам, включая коррупцию, проблемы с правами человека и давление глобализации, а также рассматриваются ответные меры государства в виде институциональных реформ и корректировки политики. Результаты исследования свидетельствуют о том, что на политическую стабильность Вьетнама влияет целый комплекс факторов, включая экономические достижения, институциональные реформы и центральную роль Коммунистической партии.

Ключевые слова: политическая стабильность, управление, экономическая реформа, однопартийность, социально-экономическая, правовая реформа, политическая социализация, децентрализация, глобализация, гражданское общество

Для цитирования: Ты Тхи Тхоа, Нгуен Дык Кыонг. Стабильность современной политической системы Вьетнама: эволюция, вызовы и перспективы // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, № 3. С. 116–130.

Original article

Stability of the modern Vietnamese political system: evolution, challenges, and prospects

Tu Thi Thoa^{1✉}, Nguyen Duc Cuong²

^{1,2} The State University of Management, Moscow, Russian Federation

¹ Ho Chi Minh City University of Physical Education and Sports, Ho Chi Minh City, Viet Nam

²Academy of Politics Region 2, Ho Chi Minh City, Viet Nam

✉ tuthoahvhc@gmail.com

Abstract. This article examines the stability of the modern Vietnamese political system through a comprehensive review and analysis of its historical evolution, governance structure, economic reforms, and the intricate interplay of socio-political factors. Since the implementation of Doi Moi economic reforms in 1986, Vietnam has experienced significant transformations, that have led to rapid economic growth and increasing political stability. This study delves into the pivotal role played by the Communist Party of Vietnam in maintaining a one-party system while simultaneously introducing market-oriented reforms. It evaluates the impacts of such reforms on the political landscape, discussing how economic success has contributed to the legitimacy of the state and sustained public confidence. Furthermore, the research identifies internal and external challenges faced by Vietnam, including corruption, human rights concerns, and the pressures of globalization, while examining the state's response through institutional reforms and policy adjustments. The findings of the study suggest that Vietnam's political stability is influenced by a complex set of factors, including economic achievements, institutional reforms, and the central role of the Communist Party.

Keywords: political stability, governance, economic reform, single-party, socio-economic, legal reform, political socialization, decentralization, globalization, civil society

For citation: Tu Thi Thoa, Nguyen Duc Cuong. Stability of the modern Vietnamese political system: evolution, challenges, and prospects. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*, 2024, vol. 26, no. 3, pp. 116–130. (In Russ.).

Введение

В современном политическом ландшафте Социалистическая Республика Вьетнам представляет собой убедительный пример политической стабильности в рамках однопартийной системы. Путь этой страны от разрушенной войной страны до быстро развивающейся экономики под управлением Коммунистической партии Вьетнама заслуживает пристального изучения. Целью данной статьи является тщательное изучение основополагающих факторов, способствующих устойчивости и стабильности политической системы Вьетнама. Проследившая генеалогию политической стабильности Вьетнама, можно выделить три ключевых периода: постколониальная эпоха, война с Соединенными Штатами и ее последствия, а также введение реформ Дой Мой [1].

Политическая история Вьетнама изначально отмечена Женевским соглашением 1954 г., которое привело к раздвоению страны, состоящей из коммунистического Севера и антикоммунистического Юга [2]. Последующий период американского участия, отмеченный стратегией сдерживания коммунизма, основанной на теории домино, создает прецедент для оценки внешнего влияния на внутреннюю политику Вьетнама [2]. Однако в центре нашего внимания находится послевоенный период, особенно после экономических реформ Дой Мой, начатых в 1986 г., которые либерализовали закрытую экономику Вьетнама и положили начало фазе высокого экономического роста и последующей политической стабильности [1].

Несмотря на то, что постоянно растущая экономика Вьетнама предвещает успех, критический анализ показывает, что высокие темпы роста могут замедлиться, если Вьетнам не продолжит проводить дальнейшие реформы [3]. Поэтому в данной статье мы также рассмотрим уровни развития институтов и политики и их значение для поддержания политической стабильности по сравнению с другими странами с формирующейся рыночной экономикой. Опираясь на академические дискуссии и анализ данных, данное исследование позволит определить симбиотическую связь между экономической устойчивостью и политической стабильностью в условиях Вьетнама.

Обзор политической системы и системы управления современного Вьетнама

Современная политическая система Вьетнама представляет собой своеобразную смесь исторических влияний и современных адаптаций, которые были разработаны для того, чтобы ориентироваться в сложностях социально-экономического ландшафта страны [4]. Опираясь на глубокие культурные традиции и идеологическую приверженность, эта система нацелена на социалистически ориентированную рыночную экономику, которая стремится гармонизировать принципы социализма с динамикой рыночного развития. Эта система остается под контролем Коммунистичес-

кой партии Вьетнама, которая является единственной правящей партией с момента воссоединения страны в 1975 г.

Высшим эшелонем государственной структуры Вьетнама является Национальное собрание, которое олицетворяет собой законодательную власть и воплощает волю народа. Этот орган, избираемый каждые пять лет, отвечает за разработку законов, принятие важнейших политических решений и надзор за подотчетностью государственных органов [5]. Национальное собрание выбирает президента, главу государства и премьер-министра, главу правительства, кабинет которого занимается повседневным управлением делами страны.

Политическая система Вьетнама также характеризуется уникальным сочетанием централизованной власти и локализованного управления. Провинциальными и муниципальными органами власти поручено адаптировать национальную политику к местным условиям, что представляет собой децентрализованный подход, направленный на использование местных знаний и ресурсов для национального развития [6]. Такое тонкое взаимодействие местных и национальных властей призвано способствовать оперативности и адаптивности управления.

К формальным структурам управления примыкают глубоко укоренившаяся роль массовых организаций и процесс политической социализации под руководством КПВ, цель которых – вовлечь граждан в управление и обеспечить соответствие между государственной политикой и общественными интересами. Слияние государственного контроля с мобилизацией масс является свидетельством политического наследия Вьетнама [7], который ценит коллективную гармонию и единство в определении траектории развития страны. Почитание коллективных целей находит отражение и в правовой системе Вьетнама, которая, хотя и испытала влияние социалистической теории права, также включает в себя элементы обычного права, поддерживающего общественные нормы и сохраняющего сплоченность общества. Правовая система функционирует в рамках директив КПВ, но подвергается постепенным реформам, направленным на повышение прозрачности, предсказуемости и соответствия международным нормам, особенно в сферах, относящихся к экономической деятельности и правам человека [8].

Таким образом, политическая система современного Вьетнама не статична. Она представляет собой развивающееся образование, формируемое как внутренними устремлениями, так и внешними условиями. Она стремится оставаться устойчивой и актуальной в условиях меняющихся социально-экономических реалий, идя по осторожному, но прагматичному пути между сохранением идеологической последовательности и проведением необходимых реформ. Стабильность этой системы постоянно проверяется и подтверждается ее способностью преодолевать потрясения, будь то экономические спады или требования общества к большей открытости и участию

[9; 10]. Эволюция этой системы проявляется в том, как Вьетнаму удастся ориентироваться в сложностях глобальной интеграции, сохраняя при этом свои основные политические ценности и принципы управления.

Неотъемлемые проблемы поддержания политической стабильности наряду с экономическим подъемом решаются с помощью осторожных, но целенаправленных мер, принимаемых государством. Руководство Вьетнама продемонстрировало глубокое понимание нюансов взаимодействия экономической либерализации и политического контроля, следуя по пути, который обеспечивает социальное равенство и национальное развитие без ущерба для стабильности государства [11]. Правительство провело целый ряд экономических реформ, направленных на модернизацию фискальной системы страны, повышение эффективности и стимулирование роста. Это, в свою очередь, укрепило легитимность политической системы и упрочило договор между государством и его гражданами.

Тем не менее политическая система Вьетнама не лишена критики как внутри страны, так и на международной арене. Сторонники большего политического плюрализма и гражданских свобод утверждают, что эволюция системы должна включать в себя больше механизмов участия, чтобы отразить меняющиеся чаяния вьетнамского народа [12; 13]. Подход государства к регулированию инакомыслия и укреплению консенсуса представляет собой балансирование, направленное на гармонизацию императивов социально-экономического развития и стремления к более инклюзивному управлению.

Перспективы современной вьетнамской политической системы заключаются в ее способности адаптироваться к быстро меняющемуся миру, сохраняя при этом свою сущность. Это динамическое равновесие требует постоянных политических инноваций, активного участия граждан и эффективного управления, способного противостоять вызовам, вызванным технологическим прогрессом, меняющимся геополитическим контекстом, а также демографическими и экологическими изменениями в стране. Устойчивость политической системы Вьетнама будет проверяться ее способностью использовать сильные стороны своего прошлого и смело строить будущее, воплощающее чаяния и дух ее народа.

По мере того как Вьетнам будет позиционировать себя на мировой арене, взаимодействие однопартийной модели и рыночной экономики неизбежно будет испытывать на прочность созданные КПВ структуры управления. Усилия партии, направленные на поддержание баланса между коррупцией, усилением подотчетности институтов и удовлетворением чаяний образованного населения, которое становится все более связанным, будут играть центральную роль в политической эволюции Вьетнама и динамике управления в ближайшие годы. При решении этих вопросов КПВ, возможно, сочтет целесообразным рассмотреть политические реформы, спо-

способствующие прозрачности, повышению эффективности управления и ответственному отношению к общественным проблемам, придерживаясь при этом экономических стратегий, которые до сих пор стимулировали развитие Вьетнама.

Экономические реформы и политическая стабильность в современном Вьетнаме

Реформы Дой Мой, начатые в 1986 г., стали основополагающим сдвигом в экономической и политической парадигме Вьетнама. Встав на путь рыночной экономики, вьетнамское правительство признало необходимость стимулировать производительность труда, обуздать инфляцию и поднять уровень жизни, который при прежней системе был маргинализирован [14]. В ходе этой серии реформ были внедрены такие элементы капиталистической экономики, как деколлективизация сельского хозяйства, создание частных предприятий и привлечение прямых иностранных инвестиций, причем все это происходило под направляющей рукой государства [15].

Социально-экономические последствия Дой Мой были глубокими. Экономика Вьетнама пережила быстрый и устойчивый рост, либерализация торговли способствовала интеграции в мировой рынок, а уровень бедности значительно снизился [16]. Реформы также привели к резкому росту развития малых предприятий, особенно в Хошимине, что еще больше стимулировало экономический динамизм и увеличило возможности трудоустройства.

Однако реформы Дой Мой не обошлись без проблем. Финансовый сектор, отстававший от других секторов экономики, создавал проблемы для устойчивого роста, вызывая вопросы об общей устойчивости системы реформ. Кроме того, реформы привели к новому социальному расслоению из-за неравенства доходов и возможностей, что свидетельствует о значительных изменениях в социальной динамике.

Политическая стабильность во Вьетнаме была неразрывно связана с успехом этих экономических преобразований. Для укрепления своей легитимности и оправдания централизованного контроля КПВ использовала ощутимые преимущества экономических реформ, такие как увеличение ВВП, рост международной торговли и повышение уровня жизни [17]. Эффективности экономических реформ, в свою очередь, способствовала политическая стабильность, которую обеспечивала однопартийная система, создавая петлю обратной связи с взаимным усилением.

Экономический успех имел решающее значение для внутренней легитимности КПВ, и можно утверждать, что стабильность, которой Вьетнам наслаждается сегодня, в значительной степени является результатом этих экономических успехов, которые до сих пор сдерживали потенциальные призывы к политическим изменениям. Однако по мере роста среднего класса и расширения доступа к информации могут усилиться ожидания политических свобод и более инклюзивного управления. Выработка будущего курса, который будет учитывать эти изменения, не подрывая с

таким трудом достигнутые экономические успехи страны, станет испытанием для политической хватки КПВ [15]. Политика, предусматривающая повышение прозрачности, укрепление верховенства закона и постепенное внедрение политических реформ, может стать необходимой для того, чтобы КПВ оставалась отзывчивой к чаяниям своих граждан и сохраняла политическое равновесие, лежащее в основе ее правления.

По мере становления вьетнамской экономики, диверсификации запросов населения и изменения ландшафта мировой торговли все чаще звучат призывы к реформам, которые выходят за рамки экономической сферы и распространяются на политическую и институциональную области [11]. Поэтому возникает вопрос, как или если КПВ изменит свою модель управления, чтобы приспособиться к этим изменениям, сохранив при этом политическую стабильность, которая была отличительной чертой ее режима.

В целом, хотя Дой Мой занимает центральное место в экономическом успехе Вьетнама и, как следствие, в его политической стабильности, остается открытым вопрос о том, как будут развиваться взаимозависимые отношения между этими сферами по мере того, как Вьетнам будет сталкиваться с давлением модернизации и дальнейшей интеграции в мировую экономику [18]. Способность КПВ адаптироваться к этому давлению, сохраняя контроль, вероятно, станет определяющим фактором для будущей политической и экономической траектории Вьетнама. Экономические реформы Вьетнама в рамках политики Дой Мой сыграли важную роль в обеспечении значительной политической стабильности, наблюдавшейся в последние десятилетия. Однако сложная взаимосвязь экономических показателей и политической стабильности не является статичной и будет развиваться, что потребует от КПВ тщательного управления для поддержания баланса, который до сих пор хорошо служил интересам Вьетнама.

Вызовы и угрозы политической стабильности Вьетнама

Внутренние проблемы политической стабильности Вьетнама в основном связаны с вопросами управления, вытекающими из однопартийной системы. Коррупция – это серьезная внутренняя проблема, которая представляет угрозу для управления и рейтинга одобрения Коммунистической партии Вьетнама. Она может проявляться в различных формах в разных секторах и на разных уровнях власти, потенциально подрывая доверие общества и целостность государства [19]. Руководство Вьетнама признало наличие этой повсеместной проблемы и инициировало различные антикоррупционные кампании. Несмотря на эти усилия, для борьбы с глубоко укоренившимися коррупционными сетями в правительстве и военном секторе требуется эффективное правоприменение [1].

Еще одной внутренней проблемой является противоречие между экономической либерализацией и политическим контролем. По мере того как страна продолжает развиваться, население все чаще требует более широкого участия в управлении и принятии решений. Реакция КПВ на эти требования и то, как она справляется с политическим несогласием и социальными волнениями, возникающими в результате таких требований, являются важными факторами, определяющими внутреннюю стабильность [1].

На внешнем уровне Вьетнам сталкивается с дипломатическими и стратегическими вызовами, особенно в отношениях со сверхдержавами и соседними странами. Геополитическая угроза в виде территориальных споров в Южно-Китайском море имеет последствия для национальной безопасности и внешней политики Вьетнама [20]. Кроме того, растущая интеграция Вьетнама в мировую экономику подвергает его международному давлению и тщательному изучению с точки зрения соблюдения прав человека, что влияет на его отношения с другими странами, особенно с западными демократиями, которые уделяют этим вопросам особое внимание [19]. Помимо геополитических проблем, экономическая зависимость Вьетнама от мировых рынков означает, что международные экономические колебания могут дестабилизировать его экономику, косвенно влияя на его политическую стабильность. Перед Вьетнамом стоит задача преодолеть это внешнее давление, сохраняя суверенитет и добиваясь устойчивого экономического роста [19].

Поэтому для поддержания стабильности политическое руководство Вьетнама должно решать эти проблемы, проводя реформы там, где это необходимо, и разрабатывая внешнюю политику, балансирующую между национальными интересами, требованиями и возможностями международного сообщества [1; 20]. Стремление вьетнамского правительства сбалансировать интересы национальной безопасности, участвуя в международной торговле, является определяющим аспектом его внешней политики. Подход государства к внешнему вызову геополитической напряженности, особенно в спорных морских границах с Китаем, требует дипломатической тонкости и стратегического сотрудничества с другими странами региона. Укрепление связей с АСЕАН и участие в многосторонних диалогах служат потенциальными средствами для защиты территориальной целостности и укрепления региональной стабильности.

Участие Вьетнама в международных организациях и соблюдение правил глобальной торговли отражают его стратегию по смягчению этих внешних вызовов. Соответствуя международным нормам, Вьетнам стремится создать благоприятные условия для иностранных инвестиций и торговли, которые имеют жизненно важное значение для его дальнейшего экономического развития. Навигация в глобальной

экономической среде, особенно в условиях торговых войн и протекционизма, является постоянным испытанием для экономической дипломатии и адаптации Вьетнама к внутренним реформам.

В сфере прав человека и гражданских свобод стремление Вьетнама к сбалансированным отношениям с западными странами часто зависит от его прогресса в этих областях. КПВ сталкивается с внешним давлением, требующим соблюдения международных стандартов в области прав человека, что сказывается на двусторонних партнерских отношениях и потенциальных торговых санкциях. Этот внешний вызов заставляет Вьетнам рассматривать реформы, которые могут решить эти проблемы с правами человека без ущерба для политической стабильности и однопартийного правления.

Сочетание необходимости поддерживать строгий политический контроль и обеспечивать рост динамичной экономики привело Вьетнам на распутье. С одной стороны, правительство стремится создать фасад открытости, чтобы обеспечить иностранные инвестиции и международный авторитет. С другой стороны, оно сопротивляется реформам, которые могут ослабить его авторитарную власть. Этот баланс неустойчив, и на фоне растущих призывов к политическим реформам стратегии и политика правительства в отношении коррупции, прав человека и свободы слова будут оставаться решающими факторами в его стремлении к политической стабильности и экономическому росту [1, 14]. Более того, последствия таких проблем управления выходят за пределы Вьетнама, оказывая влияние на внешние отношения и торговые соглашения. Западные правительства и международные организации часто увязывают данные о соблюдении прав человека с торговыми переговорами, что может поставить Вьетнам в сложное положение, когда он стремится стимулировать экономический рост, но при этом сталкивается с потенциальными санкциями или наказаниями.

В цифровой сфере правительство Вьетнама продолжает ужесточать контроль над онлайн-контентом, принимая законы о кибербезопасности, которые предписывают локализацию данных и предоставляют государственным органам широкие полномочия по контролю и надзору за информацией. Вместе с тем можно утверждать, что эти меры необходимы для обеспечения национальной безопасности и защиты граждан от потенциальных угроз.

Стабильность и дальнейшая интеграция Вьетнама в мировую экономику будут во многом зависеть от того, как он будет лавировать между авторитарными политическими импульсами и либерализующим давлением как внутри страны, так и за ее пределами. Обнадешивает то, что есть проблески позитивных изменений, о чем свидетельствует участие Вьетнама в международных договорах по правам человека и

его готовность к диалогу по этим важнейшим вопросам. Сотрудничество с международными правозащитными механизмами может проложить путь к более существенным улучшениям внутри страны.

Противостояние этим многогранным вызовам требует от КПВ постоянной оценки и корректировки своих стратегий как внутри страны, так и на международном уровне. Взаимосвязь сохранения политического контроля, продвижения экономических реформ и конструктивного взаимодействия на мировой арене будет продолжать определять политический и экономический ландшафт Вьетнама. От того, насколько эффективно Вьетнам сможет противостоять этим вызовам и адаптироваться к ним, во многом зависит его способность поддерживать политическую стабильность в долгосрочной перспективе.

Глобализация оказала многостороннее влияние на политическую стабильность Вьетнама. Так, открытие экономики посредством реформ Дой Мой привело к резкому увеличению иностранных инвестиций, экономическому росту и более существенной интеграции в мировую экономику. Темпы роста ВВП Вьетнама, достигшие пика в 1992 и 1995 гг., являются примером позитивной траектории экономической глобализации [21].

Однако глобализация порождает и множество проблем. Глобальная взаимосвязь повышает восприимчивость вьетнамской экономики к внешним потрясениям, о чем свидетельствует азиатский финансовый кризис, который негативно сказался на росте ВВП, прямых иностранных инвестициях и международной торговле Вьетнама [18; 21]. Такая экономическая нестабильность может, в свою очередь, подорвать политическую стабильность, усилив внутренние экономические диспропорции и социальное недовольство.

С точки зрения международных отношений стратегическое взаимодействие Вьетнама с мировыми игроками повысило его дипломатический статус, но в то же время подвергло страну международному контролю, особенно в отношении ее подхода к правам человека и управлению. Глобальные институты и западные страны выступают за улучшение ситуации с правами человека во Вьетнаме в рамках своих торговых и дипломатических отношений, что вынуждает Вьетнам реформировать некоторые аспекты своей политической системы [3; 19; 22].

Приверженность страны международным нормам необходима для сохранения экономического партнерства и доступа к мировым рынкам, но это часто требует от Вьетнама решения таких деликатных вопросов, как трудовые права и свобода слова. Верность КПВ сохранению однопартийного правления при одновременном противостоянии международным призывам к политической либерализации является постоянной загадкой [22]. Более того, глобализация подразумевает обмен идеями и технологиями, которые могут поставить под сомнение контроль государства над информацией. Появление Интернета и цифровых коммуникаций усложнило задачу властей

по управлению информационным потоком и сдерживанию распространения инакомыслия [22].

В конечном итоге дальнейшее социально-экономическое развитие Вьетнама и его интеграция в мировой рынок требуют тонкой настройки политики, которая соответствовала бы мировым стандартам и при этом защищала бы национальные интересы. Способность КПВ проводить реформы, которые как отражают международные ожидания, так и учитывают внутренние политические и экономические императивы, будет иметь решающее значение для долгосрочной стабильности и успеха Вьетнама как социалистической рыночной экономики в условиях глобализации [4, 10]. Влияние глобализации распространяется также на культурную и идеологическую сферы, бросая вызов традиционным ценностям и методам управления Вьетнама. Поскольку идеи о демократии и правах человека циркулируют более свободно благодаря расширению коммуникаций, внутри страны растет стимул к политическим реформам и большему плюрализму. Это внутреннее стремление к переменам способно вызвать напряженность в отношениях с укоренившейся политической системой, что может привести к нестабильности, если не действовать осторожно.

Кроме того, Вьетнам прилагает усилия для участия в региональных и международных экономических соглашениях, таких как Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о транстихоокеанском партнерстве и Региональное всеобъемлющее экономическое партнерство, которые способствуют развитию торговли и инвестиций, но также требуют соблюдения международных стандартов и практики. Это требует тонкого балансирования, поскольку Вьетнам должен реформировать некоторые аспекты своей экономики и управления, не нарушая при этом контроль КПВ и социально-экономический баланс.

Давление глобализации не является чисто экономическим или политическим; экологические проблемы также играют важную роль. Быстрые темпы индустриализации Вьетнама, вызванные глобализацией, порождают серьезные экологические проблемы, которые могут повлиять на социальную стабильность. Последствия изменения климата, такие как повышение уровня моря, также представляют прямую угрозу для экономических центров Вьетнама и его сельскохозяйственного сектора, в котором занята большая часть населения.

В противостоянии этим многогранным влияниям глобализации подход Вьетнама к международным отношениям является неотъемлемой частью. Отношения с такими крупными державами, как Китай и Соединенные Штаты, баланс между интересами безопасности и экономическими интересами, а также использование многосторонних форумов остаются жизненно важными для поддержания политической стабильности Вьетнама [23]. Эти международные отношения оказывают значительное влияние на внутреннюю политику и способность КПВ эффективно управлять как внутренними, так и внешними делами.

Заключение

Стабильность политической системы Вьетнама в условиях сложного ландшафта, характеризуется быстрым экономическим ростом и давлением глобализации. Хотя реформы Дой Мой стали катализатором значительного прогресса, такие постоянные проблемы, как коррупция, эффективность управления, продолжают испытывать устойчивость системы управления. Глобализация усугубила эти проблемы, создав как возможности, так и требования для проведения политических и экономических реформ. Перспективы Вьетнама зависят от способности правительства проводить значимые реформы, балансировать между внутренним контролем и внешними ожиданиями, а также поддерживать политическую стабильность в условиях меняющейся глобальной динамики. Траектория движения страны к устойчивому процветанию и стабильности будет зависеть от ее способности адаптироваться и реагировать как на внутренние потребности, так и международные обязательства.

Список источников

1. Curry R.L., Boothroyd P., Nam P.X. Socioeconomic renovation in Viet Nam: The Origin, Evolution, and Impact of Doi Moi // *Pacific Affairs*. 2001. No. 1 (74). P. 134.
2. Vietnam // JFK Library. URL: <https://www.jfklibrary.org/learn/about-jfk/jfk-in-history/vietnam>).
3. Dollar D. Reform, growth, and poverty in Vietnam. The World Bank, 2002. URL: <https://documents.worldbank.org/en/publication/documents-reports/documentdetail/263091468781159602/reform-growth-and-poverty-in-vietnam>.
4. London J., Morris-Jung J. Politics in contemporary Vietnam: party, state and authority relations // *Contemporary Southeast Asia*. 2014. No. 3 (36). P. 473–476.
5. Vietnamese Government 2013 Constitution. URL: <https://vanban.chinhphu.vn/?pageid=27160&docid=171264&classid=1&typegroupid=1>.
6. Painter M. From command economy to hollow state? Decentralisation in Vietnam and China // *Australian Journal of Public Administration*. 2008. No. 1 (67). P. 79–88.
7. Gueorguiev D.D., Schuler P. J. Collective charisma: elite-mass relations in China and Vietnam // *Problems of Post-Communism*. 2021. No. 3 (68). P. 190–201.
8. Nguyen T.H.Y. Legal system reform and challenges on assurance of human rights standards in Vietnam // *Journal of Southeast Asian Human Rights*. 2020. No. 2 (4). P. 427.
9. Huong P.T.L. Reforming law on administrative procedures towards a rule-of-law state in Vietnam // *Gdańskie Studia Azji Wschodniej*. 2019. No. 16. P. 152–163.
10. London J. Vietnam in 2019 // *Asian Survey*. 2020. No. 1 (60). P. 93–99.
11. Thoa T.T. Building the rule of law state as a guarantor of democracy in modern Vietnam // *Upravlenie / Management (Russia)*. 2022. No. 4 (9). P. 43–50.

12. Owen C. Participatory authoritarianism: From bureaucratic transformation to civic participation in Russia and China // *Review of International Studies*. 2020. No. 4 (46). P. 415–434.
13. Thayer C.A. Vietnam and the challenge of political civil society // *Contemporary Southeast Asia*. 2009. No. 1 (31). P. CS31-1A.
14. Thoa T. T. Legislation on direct democracy in modern Vietnam // *Upravlenie / Management (Russia)*. 2022. No. 3 (10). P. 105–112.
15. Тхоа Т.Т., Кыонг Н.Д. Прямая демократия в условиях однопартийного правления в современном Вьетнаме // *Via in tempore. История. Политология*. 2022. № 3 (49). С. 701–710.
16. Freeman D.B. Doi Moi Policy and the Small-Enterprise Boom in Ho Chi Minh City, Vietnam // *Geographical Review*. 1996. No. 2 (86). P. 178.
17. Tu Thi Thoa, Nguyen Duc Cuong. Open data and democracy in digital government transformation in Vietnam // *Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право = Pacific RIM: Economics, Politics, Law*. 2022. № 2 (24). С. 58–72.
18. Thi Thoa T. Problems of ensuring democracy under one-party rule in modern vietnam // *Territory Development*. 2023. No. 3. P. 66–73.
19. Nguyen N.A. Understanding the socialist-market economy in Vietnam // *Emerging Science Journal*. 2022. No. 5 (6). P. 952–966.
20. Stur H. Why the United States went to war in Vietnam. 2017. URL: https://www.glsconfig.org/uploads/2/1/3/3/21330938/why_the_united_states_went_to_war_in_vietnam.pdf.
21. Zhu Y. Economic reform and human resource management in Vietnam // *Asia Pacific Business Review*. 2002. No. 3 (8). P. 115–135.
22. Valdés Ugalde J.L. Globalization vs. sovereignty: governance, war, or progress, and world order // *Norteamérica*. 2016. С. 07–43. doi:10.20999/nam.2015.b001.
23. Thai T.V. The evolving regional order in East Asia: a view from Vietnam // *Asia Policy*. 2018. No. 2 (13). P. 64–68.

References

1. Curry R.L., Boothroyd P., Nam P.X. Socioeconomic renovation in Viet Nam: The Origin, Evolution, and Impact of Doi Moi. *Pacific Affairs*, 2001, no. 1 (74), pp. 134.
2. Vietnam // JFK Library. URL: <https://www.jfklibrary.org/learn/about-jfk/jfk-in-history/vietnam>).
3. Dollar D. Reform, growth, and poverty in Vietnam. The World Bank, 2002. URL: <https://documents.worldbank.org/en/publication/documents-reports/documentdetail/263091468781159602/reform-growth-and-poverty-in-vietnam>.
4. London J., Morris-Jung J. Politics in contemporary Vietnam: party, state and authority relations. *Contemporary Southeast Asia*, 2014, no. 3 (36), pp. 473–476.

5. Vietnamese Government 2013 Constitution. URL: <https://van-ban.chinhphu.vn/?pageid=27160&docid=171264&classid=1&typegroupid=1>.
6. Painter M. From command economy to hollow state? Decentralisation in Vietnam and China. *Australian Journal of Public Administration*, 2008, no. 1 (67), pp. 79–88.
7. Gueorguiev D.D., Schuler P. J. Collective charisma: elite-mass relations in China and Vietnam. *Problems of Post-Communism*, 2021, no. 3 (68), pp. 190–201.
8. Nguyen T.H.Y. Legal system reform and challenges on assurance of human rights standards in Vietnam. *Journal of Southeast Asian Human Rights*, 2020, no. 2 (4), pp. 427.
9. Huong P.T.L. Reforming law on administrative procedures towards a rule-of-law state in Vietnam. *Gdańskie Studia Azji Wschodniej*, 2019, no. 16, pp. 152–163.
10. London J. Vietnam in 2019. *Asian Survey*, 2020, no. 1 (60), pp. 93–99.
11. Thoa T.T. Building the rule of law state as a guarantor of democracy in modern Vietnam. *Upravlenie / Management (Russia)*, 2022, no. 4 (9), pp. 43–50.
12. Owen C. Participatory authoritarianism: From bureaucratic transformation to civic participation in Russia and China. *Review of International Studies*, 2020, no. 4 (46), pp. 415–434.
13. Thayer C.A. Vietnam and the challenge of political civil society. *Contemporary Southeast Asia*, 2009, no. 1 (31), pp. CS31-1A.
14. Thoa T. T. Legislation on direct democracy in modern Vietnam. *Upravlenie / Management (Russia)*, 2022, no. 3 (10), pp. 105–112.
15. Thoa T.T., Cuong N.D. Pryamaya demokratiya v usloviyakh odnopartiinogo pravleniya v sovremennom V'etname [Direct democracy under one-party rule in modern Vietnam]. *Via in tempore. Istoriya. Politologiya*, 2022, no. 3 (49), pp. 701–710. (In Russ.).
16. Freeman D.B. Doi Moi policy and the small-enterprise boom in Ho Chi Minh City, Vietnam. *Geographical Review*, 1996, no. 2 (86), pp. 178.
17. Tu Thi Thoa, Nguyen Duc Cuong. Open data and democracy in digital government transformation in Vietnam. *Pacific RIM: Economics, Politics, Law = Aziatsko-Tikhookeanskii region: ekonomika, politika, pravo*, 2022, no. 2 (24), pp. 58–72.
18. Thi Thoa T. Problems of ensuring democracy under one-party rule in modern Vietnam. *Territory Development*, 2023, no. 3, pp. 66–73.
19. Nguyen N.A. Understanding the socialist-market economy in Vietnam. *Emerging Science Journal*, 2022, no. 5 (6), pp. 952–966.
20. Stur H. Why the United States went to war in Vietnam. 2017. URL: https://www.glscott.org/uploads/2/1/3/3/21330938/why_the_united_states_went_to_war_in_vietnam.pdf.
21. Zhu Y. Economic reform and human resource management in Vietnam. *Asia Pacific Business Review*. 2002, no. 3 (8), pp. 115–135.
22. Valdés Ugalde J.L. Globalization vs. sovereignty: governance, war, or progress, and world order. *Norteamérica*, 2016, pp. 07–43. doi:10.20999/nam.2015.b001.

23. Thai T.V. The evolving regional order in East Asia: a view from Vietnam. *Asia Policy*, 2018, no. 2 (13) pp. 64–68.

Информация об авторах

Ты Тхи Тхоа – аспирант Государственного университета управления, Москва, Российская Федерация; преподаватель, заместитель декана факультета политической теории и профессиональной педагогики Университета физического воспитания и спорта, Хошимин, Вьетнам, tuthoahvhc@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0002-8579-1846>

Нгуен Дык Кьонг – аспирант Государственного университета управления, Москва, Российская Федерация; преподаватель, заместитель начальника административного отдела, Журнал политических наук, Академия политики региона 2, Хошимин, Вьетнам, ngdcuong.vn@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4404-0288>

Information about the authors

You Thi Thia – Postgraduate student at the State University of Management, Moscow, Russian Federation; Lecturer, Deputy Dean of the Faculty of Political Theory and Professional Pedagogy at the University of Physical Education and Sports, Vietnam, Ho Chi Minh City, tuthoahvhc@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8579-1846>

Nguyen Duc Kyong – Postgraduate student at the State University of Management, Moscow, Russian Federation; Lecturer, Deputy Head of the Administrative Department, Journal of Political Sciences, Academy of Politics Region 2, Vietnam, Ho Chi Minh City, ngdcuong.vn@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4404-0288>

Статья поступила в редакцию / The article received 10.05.2024;
одобрена после рецензирования / revised 15.08.2024;
принята к публикации / accepted 03.09.2024.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, № 3. С. 131–139.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2024. Vol. 26, no. 3. P. 131–139.

ПРАВО / LAW

Научная статья

УДК 349.2:331.105.44(470+571)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2024-3/131-139>

Проблемы правового регулирования деятельности профсоюзных организаций

Виктор Александрович Процевский, Максим Александрович Моисеенко ¹

Севастопольский государственный университет,

Севастополь, Российская Федерация

 maksimkappel140@gmail.com

Аннотация. В соответствии с действующим трудовым законодательством проанализированы проблемы положения профсоюзных организаций. Исследованы нормы трудового законодательства Российской Советской Федеративной Социалистической Республики и Российской Федерации. Уделяется внимание анализу решений судов по делам, связанным с общественными отношениями при участии профсоюзных организаций.

Ключевые слова: профсоюз, Кодекс законов о труде, РСФСР, Российская Федерация, правовая защита, судебные решения

Для цитирования: Процевский В.А., Моисеенко М.А. Проблемы правового регулирования деятельности профсоюзных организаций // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, № 3. С. 131–139.

Original article

Problems of legal regulation of the activities of trade union organisations

Victor A. Protsevsky, Maksim A. Moiseenko

Sevastopol State University,

Sevastopol, Russian Federation

 maksimkappel140@gmail.com

© Процевский В.А., Моисеенко М.А., 2024

Abstract. In accordance with the current labour legislation the problems of the position of trade union organisations are analysed. The norms of labour legislation of the Russian Soviet Federative Socialist Republic and the Russian Federation are studied. Attention is paid to the analysis of court decisions on the cases connected with public relations with the participation of trade union organisations.

Keywords: trade union, Labour Code, RSFSR, Russian Federation, legal protection, court decisions

For citation: Protsevsky V.A., Moiseenko M.A. Problems of legal regulation of the activities of trade union organisations. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*, 2024, vol. 26, no. 3, pp. 131–139. (In Russ.).

Первые профессиональные союзы, в современном понимании, появились в период революции 1905–1907 гг. Точкой отсчёта можно считать 30 апреля 1906 г., когда в Санкт-Петербурге состоялось собрание рабочих.

После революции 1917 г. в России утвердился новый политический строй, который поставил своей целью построение коммунизма. В 1918 г. в РСФСР был принят первый КЗоТ, который регламентировал правоотношения в сфере труда. В КЗоТе 1918 г. вопрос о полномочиях профсоюзов регламентировался не в полном объёме, в связи с наличием Всеобщей трудовой повинности для населения республики и начинающейся Гражданской войной. В статьях 8 и 9 раскрывались полномочия профсоюзов, в частности разработка тарифных положений, которые регламентируют условия труда, и порядок предоставления индивидуальных услуг [1].

Следующий КЗоТ РСФСР 1922 г. существенно расширил полномочия профсоюзов. Статус профсоюзов был закреплён в 15-й главе. Статья 158 регламентировала предмет деятельности профсоюзов: представительство и защита интересов рабочих и служащих, объединяемых в эту общественную организацию, перед администрацией предприятия, учреждения или хозяйства по вопросам установления условий труда и быта работников; представительство перед правительственными и другими общественными организациями; наблюдение за точным исполнением администрацией предприятия, учреждения или хозяйства установленных законом норм по охране труда, социальному страхованию, выплате заработной платы, правил санитарии и техники безопасности и пр., а равно содействие государственным органам охраны труда; мероприятия по улучшению культурного и материального быта рабочих и служащих; содействие нормальному ходу производства в государственных предприятиях и участие через соответствующие профессиональные (производственные) союзы в регулировании и организации народного хозяйства [2].

Последующий КЗоТ РСФСР 1971 г. увеличил полномочия профсоюзов. Деятельность профсоюзов регламентировалась главой 15. Нововведением в сфере их

правового положения прежде всего стала возможность профсоюзов разрешать трудовые споры, что было закреплено в статье 201 [3]. Статья 208 регламентировала процесс рассмотрения споров профсоюзами. Они рассматривали споры по заявлению работников предприятия. Председателем профессионального союза выносилось решение об отмене или оставлении в силе решения Комиссии по трудовым спорам (далее КТС). Стоит отметить право профсоюзов инициировать увольнение руководящих работников обращением в администрацию предприятия, которое регламентировалось статьёй 37.

В целом КЗоТ 1971 г. стал документом, который сделал профессиональные союзы одной сильнейших общественных организаций в Союзе Советских Социалистических Республик (СССР).

Необходимо также выделить Положение о правах профсоюзного комитета предприятия, учреждения, организации. В нём провозглашались основные права и гарантии профсоюзов. В частности, одно из самых главных прав, по нашему мнению, является право на дачу своего согласия на увольнение работника по инициативе работодателя, что закреплено в статье 18 Положения [4].

С развалом СССР в 1991 г. на карте мира появилось 15 новых государств. С того момента РСФСР стала РФ. Профсоюзы потеряли своё ключевое положение в сфере труда. Решающую роль сыграло расширение частной формы собственности.

Стоит обратиться к Конвенции Международной Организации Труда (далее МОТ) № 98 «О применении принципов права на объединение в профсоюзы и на ведение коллективных переговоров». Статья 2 устанавливает, что профсоюзы пользуются надлежащей защитой против любых актов вмешательства со стороны [4]. Однако современные профсоюзы не могут вести самостоятельную деятельность и практически полностью зависят от работодателя. Такое положение является серьёзной проблемой для профсоюзов в Российской Федерации.

В настоящее время правовое положение профсоюзов регламентировано Федеральным законом «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» от 12 января 1996 г. N 10-ФЗ (действующая редакция). Этот закон предоставляет широкий круг прав для профсоюзов. К примеру, право профсоюза участвовать в разработке государственных программ занятости, предлагать меры по социальной защите членов профсоюзов, высвобождаемых в результате реорганизации или ликвидации организации, осуществлять профсоюзный контроль за занятостью и соблюдением законодательства в области занятости [5]. Одно из самых важных прав профсоюзов, на наш взгляд, является защита прав работника в органах по рассмотрению трудовых споров, регламентированная в статье 23 [5].

Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) определяет место общественной организации, к которой относится профсоюз, в системе юридических лиц, устанавливает правовой режим собственности юридического лица, а также регулирует порядок их участия в общественных отношениях [6, с. 112].

Основным нормативно-правовым актом, регламентирующим деятельность профсоюзов, является Трудовой кодекс Российской Федерации (ТК РФ). Глава 58 ТК регламентирует процесс защиты прав работника профсоюзами и контроль за соблюдением трудового законодательства [7]. В частности, защита прав работника профсоюзом ограничивается подачей им мотивированного мнения по конкретным вопросам. Проблема состоит в необязательности учёта этого мнения работодателем.

Осуществляют контроль за соблюдением работодателями трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, профсоюзы через профсоюзных инспекторов. Инспекторы могут осуществлять проверку соответствия условий труда, участвовать в расследовании несчастных случаев и обращаться в соответствующие органы с требованием о привлечении к ответственности лиц, виновных в нарушении трудового законодательства и иных актов, содержащих нормы трудового права, сокрытии фактов несчастных случаев на производстве [7].

Государство также устанавливает гарантии работникам, которые избраны в профсоюзные органы:

1) принятие решения об увольнении такого работника по инициативе работодателя производится с учётом мотивированного мнения выборного органа первичной профсоюзной организации;

2) освобождение от основной работы для выполнения профсоюзных обязанностей в интересах коллектива работников и на время краткосрочной профсоюзной учебы;

3) освобождение от основной работы для участия в качестве делегатов съездов, конференций, созываемых профсоюзами;

4) освобождение от работы для участия в работе выборных органов съездов, конференций, созываемых профсоюзами;

5) освобождение от основной работы для участия в работе выборных коллегиальных органов профессиональных союзов (данная гарантия распространяется только на членов выборного коллегиального органа профсоюзной организации);

6) привлечение к дисциплинарной ответственности, перевод на другую работу допускаются только с предварительного согласия профсоюзного органа первичной профсоюзной организации (данная гарантия распространяется только на уполномоченных профсоюза по охране труда и представителей профсоюза в созданных в организации комитетах (комиссиях) по охране труда).

Условия освобождения от работы, порядок оплаты времени выполнения профсоюзных обязанностей и времени учебы, порядок оплаты времени участия в вышеуказанных мероприятиях определяются коллективным договором, соглашением. Однако государство не предоставило важные, на наш взгляд, гарантии для защиты прав работника. А именно: увольнение работника по инициативе работодателя происходит без предварительного согласия профессионального союза.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о проблемах в регулировании правового положения профсоюзов в Российской Федерации. Отсутствие таких полномочий приводит к нарушениям прав работников.

Согласно ч. 2 ст. 82 действующего ТК РФ, в случае увольнения работника, являющегося членом профсоюза, по инициативе работодателя мнение профсоюзной организации не играет никакой роли в принятии решения работодателем.

Проанализируем решения судов данной категории споров. Рассмотрим первый случай [8].

11 сентября 2023 г. состоялось судебное заседание в Железнодорожном районном суде г. Красноярск в рамках защиты законных прав и интересов работника. Суть дела состояла в незаконном сокращении из штатного расписания должности сторожа без учета мотивировочного мнения профсоюза.

Работодатель уведомил первичную профсоюзную организацию уже после решения о сокращения штатов, хотя согласно локальному коллективному договору он был обязан согласовывать увольнение. Несмотря на тот факт, что мотивированное мнение профкома было им предварительно получено.

Суд постановил восстановить работников в прежней должности и компенсировать им невыплаченную заработную плату. Аргументация инстанции состояла в том, что мотивированное мнение первичной профсоюзной организации на увольнение было получено работодателем в недельный срок со дня получения проектов приказов на увольнение, в то время как приказ об увольнение был издан позднее одного месяца со дня получения мотивированного мнения выборного органа первичной профсоюзной организации в нарушение ч. 5 ст. 373 ТК РФ. При этом работники в указанный период не находились ни в отпуске, ни на больничном.

В п. 26 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» указано, что увольнение работника считается незаконным и последний подлежит восстановлению на работе при несоблюдении работодателем требований закона о предварительном (до издания приказа) получении согласия соответствующего вышестоящего выборного профсоюзного органа на расторжение трудового договора либо об обращении в выборный орган соответствующей первичной профсоюзной организации за получением мотивированного мнения профсоюзного органа о возможном расторжении трудового договора с работником [9].

Рассмотрим еще одно судебное разбирательство. Жительница Санкт-Петербурга Е. работала на заводе начальником бюро отдела технического контроля и была одновременно председателем профкома заводской профсоюзной организации. В 2019 г. она была уволена в связи с сокращением штатов, но вышестоящая профсоюзная организация не дала работодателю согласие на ее увольнение. Работодатель издал приказ об увольнении и обратился в суд с заявлением о признании необоснован-

ными решений профсоюза. Судебный орган с ним согласился, а также отклонил иск Е. о восстановлении её на работе. Заявительница указала, что норма ТК РФ незаконна, поскольку позволяет в этом случае уволить руководителя выборного коллегиального органа первичной профсоюзной организации.

Конституционный Суд Российской Федерации подчеркнул, что ущемление свободы объединения профсоюзов недопустимо. И лица, осуществляющие профсоюзную деятельность, должны быть защищены от любых дискриминационных действий в области трудовых отношений.

Именно в суде представляются доказательства того, что отказ профсоюза в согласии на увольнение работника связан с преследованием его со стороны работодателя по причине его профсоюзной деятельности, то есть фактически увольнение носит дискриминационный характер. Поэтому увольнение руководителя выборного коллегиального органа первичной профсоюзной организации по сокращению штата допускается только после вступления в силу решения суда по иску работодателя о признании решения вышестоящего профсоюза необоснованным.

Вместе с тем, если единственным основанием признания увольнения работника незаконным является лишь нарушение его процедуры, а решение профсоюза впоследствии признано необоснованным, то суд вправе ограничиться изменением даты увольнения и взысканием в пользу работника среднего заработка за этот период. Норма должна применяться с учетом разъяснения Конституционного Суда Российской Федерации. Решения по делу Е. подлежат пересмотру [10].

На основании вышеизложенного можно выделить ещё одну проблему в правовом регулировании положения профсоюзов, а именно - отсутствие независимости профсоюзов от своего работодателя. Работодатели активно используют свое положение в спорах с работниками и в случаях принятия решения профсоюзами, потому что все члены и председатель являются сотрудниками предприятий. Можно допустить, что при принятии решения, которое не устраивает работодателя, они могут потерять свое рабочее место или ухудшить положение на предприятии.

В настоящее время набирает популярность Федерация независимых профсоюзов России (далее ФНПР). В 2023 г. в ней состояло около 20 миллионов человек, она объединяла 122 членские организации. Данные показывают, что работники стали все больше отдавать предпочтение именно организации, которая никак не связана с их работодателем и может объективно рассматривать трудовые споры, в полной мере защищая права работника. Важность деятельности профсоюзов отметил Президент Российской Федерации В.В. Путин в своей речи на 12 съезде ФНПР, указав, что именно они обеспечивают баланс интересов работников, бизнеса и государства [11].

Существует ответственность работодателя за нарушение прав профсоюзов. Так, административная ответственность работодателя закреплена в статье 5.27. КоАП РФ и влечет предупреждение или наложение административного штрафа на виновных

должностных лиц в размере от 1000 до 5000 рублей; на лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, – от 1000 до 5000 рублей; на юридических лиц – от 30 000 до 50 000 тысяч рублей [12].

Полагаем, существующая редакция статьи 82 ТК РФ «Обязательное участие выборного органа первичной профсоюзной организации в рассмотрении вопросов, связанных с расторжением трудового договора по инициативе работодателя» не в полной мере защищает права работника, предлагаем изложить часть 2 этой статьи в следующей редакции: «Обязательное участие выборного органа первичной профсоюзной организации в рассмотрении вопросов, связанных с расторжением трудового договора по инициативе работодателя»:

«Увольнение работников, являющихся членами профсоюза, по основаниям, предусмотренным пунктами 2, 3 или 5 части первой статьи 81 настоящего Кодекса производится только после получения работодателем предварительного согласия выборного органа первичной профсоюзной организации».

Список источников

1. Кодекс законов о труде РСФСР от 10 декабря 1918. URL: https://www.hist.msu.ru/Labour/Law/kodex_18.htm.
2. Кодекс законов о труде РСФСР 1922 года. URL: https://www.hist.msu.ru/Labour/Law/kodex_22.htm.
3. Кодекс законов о труде РСФСР 1971 года. URL: <https://base.garant.ru/3961942/>.
4. Положение о правах профсоюзного комитета предприятия, учреждения, организации. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901817447>.
5. О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности: Федеральный закон от 12.01.1996 № 10-ФЗ (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8840/.
6. Александрова Ю.А. Правовое положение профсоюзов в современной России // Проблемы и перспективы развития России: Молодежный взгляд в будущее: сб. науч. ст. 5-й Всерос. науч. конф. В 4-х т., Курск, 20–21 октября 2022 года / отв. ред. А.А. Горохов. Т. 2. Курск: Юго-Западный гос. ун-т, 2022. С. 111–116.
7. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ. URL: – https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/.
8. Решение № 2-2962/2023 2-2962/2023~М-1962/2023 М-1962/2023 от 11 сентября 2023 г. по делу № 2-2962/2023. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/z8aNqW6peOO/>.
9. О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17.03.2004 № 2. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_47257/.
10. Признана не противоречащей Конституции норма Трудового кодекса о праве работодателя уволить руководителей выборных коллегиальных органов первичных

профсоюзных организаций без учета решения вышестоящего выборного профсоюзного органа. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/proc_72/activity/legaleducation/explain?item=62684185.

11. Президент России выступил на XII съезде ФНПР. URL: <https://fnpr.ru/events/novosti-fnpr/prezident-rossii-vystupit-na-xii-sezde-fnpr.html>.

12. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/.

References

1. Labor Code of the RSFSR of December 10, 1918. URL: https://www.hist.msu.ru/Labour/Law/kodex_18.htm. (In Russ.).

2. Labor Code of the RSFSR of 1922. URL: https://www.hist.msu.ru/Labour/Law/kodex_22.htm. (In Russ.).

3. Labor Code of the RSFSR of 1971. URL: <https://base.garant.ru/3961942/>. (In Russ.).

4. Regulation on the Rights of the Trade Union Committee of an Enterprise, Institution, Organization. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901817447>. (In Russ.).

5. On Trade Unions, Their Rights and Guarantees of Activity: Federal Law of January 12, 1996 No. 10-FZ (latest revision). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8840/. (In Russ.).

6. Aleksandrova Yu.A. Pravovoe polozhenie profsoyuzov v sovremennoi Rossii [Legal status of trade unions in modern Russia]. In: *Problemy i perspektivy razvitiya Rossii: Mo-lodezhnyi vzglyad v budushchee: sbornik nauchnykh statei 5-i Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii. V 4-kh t., Kursk, 20–21 oktyabrya 2022 goda* [Problems and prospects for the development of Russia: A youth look into the future: a collection of scientific articles of the 5th All-Russian scientific conference. In 4 vol., Kursk, October 20–21, 2022]. Vol. 2. Kursk: South-West State University Publ., 2022, pp. 111–116. (In Russ.).

7. Labor Code of the Russian Federation of December 30, 2001 No. 197-FZ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/. (In Russ.).

8. Decision No. 2-2962/2023 2-2962/2023~M-1962/2023 M-1962/2023 of September 11, 2023 in case No. 2-2962/2023. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/z8aNqW6peOO/>. (In Russ.).

9. On the application of the Labor Code of the Russian Federation by the courts of the Russian Federation: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of March 17, 2004 No. 2. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_47257/. (In Russ.).

10. The Labor Code provision on the employer's right to dismiss heads of elected collegial bodies of primary trade union organizations without taking into account the decision of a higher elected trade union body was recognized as not contradicting the Constitution.

URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/proc_72/activity/legaleducation/explain?item=62684185. (In Russ.).

11. The President of Russia spoke at the XII Congress of the FNPR.
URL: <https://fnpr.ru/events/novosti-fnpr/prezident-rossii-vystupit-na-xii-sezde-fnpr.html>.
(In Russ.).

12. The Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of 30.12.2001
No. 195-FZ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/
(In Russ.).

Информация об авторах

В.А. Процевский – профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры
«Трудовое право, судебная и прокурорская деятельность» Юридического института
Севастопольского государственного университета, Севастополь, Российская Феде-
рация, VAProtsevskiy@sevsu.ru

М.А. Моисеенко – студент Юридического института Севастопольского государ-
ственного университета, Севастополь, Российская Федерация,
maksimkappel140@gmail.com.

Information about the authors

V.A. Protsevsky – Professor, Doctor of Law, Professor of the Department of Labour
Law, Judicial and Prosecutorial Activity of the Law Institute of Sevastopol State Univer-
sity, Sevastopol, Russian Federation, VAProtsevskiy@sevsu.ru

M.A. Moiseenko, student of the Law Institute of Sevastopol State University, Sevas-
topol, Russian Federation, maksimkappel140@gmail.com

Статья поступила в редакцию / The article received 24.04.2024;
одобрена после рецензирования / revised 13.08.2024;
принята к публикации / accepted 03.09.2024.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, № 3. С. 140–157.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2024. Vol. 26, no. 3. P. 140–157.

Научная статья

УДК 35.082-047.645(470+571)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2024-3/140-157>

К вопросу о видах ограничений для публичных служащих Российской Федерации

Ольга Владимировна Хабибулина

Дальневосточный федеральный университет,

Владивосток, Российская Федерация

 khabibulina.ov@dvfu.ru

Аннотация. В статье предпринята попытка классификации ограничений, предусмотренных для публичных служащих Российской Федерации. Анализируются ограничения на федеральной государственной гражданской службе, на военной службе, на государственной службе иных видов, на муниципальной службе. Действующее законодательство устанавливает разветвленную систему ограничений для публичных служащих; автором статьи предлагаются разнообразные критерии для подразделения ограничений на различные группы. Исследование ограничений для публичных служащих в контексте их видового разнообразия позволяет определить свойства ограничений, их закономерные связи с особенностями отдельных видов публичной службы, а также показывает их важное место в структуре правового статуса публичных служащих наряду с такими основополагающими элементами его структуры, как права и обязанности. Отмечается, что классификация ограничений содействует выработке системного подхода к исследованию императивных начал на публичной службе. Делается вывод о преимущественно административной (публично-правовой) природе как ограничений, так и правового статуса публичных служащих в целом, о сущностном единстве этого статуса вне зависимости от видов публичной службы.

Ключевые слова: ограничения, государственная гражданская служба, военная служба, государственная служба иных видов, муниципальная служба, публичный служащий

Для цитирования: Хабибулина О.В. К вопросу о видах ограничений для публичных служащих Российской Федерации // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, № 3. С. 140–157.

Original article

On the types of restrictions for public servants in the Russian Federation

Olga V. Khabibulina

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation

✉ khabibulina.ov@dvfu.ru

Abstract. The paper attempts to classify the restrictions stipulated for the public servants in the Russia Federation. The restrictions on the federal civil service, on military service, on other types of civil, on municipal service are analyzed. While the present legislation provides a ramified system of restrictions for public servants, the author offers various criteria to divide these restrictions into several groups. The research of restrictions for public servants in the context of their diversity enables to define the restrictions properties, their regular relationship with the specifics of some kinds of public service and demonstrates their important place in the legal status structure of the public servants together with its basic elements, like rights and duties. It should be noted that the restriction classification will contribute to a system approach for exploring imperative principles of the public service. The paper makes a conclusion about a predominantly administrative (public law) nature of both restrictions and legal status of the public servants in general and about an intrinsic unity of this status independently on the type of a public service.

Keywords: restrictions, state civil service, military service, other types of civil service, municipal service, public servant

For citation: Khabibulina O.V. On the types of restrictions for public servants in the Russian Federation. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*, 2024, vol. 26, no. 3, pp. 140–157. (In Russ.).

Ограничения в профессиональной сфере установлены для лиц, деятельность которых сопряжена с особой ответственностью перед личностью, обществом, государством. Российское служебное законодательство¹ устанавливает разветвленную систему ограничений для публичных (государственных и муниципальных) служащих,

¹В настоящей статье автором сделаны выводы на основе изучения следующих нормативных правовых актов: ФЗ «О прокуратуре РФ» от 17.01.1992 № 2202-1, ФЗ «О федеральной службе безопасности» от 03.04.1995 № 40-ФЗ, ФЗ «О внешней разведке» от 10.01.1996 № 5-ФЗ, ФЗ «О государственной охране» от 27.05.1996 № 57-ФЗ, ФЗ «О службе в таможенных органах РФ» от 21.07.1997 № 114-ФЗ, ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» от 28.03.1998 № 53-ФЗ, ФЗ «О государственной гражданской службе РФ» от 27.07.2004 № 79-ФЗ, ФЗ «О муниципальной службе в РФ» от 02.03.2007 № 25-ФЗ, ФЗ «О Следственном комитете РФ» от

которые согласно ч. 4 ст. 10 ФЗ «О системе государственной службы РФ» от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ (в ред. от 5 декабря 2022 г. № 498-ФЗ) являются неотъемлемым элементом их правового положения (статуса).

Ограничения для публичных служащих и раньше [1; 2; 3; 4], и сейчас [5; 6] привлекают внимание ученых. В большинстве современных исследований авторы в основном анализируют ограничения, установленные для определенного вида публичной службы: муниципальной [7], государственной гражданской [8; 9; 10; 11; 12], военной [13; 14], государственной службы иных видов [15; 16; 17; 18]. Либо акцент делается на характеристике отдельных видов ограничений, например антикоррупционных [19; 20; 21] или репутационных [22; 23].

На наш взгляд, классификация ограничений содействует выработке системного подхода к исследованию императивных начал на публичной службе. Теоретическое осмысление многообразия ограничений (наряду с запретами) для публичных служащих позволяет говорить преимущественно об административной (публично-правовой) природе как ограничений, так и правового статуса публичных служащих в целом, о сущностном единстве этого статуса вне зависимости от видов публичной службы. Исследование ограничений для публичных служащих в контексте их видового разнообразия позволяет определить свойства ограничений, их закономерные связи с особенностями отдельных видов публичной службы, а также показывает их важное место в структуре правового статуса публичных служащих наряду с такими основополагающими элементами его структуры, как права, обязанности, запреты, гарантии.

Ограничения могут быть подразделены на ряд групп с учетом использования конкретных критериев.

Рассмотрение публичной службы как протяженного во времени процесса дает основание выделять его составные элементы – стадии, представляющие собой определенные группы относительно обособленных, но тесно связанных в рамках единого процесса прохождения публичной службы общественных отношений. Стадии отражают временную характеристику процесса прохождения публичной службы, осуществляются в определенной последовательности и являются формами взаимосвязи

28.12.2010 № 403-ФЗ, ФЗ «О службе в органах внутренних дел и внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» от 31.11.2011 № 342-ФЗ, ФЗ «О службе в федеральной противопожарной службе государственной противопожарной службы и внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» от 23.05.2016 № 141-ФЗ, ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе РФ и о внесении изменений в Закон РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» от 19.07.2018 № 197-ФЗ, ФЗ «О службе в органах принудительного исполнения и внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» от 01.10.2019 № 328-ФЗ, Положение о порядке прохождения военной службы, утв. Указом Президента РФ от 16.09.1999 № 1237. Все нормативные правовые акты приводятся в редакции, действующей по состоянию на 25 мая 2023 г.

составляющих его содержание общественных отношений. Выделение стадий прохождения службы позволяет установить последовательность осуществления прав и обязанностей со стороны участников данных общественных отношений, а также конкретизировать их применительно к различным временным этапам. Наличие стадий публичной службы позволяет выделять ограничения: при поступлении на службу, при непосредственном прохождении службы, после прекращения службы.

В некоторых случаях законодатель устанавливает единую систему ограничений для лиц, поступающих на службу, и для публичных служащих – муниципальная служба, служба (военная, гражданская) в следующих структурах: Федеральная служба безопасности РФ (ФСБ); Федеральная служба охраны РФ (ФСО), Служба внешней разведки РФ (СВР); государственная служба иных видов – в прокуратуре, таможенных органах, федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы МЧС России (ФПС).

В других случаях ограничения для лиц, поступающих на службу, и служащих предусмотрены различными статьями нормативных правовых актов: в органах внутренних дел РФ (ОВД), органах уголовно-исполнительной системы РФ (УИС), органах принудительного исполнения РФ (ОПИ). Сравнение этих ограничений показывает следующее.

Во-первых, ограничения и для поступающих, и для сотрудников указанных органов одинаковые, за исключением ограничения, установленного только для поступления на службу в УИС и ОПИ – не дал письменного согласия на обработку своих персональных данных в целях изучения возможности приема его на службу.

Во-вторых, на лиц, поступающих на службу, распространяются ограничения для сотрудников, однако не в полном объеме. Так, отсутствует прекращение в отношении сотрудника уголовного преследования за истечением срока давности, в связи с примирением сторон (кроме уголовных дел частного обвинения), вследствие акта об амнистии, в связи с деятельным раскаянием (далее – по не реабилитирующим основаниям), за исключением случаев, если на момент рассмотрения вопроса о возможности нахождения сотрудника на службе преступность деяния, ранее им совершенного, устранена уголовным законом. При этом для лиц, поступающих на службу, в качестве ограничения установлено схожее: подвергался уголовному преследованию, которое было прекращено в отношении его по не реабилитирующим основаниям. Исключение, однако, составляют уголовные дела частного обвинения, которые должны быть прекращены не менее чем за 3 года до дня поступления на службу.

В-третьих, для поступающих на службу установлены дополнительные ограничения: например, является подозреваемым или обвиняемым по уголовному делу; неоднократно в течение года, предшествовавшего дню поступления на службу, подвергался в судебном порядке административному наказанию за совершенные умышленно административные правонарушения.

Долгое время (с момента принятия и до 28 апреля 2023 г.) на федеральной государственной гражданской службе (далее – гражданская служба) была установлена единая система ограничений для лиц, поступающих на службу и ее проходящих. С 29 апреля 2023 г., согласно ФЗ «О внесении изменений в ФЗ «О государственной гражданской службе РФ» от 29 декабря 2022 г. № 645-ФЗ, ограничения предусмотрены для гражданских служащих статьей 16 ФЗ о гражданской службе, для поступающих на службу – ст. 21. Сравнительный анализ свидетельствует, что на кандидатов распространяются все ограничения служащих, кроме утраты доверия представителя нанимателя и приобретения статуса иностранного агента. Дополнительные ограничения для поступающих не установлены.

Ограничениями на военной службе по призыву, учитывая общее с другими видами службы значение понятия «ограничение», выступают обстоятельства, при наличии которых граждане не подлежат призыву на военную службу: например, отбывающие наказание в виде обязательных работ, исправительных работ, ограничения свободы, ареста или лишения свободы; признанные ограниченно годными к военной службе по состоянию здоровья. Применительно к военной службе по контракту термин «ограничение» не используется, но перечислены обстоятельства, при наличии которых с гражданином контракт о прохождении военной службы не может быть заключен и которые на иных видах публичной службы являются ограничениями (например, вынесен обвинительный приговор и назначено наказание). При этом полностью совпадают для военной службы и по призыву, и по контракту такие ограничения, как наличие неснятой или непогашенной судимости за совершение преступления, ведение дознания либо предварительного следствия или передача уголовного дела в суд.

Что касается ограничений после прекращения службы, то речь идет об ограничении на осуществление деятельности по трудовому или гражданско-правовому договору после увольнения со службы¹, закрепленному ст. 12 ФЗ «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ (в ред. от 6 февраля 2023 г. № 12-ФЗ).

Военной службе по контракту и государственной службе иных видов известен институт «нахождения в распоряжении государственного органа» государственного

¹Так, гражданин, замещавший должность публичной службы, включенную в перечень, установленный нормативными правовыми актами Российской Федерации, в течение двух лет после увольнения с публичной службы имеет право замещать на условиях трудового договора должности в организации и (или) выполнять в данной организации работы (оказывать данной организации услуги) в течение месяца стоимостью более ста тысяч рублей на условиях гражданско-правового договора (гражданско-правовых договоров), если отдельные функции государственного, муниципального (административного) управления данной организацией входили в должностные (служебные) обязанности публичного служащего, с согласия соответствующей комиссии по соблюдению требований к служебному поведению государственных или муниципальных служащих и урегулированию конфликта интересов.

служащего, освобожденного от замещаемой должности, целью которого является решение вопроса об условиях дальнейшего прохождения службы (перевода на иную должность) или о ее прекращении при наступлении определенных обстоятельств. Основания зачисления в распоряжение различны: например, освобождение сотрудника ОВД, ОПИ, ФПС, УИС от замещаемой должности в связи с переводом на иную должность; нахождение военнослужащего в плену, в качестве заложника или интернированного и др. Срок нахождения в распоряжении зависит от основания зачисления в распоряжение. Например, при освобождении сотрудника от замещаемой должности в связи с переводом на иную должность – в течение периода, необходимого для передачи дел по должности, но не более одного месяца; при нахождении военнослужащего в плену, в качестве заложника или интернированного - до его освобождения. При нахождении в распоряжении сохраняется установленное законом правовое положение (статус), соответственно, и все ограничения.

По кругу субъектов, подпадающих под действие ограничений, среди последних можно выделить непосредственные, которые распространяются только на публичных служащих (например, судимость), и опосредованные, охватывающие других лиц. Они встречаются крайне редко. Так, гражданин не может быть принят на дипломатическую службу в качестве сотрудника дипломатической службы, а сотрудник дипломатической службы не может находиться на дипломатической службе в случае отсутствия у его супруги (супруга) гражданства Российской Федерации или наличия у его супруги (супруга) гражданства (подданства) иностранного государства либо вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина на территории иностранного государства (ст. 4 ФЗ «Об особенностях прохождения федеральной государственной гражданской службы в системе МИД РФ» от 27 июля 2010 г. № 205-ФЗ (в ред. от 1 апреля 2022 г. № 83-ФЗ).

По времени действия ограничения разделяются на постоянные, срочные, краткосрочные, разовые. Постоянные ограничения распространяются на публичных служащих во время прохождения публичной службы, их действие никаким другим сроком не определено.

Срочными являются ограничения, имеющие заранее установленный срок действия, по истечении которого обстоятельства перестают быть ограничениями. Так, на гражданской и муниципальной службе такими основаниями может быть признание гражданина не прошедшим военную службу по призыву, не имея на то законных оснований, в соответствии с заключением призывной комиссии (за исключением граждан, прошедших военную службу по контракту) – 10 лет со дня истечения срока, установленного для обжалования указанного заключения в призывную комиссию соответствующего субъекта Российской Федерации, а если указанное заключение и

(или) решение призывной комиссии соответствующего субъекта Российской Федерации на указанное заключение были обжалованы в суд, – 10 лет со дня вступления в законную силу решения суда, которым признано, что права гражданина при вынесении указанного заключения и (или) решения призывной комиссии соответствующего субъекта Российской Федерации по жалобе гражданина на указанное заключение не были нарушены.

К краткосрочным относятся ограничения, действующие в течение непродолжительного периода времени, адресованные, во-первых, лицам, уволившимся с публичной службы (ограничения на осуществление деятельности по трудовому или гражданско-правовому договору после увольнения со службы), во-вторых, лицам, поступающим на публичную службу (неоднократно в течение года, предшествовавшего дню поступления на службу в ОВД, подвергался в судебном порядке административному наказанию за совершенные умышленно административные правонарушения, и др.).

Реформирование органов публичной власти, принцип стабильности государственной службы¹ влияют и на ограничения для служащих. Согласно вступившему в силу с 1 января 2020 г. ФЗ «О службе в органах принудительного исполнения РФ и внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» от 1 октября 2019 г. № 328-ФЗ (в ред. от 5 декабря 2022 г. № 498-ФЗ) в Федеральной службе судебных приставов России (ФССП) предусмотрено прохождение не только гражданской службы, но и государственной службы иных видов, посредством которой реализуются полномочия, свойственные правоохранительным органам, что отразилось и на предельном возрасте поступления на службу в ФССП на должности сотрудников тех лиц, которые ранее проходили в ФССП гражданскую службу. Так, ч. 1 ст. 92 уста-

¹Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22.11.2011 № 25-П «По делу о проверке конституционности положений части 4 статьи 31, пункта 6 части 1 статьи 33 и статьи 37 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки В.Ю. Боровик; Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22.11.2017 № 31-П «По делу о проверке конституционности частей 1, 5, 10 и 15 статьи 33 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и в сфере миграции», статей 17, 19 и 20 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», а также подпункта «б» пункта 4 Указа Президента Российской Федерации «О совершенствовании государственного управления в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и в сфере миграции» в связи с запросом Верховного Суда Республики Дагестан и жалобой гражданина С.Ю. Базаленко»; Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29.03.2016 № 8-П «По делу о проверке конституционности пункта «а» части первой статьи 16¹ Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.В. Чеботарского».

навликает, что предельный возраст поступления на службу в ОПИ в отношении гражданских служащих ФССП и ее территориальных органов – 60 лет; в отношении гражданских служащих, ранее проходивших службу в федеральных органах исполнительной власти на должностях, по которым предусмотрено присвоение специальных званий, предельный возраст поступления в органы принудительного исполнения – 63 года. Это ограничение носит «разовый» характер.

Ограничения по своей сути являются устойчивыми, непрерывными, так как распространяются на публичного служащего с момента назначения на должность и до момента освобождения от нее. Изменение внутри- и внешнеполитической ситуации, принятие в состав России новых субъектов Российской Федерации привело к появлению ограничений, которые будут действовать после истечения определенного периода времени. Согласно ч. 5 ст. 12.1 «О системе государственной службы РФ» в период приостановления государственной службы¹ ограничения, связанные с замещением должности государственной службы, установленные федеральным законом о виде государственной службы, которая приостанавливается, не применяются. Кроме того, предусмотренные законодательством Российской Федерации ограничения, связанные с замещением должностей государственной и муниципальной службы, не действуют на территории Донецкой и Луганской Народных Республик, Запорожской и Херсонской областей в течение переходного периода (со дня принятия в Российской Федерации и образования нового субъекта Российской Федерации и до 1 января 2026 г.)², за некоторыми исключениями³.

¹ В связи с призывом государственного служащего на военную службу по мобилизации или заключением им контракта о прохождении военной службы в период чрезвычайных обстоятельств либо для участия в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности либо пресечению международной террористической деятельности за пределами территории Российской Федерации, либо для участия в походах кораблей, либо заключением им контракта о добровольном содействии в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации.

² Согласно ч. 1 ст. 6 ФКЗ от 04.10.2022 «О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Донецкой Народной Республики» № 5-ФКЗ, «О принятии в Российскую Федерацию Луганской Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Луганской Народной Республики» № 6-ФКЗ, «О принятии в Российскую Федерацию Запорожской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Запорожской области» № 7-ФКЗ, «О принятии в Российскую Федерацию Херсонской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Херсонской области» № 8-ФКЗ.

³ Например, лица, замещавшие должности в органах публичной власти на день принятия в Российской Федерации новых субъектов, имеют преимущественное право на поступление на службу в органы публичной власти присоединившихся субъектов, в органы, создаваемые в соответствии с законодательством Российской Федерации на территории соответствующих субъектов при наличии гражданства Российской Федерации.

Возможность правомерного отступления от ограничения позволяет выделять абсолютные ограничения, которые не могут быть преодолены ни при каких условиях; они однозначны, строго определены, постоянны, неизменны (например, недееспособность, наличие заболевания) и относительные, исключение из которых допустимо при наличии определенных законодательством оснований: ограничением для принятия и прохождения службы в ФСБ является наличие зарегистрированного за пределами Российской Федерации права собственности на имущество, если это не обусловлено решением задач оперативно-служебной деятельности; сотрудником органа внешней разведки Российской Федерации может быть гражданин Российской Федерации, не являющийся иностранным агентом, если иное не обусловлено решением задач разведывательной деятельности. Анализ служебного законодательства показывает, что большинство ограничений относятся к абсолютным, значительная часть оснований отступления от относительных ограничений вызвана задачами оперативно-разыскной служебной деятельности, публичными интересами и объективной необходимостью, персонифицирована.

По такому основанию, как взаимодействие обстоятельств, выступающих ограничениями, с другими явлениями, ограничения делятся на безусловные и дифференцированные. Дифференцированные ограничения – это обстоятельства, которые сами по себе ограничениями не являются, имеют силу ограничения только при наличии какого-либо условия. Так, на всех видах публичной службы (кроме военной) близкое родство или свойство с другим служащим становится ограничением только при непосредственной подчиненности или подконтрольности одного из них другому. Большинство известных служебному законодательству ограничений являются безусловными: например, признание недееспособным или ограниченно дееспособным вступившим в законную силу решением суда; прекращение гражданства Российской Федерации; приобретение статуса иностранного агента.

Учитывая установленную законодательством взаимосвязь различных видов государственной службы, а также государственной и муниципальной службы, которая обеспечивается, в том числе, посредством установления ограничений при прохождении публичной службы, а также степени общности ограничений, считаем возможным классифицировать ограничения на общие, межотраслевые и специальные. Общие ограничения известны всем видам службы (недееспособность и ограниченная дееспособность, наличие заболевания, прекращение гражданства Российской Федерации и др.). Межотраслевые ограничения свойственны нескольким видам публичной службы (лишение решением суда права занимать государственные должности государственной службы в течение определенного срока в прокуратуре, таможенных органах, на контрактной военной службе; неоднократно в течение года, предшеству-

ющего дню поступления на службу, подвергался в судебном порядке административным наказаниям за совершенные умышленно административные правонарушения на службе в ОПИ, ОВД, УИС и др.).

Специальные ограничения зависят от разных факторов:

1) вида государственной службы. Так, ограничением для заключения контракта о прохождении военной службы выступает состояние административной наказанности за потребление наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ, до окончания срока, в течение которого лицо считается подвергнутым административному наказанию;

2) вида государственного органа, в котором лицо проходит службу. Ограничения, установленные для принятия на государственную службу иных видов в СК РФ, распространяются также при поступлении на гражданскую службу в СК РФ. Ограничением для службы (военной и государственной гражданской) в органах ФСБ является отказ от обязательного опроса с использованием технических и иных средств, не наносящих ущерба жизни и здоровью людей и не причиняющих вреда окружающей среде; членство в политических партиях и иных общественных объединениях, преследующих политические цели, и (или) участие в их деятельности;

3) вида замещаемой должности. Ограничением для замещения должности председателя, заместителя председателя и аудитора контрольно-счетного органа муниципального образования является близкое родство или свойство с председателем представительного органа муниципального образования, главой муниципального образования, главой местной администрации, руководителями судебных и правоохранительных органов, расположенных на территории соответствующего муниципального образования;

4) специфики действий, выполняемых при исполнении служебных обязанностей. Согласно ч. 2 ст. 22 ФЗ «О полиции» от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (в ред. от 29 декабря 2022 г. № 638-ФЗ) специальные средства применяются сотрудниками полиции с учетом определенных ограничений. Так, не допускается нанесение человеку ударов палкой по голове, шее, ключичной области, животу, половым органам, в область проекции сердца.

В зависимости от критерия предмета (цели) правового регулирования ограничения могут быть разделены: 1) на закрепленные служебным законодательством, 2) на предусмотренные иными нормативными правовыми актами. В первую очередь отметим конституционные по своей природе ограничения, установленные п. «т» ст. 71 Конституции Российской Федерации, согласно которой в ведении РФ находится установление ограничений для замещения должностей государственной и муниципальной служб, в том числе ограничений, связанных с наличием гражданства иностранного государства либо вида на жительство или иного документа, подтвержда-

ющего право на постоянное проживание гражданина РФ на территории иностранного государства, а также ограничений, связанных с открытием и наличием счетов (вкладов), хранением наличных денежных средств и ценностей в иностранных банках, расположенных за пределами территории РФ.

Отдельную группу составляют ограничения, установленные в целях противодействия коррупции ФЗ «О противодействии коррупции в РФ», другими федеральными законами¹. Значимость соблюдения антикоррупционного законодательства подчеркивается Конституционным Судом Российской Федерации: «...соблюдение законодательства о противодействии коррупции, отражающего важнейшие задачи государства в сфере развития государственно-служебной деятельности и предназначенного для повышения качества и эффективности государственного управления, обеспечивает доверие граждан к государственным органам, включая правоохранительные. Вследствие этого надлежащее исполнение, в том числе прокурорскими работниками, обязательств в указанной сфере имеет особую значимость»².

В качестве примера иных ограничений можно привести положения ФЗ «О порядке выезда из РФ и въезда в РФ» от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ (в ред. от 14 апреля 2023 г. № 127-ФЗ), согласно ст. 15 которого право гражданина Российской Федерации на выезд из Российской Федерации может быть временно ограничено в случаях, если он в соответствии с законодательством Российской Федерации призван на военную службу или направлен на альтернативную гражданскую службу, – до окончания срока службы; проходит государственную службу в органах ФСБ – до окончания срока соответствующего контракта и др.

Устойчивость и преемственность исторического опыта дают основание выделять среди ограничений традиционные, давно известные служебному законодательству. Так, в ФЗ «Об основах государственной службы РФ» от 31 июля 1995 г. № 119-ФЗ (утратил силу) упоминались недееспособность и ограниченная дееспособность, заболевание, близкое родство или свойство; и современные, введенные после принятия ФЗ «О системе государственной службы РФ» и специальных служебных законов в связи с определенными внешними (присоединение к международным многосторонним антикоррупционным договорам – утрата доверия представителя нанимателя), и внутренними (реализация мер по повышению престижа и привлекательности военной службы по призыву – признание не прошедшим военную службу по призыву, не имея на то законных оснований), обстоятельствами.

¹ Например, ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» от 03.12.2012 № 230-ФЗ (ред. от 28.12.2022 № 569-ФЗ).

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 06.06.2022 № 24-П «По делу о проверке конституционности подпункта «в» пункта 1 ст. 43 Федерального закона «О прокуратуре РФ».

Отдельную группу составляют новейшие ограничения, обусловленные последними кардинальными изменениями государственной политики во всех сферах жизнедеятельности. Так, ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» от 14 июля 2022 г. № 255-ФЗ (в ред. от 28 декабря 2022 г. № 569-ФЗ) ввел новый правовой статус – «иностранного агента», наличие которого предполагает ограничение определенных прав: физическое лицо, включенное в реестр иностранных агентов, не может быть назначено на должности в органах публичной власти, в том числе замещать должности гражданской и муниципальной службы (ч. 1 ст. 11). Принятие данного Закона повлекло установление нового принципа государственной службы: «защита системы государственной службы и профессиональной служебной деятельности государственных служащих от иностранного влияния, предполагающая в том числе запрет на поступление на государственную службу и пребывание на ней иностранных агентов» (ст. 3 ФЗ «О системе государственной службы РФ»).

ФЗ «О системе государственной службы» в числе общих для всех видов государственной службы условий поступления, прохождения и прекращения службы называет достижение определенного возраста, установленного федеральным законом о виде государственной службы (ч. 1, 4 ст. 12), что подчеркивает значимость многообразных «возрастных» ограничений.

Во-первых, закреплен минимальный возраст поступления на публичную службу, при этом можно выделить несколько подходов: а) точный возраст без исключений – 18 лет на муниципальной, гражданской, военной службе, службе в таможенных органах; б) точный возраст – 18 лет, но с исключениями, например, от 16 лет для лиц, зачисляемых в образовательную организацию высшего образования соответствующего федерального органа исполнительной власти для обучения по очной форме в должности курсанта, слушателя, что является основанием для поступления на службу в ОВД, ФПС, УИС; в) возраст в виде «цифрового значения» не указывается, однако достижение 18 лет вытекает из требования о наличии высшего образования в прокуратуре, СК; г) точный возраст для замещения отдельных должностей, например для прокуроров субъектов Российской Федерации – не моложе 30 лет.

Во-вторых, ограничен максимальный возраст поступления на службу. Так, установлен: а) единый возраст (40 лет – УИС, ФПС, ОПИ, контрактная военная служба для граждан Российской Федерации); б) разный возраст в зависимости от вида должности (в ОВД: 40 лет – для должностей среднего, старшего и высшего начальствующего состава, 35 – для должностей рядового состава и младшего начальствующего состава); в) единый возраст для поступления в образовательную организацию высшего образования соответствующего федерального государственного органа власти для обучения по очной форме (УИС, ОВД – 25 лет; ФПС – 30 лет); г) возрастные ограничения для поступления на службу в федеральные государственные органы

власти граждан, ранее проходивших службу в этих же органах или в федеральных органах исполнительной власти на должностях, по которым предусмотрено присвоение специальных (воинских) званий, определяются возрастными ограничениями для пребывания на службе в соответствующих органах (для сотрудника ФПС, имеющего специальное звание полковника внутренней службы – 55 лет).

Отдельное место занимает муниципальная служба, на которой максимальный возраст поступления равен предельному возрасту замещения должности муниципальной службы – 65 лет. Максимальный возраст поступления не ограничен на гражданской службе, службе в прокуратуре, таможенных органах, СК РФ.

В-третьих, предусмотрен предельный возраст пребывания на службе, в большинстве случаев зависящий от разных обстоятельств: а) специального/ воинского звания (в ФПС генерал-лейтенант или генерал-майор внутренней службы – 60 лет, полковник внутренней службы – 55 лет); а) пола (для военнослужащих женского пола предельный возраст пребывания на военной службе устанавливается 45 лет); в) особенностей профессиональной деятельности (в ОВД для сотрудника, имеющего ученую степень доктора наук и замещающего должность в образовательной организации или научной организации соответствующего органа – 65 лет); г) порядка назначения на должность (предельный возраст нахождения на службе прокурорских работников, назначаемых Президентом Российской Федерации или по его представлению – 70 лет); д) государственного органа (для военнослужащих органов ФСБ И СВР, имеющих воинские звания генерала армии, адмирала флота, генерал-полковника, адмирала, предельный возраст пребывания – 60 лет, тогда как в Минобороны Российской Федерации – 65 лет).

Предельный возраст не обусловлен какими-либо факторами на гражданской и муниципальной службе.

Отметим единообразие в отношении максимально предельного возраста (65 лет) на всех видах публичной службы с возможностью его продления руководителем соответствующего органа.

Решение о продолжении службы с достигшим предельного возраста лицом зависит от разных обстоятельств: вида воинского звания на военной службе (для генерал-полковника, адмирала – до 70 лет); замещаемой должности (в прокуратуре – только для Генерального прокурора Российской Федерации, прокуроров субъектов Российской Федерации, прокуроров городов, районов и приравненных к ним прокуроров); положительной последней аттестации и соответствия требованиям к состоянию здоровья для сотрудников УИС, ОПИ, ФПС, ОВД и др. Законодательство о муниципальной и таможенной службе не конкретизирует основания продления срока прохождения службы. Продление срока нахождения на службе лица без его согласия и при наличии у него заболевания не допускается.

Необходимо заметить, что предложенная нами классификация ограничений обладает долей условности. В частности, она не претендует на исчерпывающую полноту перечисления всех возможных видов ограничений и допускает возможность объединения некоторых из указанных разновидностей в рамках своей или другой группы (подгруппы). Вместе с тем данная классификация представляется нам достаточно оптимальной, так как отражает наиболее распространенные группы ограничений, установленных для публичных служащих, и учитывает возможность анализа правового статуса публичных служащих в рамках отраслевого регулирования.

Список источников

1. Гришковец А.А. Правовое регулирование государственной службы // Журнал российского права. 1998. № 7. С. 24–36.
2. Козбаненко В.А. Правовое обеспечение статуса государственных и муниципальных служащих: общее и особенное // Государство и право. 2003. № 1. С. 13–24.
3. Охотский Е.В. Правовой статус государственного служащего РФ // Государство и право. 2003. № 9. С. 17–26.
4. Старилов Ю.Н. Службное право: учебник. М.: Изд-во БЕК, 1996. 698 с.
5. Каюшникова Ю.Е., Омельченко Т.А. Запреты и ограничения на государственной службе: вопросы привлечения к ответственности // Аграрное и земельное право. 2022. № 12 (216). С. 87–90.
6. Садовский Е.А. Понятие запретов и ограничений на государственной службе // NovaUm.Ru. 2016. № 4. С. 87–89.
7. Батаев С.В. Категории муниципальных должностей. Ограничения, связанные с муниципальной службой // Polish Journal of Science. 2020. № 28. С. 35–37.
8. Бояркин Д.В., Бояркин А.Д. К вопросу об отдельных коллизиях при ограничении права граждан, связанных с гражданской службой // Альманах научных трудов. Самара, 2018. С. 51–54.
9. Гришковец А.А. Медицинские ограничения, связанные с государственной гражданской службой: опыт современной России // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 3.1. С. 144–157.
10. Медведева Д.О. Соотношение запретов и ограничений, связанных с государственной гражданской службой // Научный журнал NovaUm.Ru. 2020. № 28. С. 267–268.
11. Уткина В.В., Гаспарян С.А. Ограничения при приеме на государственную гражданскую службу в РФ для молодых женщин (на основе эксперимента) // Мониторинг общественного мнения. 2019. Ноябрь–декабрь 2019. № 6 (154). С. 259–279.

12. Хазов И.О., Бояркин Д.В. Ограничения и запреты на государственной гражданской службе // Наука молодых – будущее России. 2019. Т. 4. С. 235–238.
13. Григорьев И.В. Ограничения конституционных прав и свобод граждан, проходящих военную службу по контракту // Современное право. 2008. № 2. С. 25–27.
14. Роганов С.А., Семенова И.В. Отдельные запреты и ограничения прав военнослужащих, проходящих военную службу по контракту // Военное право. 2021. № 2 (66). С. 187–193.
15. Куянова А.Р. Правовые ограничения и запреты, связанные со службой в органах внутренних дел // Законодательство и практика. 2017. № 2. С. 49–52.
16. Нагорных Р.В. Ограничения и запреты в системе государственной службы в правоохранительных органах // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 447. С. 241–246.
17. Ольшевский А.В., Школа О.В. Законодательные ограничения для службы в органах внутренних дел РФ: виды и классификация // Вестник экономической безопасности. 2022. № 4. С. 143–152.
18. Сергун П.П., Бобров А.М. Оптимизация ограничений при поступлении на государственную службу иных видов как фактор противодействия коррупции // Правовая культура. 2019. № 3 (38). С. 30–37.
19. Воронцов С.А. Об эффективности антикоррупционных запретов и ограничений на государственной гражданской и военной службе // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2019. № 3 (106). С. 87–92.
20. Ковалева А.И., Михайлов О.В. Антикоррупционные требования и ограничения на муниципальной службе // Российская наука и образование сегодня: проблемы и перспективы. 2022. № 2 (44). С. 61–64.
21. Спектор Е.И., Севальнев В.В., Матулис С.Н. Запреты и ограничения в праве и коррупция // Журнал российского права. 2014. № 10. С. 158–167.
22. Колесников А.В. Непогашенная судимость как ограничение на государственную гражданскую и муниципальную службу // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 5 (148). С. 142–148.
23. Онищенко О.Н. Ограничение на государственной гражданской службе РФ, связанное с судимостью // Будущее науки. 2015. Т. 2. С. 18–21.

References

1. Grishkovets A.A. Pravovoe regulirovanie gosudarstvennoi sluzhby [Legal regulation of civil service]. *Zhurnal rossiiskogo prava*, 1998, no. 7, pp. 24–36. (In Russ.).
2. Kozbanenko V.A. Pravovoe obespechenie statusa gosudarstvennykh i munitsipal'nykh sluzhashchikh: obshchee i osobennoe [Legal support for the status of state and

municipal employees: general and special]. *Gosudarstvo i pravo*, 2003, no. 1, pp. 13–24. (In Russ.).

3. Okhotsky E.V. Pravovoi status gosudarstvennogo sluzhashchego RF [Legal status of a civil servant of the Russian Federation]. *Gosudarstvo i pravo*, 2003, no. 9, pp. 17–26. (In Russ.).

4. Starilov Yu.N. Sluzhebnoe pravo: uchebnik [Service law: textbook] Moscow: BEK Publishing House, 1996. 698 p. (In Russ.).

5. Kayushnikova Yu.E., Omelchenko T.A. Zaprety i ogranicheniya na gosudarstvennoi sluzhbe: voprosy privlecheniya k otvetstvennosti [Prohibitions and restrictions in the civil service: issues of bringing to justice]. *Agrarnoe i zemel'noe pravo*, 2022, no. 12 (216), pp. 87–90. (In Russ.).

6. Sadovsky E.A. Ponyatie zapretov i ogranichenii na gosudarstvennoi sluzhbe [The concept of prohibitions and restrictions in the civil service]. *NovaUm.Ru*, 2016, no. 4, pp. 87–89. (In Russ.).

7. Bataev S.V. Kategorii munitsipal'nykh dolzhnostei. Ogranicheniya, svyazannye s munitsipal'noi sluzhboi [Categories of municipal positions. Restrictions associated with municipal service]. *Polish Journal of Science*, 2020, no. 28, pp. 35–37. (In Russ.).

8. Boyarkin D.V., Boyarkin A.D. K voprosu ob otdel'nykh kolliziyakh pri ogranichenii prava grazhdan, svyazannykh s grazhdanskoi sluzhboi [On the issue of individual collisions in limiting the rights of citizens associated with civil service]. In: *Al'manakh nauchnykh trudov*. Samara, 2018. P. 51–54. (In Russ.).

9. Grishkovets A.A. Meditsinskie ogranicheniya, svyazannye s gosudarstvennoi grazhdanskoi sluzhboi: opyt sovremennoi Rossii [Medical restrictions associated with the state civil service: the experience of modern Russia]. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'*, 2021, no. 3.1 pp. 144–157. (In Russ.).

10. Medvedeva D.O. Sootnoshenie zapretov i ogranichenii, svyazannykh s gosudarstvennoi grazhdanskoi sluzhboi [The ratio of prohibitions and restrictions related to the state civil service]. *NovaUm.Ru*, 2020, no. 28, pp. 267–268. (In Russ.).

11. Utkina V.V., Gasparyan S.A. Ogranicheniya pri prieme na gosudarstvennyuyu grazhdanskuyu sluzhbu v RF dlya molodykh zhenshchin (na osnove eksperimenta) [Restrictions on admission to the state civil service in the Russian Federation for young women (based on the experiment)]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya*, 2019, November–December, no. 6 (154), pp. 259–279. (In Russ.).

12. Khazov I.O., Boyarkin D.V. Ogranicheniya i zaprety na gosudarstvennoi grazhdanskoi sluzhbe [Restrictions and prohibitions in the state civil service]. *Nauka molodykh – budushchee Rossii*, 2019, vol. 4, pp. 235–238. (In Russ.).

13. Grigoriev I.V. Ogranicheniya konstitutsionnykh prav i svobod grazhdan, prokhodyashchikh voennuyu sluzhbu po kontraktu [Restrictions on the constitutional rights

and freedoms of citizens serving under contract]. *Sovremennoe pravo*, 2008, no. 2, pp. 25–27. (In Russ.).

14. Roganov S.A., Semenova I.V. Otdel'nye zaprety i ogranicheniya prav voennosluzhashchikh, prokhodyashchikh voennuyu sluzhbu po kontraktu [Certain prohibitions and restrictions on the rights of military personnel serving under contract]. *Voennoe pravo*, 2021, no. 2 (66), pp. 187–193. (In Russ.).

15. Kuyanova A.R. Pravovye ogranicheniya i zaprety, svyazannye so sluzhboi v organakh vnutrennikh del [Legal restrictions and prohibitions related to service in the internal affairs bodies]. *Zakonodatel'stvo i praktika*, 2017, no. 2, pp. 49–52. (In Russ.).

16. Nagornykh R.V. Ogranicheniya i zaprety v sisteme gosudarstvennoi sluzhby v pravookhranitel'nykh organakh [Restrictions and prohibitions in the system of civil service in law enforcement agencies]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, no. 447, pp. 241–246. (In Russ.).

17. Olshevsky A.V., Shkola O.V. Zakonodatel'nye ogranicheniya dlya sluzhby v organakh vnutrennikh del RF: vidy i klassifikatsiya [Legislative restrictions for service in the internal affairs bodies of the Russian Federation: types and classification]. *Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti*, 2022, no. 4, pp. 143–152. (In Russ.).

18. Sergun P.P., Bobrov A.M. Optimizatsiya ogranichenii pri postuplenii na gosudarstvennuyu sluzhbu inykh vidov kak faktor protivodeistviya korruptsii [Optimization of restrictions on admission to other types of civil service as a factor in combating corruption]. *Pravovaya kul'tura*, 2019, no. 3 (38), pp. 30–37. (In Russ.).

19. Vorontsov S.A. Ob effektivnosti antikorrupcionnykh zapretov i ogranichenii na gosudarstvennoi grazhdanskoi i voennoi sluzhbe [On the effectiveness of anti-corruption prohibitions and restrictions in the state civil and military service]. *Nauka i obrazovanie: khozyaistvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie*, 2019, no. 3 (106), pp. 87–92. (In Russ.).

20. Kovaleva A.I., Mikhailov O.V. Antikorrupcionnye trebovaniya i ogranicheniya na munitsipal'noi sluzhbe [Anti-corruption requirements and restrictions in municipal service]. *Rossiiskaya nauka i obrazovanie segodnya: problemy i perspektivy*, 2022, no. 2 (44), pp. 61–64. (In Russ.).

21. Spektor E.I., Sevalnev V.V., Matulis S.N. Zaprety i ogranicheniya v prave i korruptsiya [Prohibitions and restrictions in law and corruption]. *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2014, no. 10, pp. 158–167. (In Russ.).

22. Kolesnikov A.V. Nepogashennaya sudimost' kak ogranichenie na gosudarstvennuyu grazhdanskuyu i munitsipal'nuyu sluzhbu [Outstanding criminal record as a restriction on state civil and municipal service]. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii*, 2022, no. 5 (148), pp. 142–148. (In Russ.).

23. Onishchenko O.N. Ogranichenie na gosudarstvennoi grazhdanskoi sluzhbe RF, svyazannoe s sudimost'yu [Restriction on the state civil service of the Russian Federation associated with a criminal record]. *Budushchee nauki*, 2015, vol. 2, pp. 18–21. (In Russ.).

Информация об авторах

О.В. Хабибулина – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права Юридической школы Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Российская Федерация, khabibulina.ov@dvfu.ru.

Information about the authors

O.V. Khabibulina – Candidate of Law, Associate Professor, Department of Constitutional and Administrative Law, School of Law, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation, khabibulina.ov@dvfu.ru.

Статья поступила в редакцию / The article received 20.07.2024;
одобрена после рецензирования / revised 13.08.2024;
принята к публикации / accepted 03.09.2024.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, № 3. С. 158–168.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2024. Vol. 26, no. 3. P. 158–168.

Научная статья

УДК 343.982.352:004(470+571)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2024-3/158-168>

К вопросу применения цифровой криминалистики в современных условиях

Данила Дмитриевич Архипов¹, Юлия Юрьевна Гарцева²✉,
Виктор Юрьевич Миллер²

¹Управление МВД России по Нижнему Новгороду,
Нижний Новгород, Российская Федерация

²Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Российская Федерация
✉ yulya.gartseva@bk.ru

Аннотация. Цифровая криминалистика является одним из основных направлений криминалистики в XXI в., так как большинство преступлений совершается с помощью информационно-коммуникационной сети Интернет. В новом направлении криминалистики разрабатываются уникальные методы получения доказательств. Однако сегодня существуют и негативные моменты применения цифровой криминалистики, и связаны они могут быть с нехваткой специалистов и экспертов в данной области знаний.

Ключевые слова: цифровая криминалистика, специалисты, эксперты, криминалист, законодательство, цифровые права

Для цитирования: Архипов Д.Д., Гарцева Ю.Ю., Миллер В.Ю. К вопросу применения цифровой криминалистики в современных условиях // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, № 3. С. 158–168.

Original article

On the issue of application of digital forensics in modern conditions

Danila D. Arkhipov¹, Yulia Yu. Gartseva²✉, Viktor Yu. Miller²

¹Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the city of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russian Federation

²Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Nizhny Novgorod, Russian Federation

✉ yulya.gartseva@bk.ru

© Архипов Д.Д., Гарцева Ю.Ю., Миллер В.Ю., 2024

Abstract. Digital criminology is one of the main areas of criminology in the era of the twenty-first century, since most crimes are committed using the Internet information and communication network. Unique methods of obtaining evidence are being developed in a new area of criminology. However, today there are also negative aspects of the use of digital forensics, and they may be related to the lack of specialists and experts in this field of knowledge.

Keywords: digital forensics, specialists, experts, criminologist, legislation, digital rights

For citation: Arkhipov D.D., Gartseva Yu.Yu., Miller V.Yu. On the issue of application of digital forensics in modern conditions. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*, 2024, vol. 26, no. 3, pp. 158–168. (In Russ.).

С приходом в нашу жизнь цифровых технологий, кроме положительных моментов в виде камер видеонаблюдения, электронных почтовых ящиков, электронных денежных средств, появились и новые нарушения прав человека, которые входят в состав преступлений и используются посредством цифровых технологий. Такие преступления могут быть квалифицированы в рамках статей: 146, 159–1596, 193¹, 228¹, 272–274¹ Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ). Данный перечень статей имеет особую сложность с точки зрения квалификации и криминалистического изучения места преступления. Изучение цифровых следов является одним из новейших направлений правоприменителя: институты, предусмотренные статьями 138¹ и 159⁶ УК РФ, всегда представляли интерес в деятельности силовых структур [1, с. 7–11], поскольку деятельность правоохранительных органов при выявлении и раскрытии преступлений нередко связана с применением технических средств, предназначенных для негласного получения информации. Значимость данных институтов значительно возросла с изменением общественно-политической обстановки в России. Стоит обратить внимание и на то, что экономические и политические кризисы в обществе всегда сопровождаются вооруженными конфликтами по социальным, этническим, национальным и религиозным мотивам.

Реформирование силовых структур, то есть повышение уровня их технической оснащенности, усиление их социальной защищенности, совершенствование профессиональной подготовки в области обеспечения государственной и общественной безопасности становится главным направлением политики Российской Федерации [2, с. 505–509].

Статистика говорит нам о стабильном приросте преступности с 2010 по 2015 г. По нашему мнению, это связано с реформированием системы МВД, так как в 2011 г. была проведена масштабная реформа перехода от милиции к полиции, и только в

2016 г. эта реформа была полностью реализована. Данный вывод сделан на основании графика, где показано, что именно в 2016 г. начался резкий спад преступности (рис. 1).

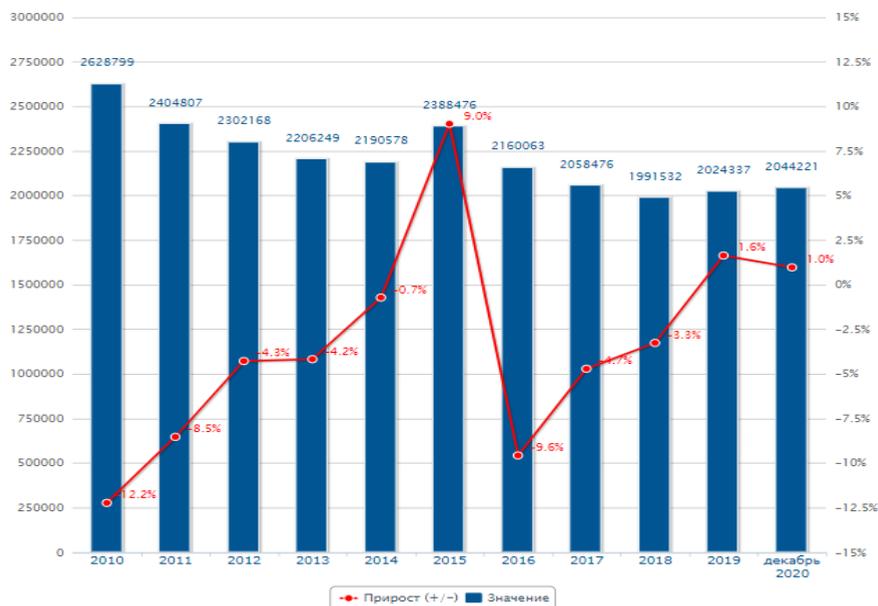

Рис. 1. Статистические данные за 10 лет [3]

Наблюдается также прирост преступности к декабрю 2020 г. На наш взгляд, это обусловлено, во-первых, эпидемиологической обстановкой распространения инфекции COVID-19, во-вторых, нехваткой кадровых ресурсов и, в-третьих, недостаточным уровнем подготовки из-за распространения инфекции COVID-19 [4, с. 108–114].

Создавшиеся условия открыли возможность для распространения цифровых преступлений. Вот почему мы считаем необходимым подробно исследовать такой узкий аспект теории и практики, как цифровая криминалистика.

Цифровая криминалистика приобретает особую актуальность в связи с внесением в 2019 г. изменений в положения Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ), а именно в статью 128, в которой появился новый термин «цифровые права», а также дополнением ГК РФ статьей 141.1 – цифровые права. Объектом цифровых прав может выступать цифровое имущество, не относящееся к материальным благам, то есть физически этой вещи не существуют, но за данные предметы цифрового мира платятся настоящие денежные средства. Примером таких прав является инвентарь в играх: игроки приобретают на цифровых платформах для своих персонажей предметы декора и т.д. Также цифровые права могут предусматривать цифровые активы, такие как токены, либо иные денежные средства в виде криптовалюты. Так, в мае 2018 г. постановлением Девятого арбитражного апелляционного суда по

делу №09АП-16416/18 криптовалюта впервые была признана на территории Российской Федерации в качестве имущества. В связи с изложенным стоит отметить, что введение в нормы ГК РФ понятия цифровых прав открыло возможности для совершения преступлений в сети Интернет.

С учетом приведенных нами изменений в законодательстве можно выделить следующие задачи цифровой криминалистики: интернет-розыск следов преступления; изучение историй использования браузеров; изъятие из телефона (иных технических устройств) истории использования данного технического устройства; отслеживание IP-адреса за определенный промежуток времени; изъятие с устройства удаленных переписок.

Есть гипотеза, что при совершении преступлений, связанных с кибернетикой, преступники оставляют цифровые следы: гражданство лица; расовую принадлежность; рост, вес, изображение лица; половую принадлежность; сексуальные предпочтения (если преступления связаны с составами, предусмотренными ст. 131–135 УК РФ); психологическое состояние лица; политическую и идеологическую принадлежность; финансовое положение лица.

В цифровой криминалистике выделяют два основных вида отпечатков:

- активные цифровые отпечатки: под данным термином понимают фактические следы преступления, то есть видеозапись, изображение, голос;
- пассивные цифровые отпечатки: под ним необходимо понимать те обстоятельства и доводы, которые косвенно относятся к данному лицу, то есть его увлечение, хобби, повседневная жизнедеятельность, мысли, изложенные в просторах сети Интернет, изучение им определенных вопросов в сети, взгляды и т. д. [5, с. 61–69].

На сегодняшний день принято выделять семь основных этапов цифровой криминалистики.

1. Идентификация – процесс выявления событий преступления в цифровых сетях (Интернет) и технических средствах.

2. Сохранение – деятельность, направленная на изъятие следов преступления из цифровых носителей уполномоченным лицом, имеющим определенные навыки и знания в данной области.

3. Сбор – процедура отбора прямых доказательств из сохраненных материалов, а также изучение косвенных следов преступления.

4. Исследование – процесс по изучению собранных данных и процедура извлечения скрытых данных в диалогах в социальных сетях и иных мессенджерах, пропуск информации через специализированные программы для подтверждения обвинения и доказательств по материалам дела.

5. Анализ – деятельность криминалиста по процессу ручной фильтрации и изучению полученных фактов и доказательств, то есть поиск мотивов пользования той

или иной программой, сайтом или социальной сетью, а также время использования и его продолжительность.

6. Представление – процедура отражения полученных цифровых улик, следов преступления в документации, то есть подготовка протокола с фототаблицей и разъяснение данных доводов.

7. Решение – деятельность криминалиста, связанная с подготовкой отчета и передачи следователю.

Также следует отметить, что институты, предусмотренные статьями 138¹ и 159⁶ УК РФ, играют важную роль в деятельности правоохранительных органов. Результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что вопрос неточности законодательной формулы является достаточно актуальной проблемой в уголовном праве при идентификации следов преступления.

Рис. 2. Следы преступных действий

На рис. 2 представлена таблица с видами следов, которые полиция может использовать в качестве доказательства. Но возникают сложности в поиске таких следов, поэтому мы предлагаем внедрять систему искусственного интеллекта в деятельность МВД, чтобы облегчить поиск следов преступления и их доказывание [6, с. 27–31].

Доказывание по уголовному делу в России при осуществлении уголовного преследования проводится при помощи тех доказательств, которые предусмотрены Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (УПК РФ). Наиболее значимыми являются «заключение эксперта» и «показания эксперта», они входят в число тех доказательств, которые прямо указаны в уголовно-процессуальном законодательстве. Стоит отметить, что круг доказательств, которые должны быть собраны и могут быть получены по конкретному уголовному делу, не является четко определенным и зафиксированным в каком-либо нормативно-правовом акте. В каждом конкретном случае определение качественного и количественного состава доказательств на стадии досудебного производства по уголовному делу производится лицом, осуществляющим предварительное следствие либо ведущим дознание. В ходе судебного рассмотрения уголовного дела вопрос о том, может ли доказательство быть принято для подтверждения тех или иных обстоятельств, решается судом. Иные участники уголовного судопроизводства вправе инициировать получение доказательства, в том числе путем его предоставления, но придание статуса доказательства осуществляется только следователем, дознавателем либо судом.

Преимущество цифровой криминалистики заключается в первую очередь в том, что цифровые следы возможно выявить даже со сломанного технического устройства. Данный вид криминалистики наиболее эффективный, так как большинство преступлений осуществляется с помощью информационно-коммуникационных средств, интернета, и в данной цифровой среде можно выявить множество цифровых улик и следов.

«Цифровой фасилитатор» способен являться результатом цифровой криминалистики. На сегодняшний день создано программное предоставление, которое реорганизует 2D-фотографии в имитированные 3D-модели личности приблизительно за одну секунду, при этом пользователи программного обеспечения имеют все шансы менять состояние либо представление личности подозреваемого. Полученное изображение может быть проанализировано абсолютно всеми методами определения лиц как на компьютере, так и ином цифровом устройстве. Необходимо подчеркнуть, что развитие подобных алгоритмов дает возможность сотрудникам правоохранительных органов моментально распознавать обвиняемых.

Несмотря на то, что персональный компьютер способствует отбору следов, составляющих основу информации, для формирования схожести имеющейся информации были разработаны нейронные сети, представляющие собой специфический

метод машинного обучения, который отлично подходит для решения задач классификации и прогнозирования. Они являются полезным инструментом для работы с элементами, ориентированными на большие данные, представляющими интерес для правоохранительных органов. Модели нейронных сетей для прогнозирования конкретных видов преступлений с использованием информации о местоположении и времени разработаны для демонстрации применения их в своей деятельности органами внутренних дел. Модели прогнозирования преступности с использованием нейросетей используют геопространственность для предоставления немедленной информации о преступлениях в целях упрощения процесса принятия решений правоохранительными органами. Эти модели способны предсказывать тип совершаемого преступления в 16,4% случаев для 27 различных видов преступлений или в 27,1% случаев, когда аналогичные преступления группируются в семь категорий преступлений. Нейронные сети прогнозирования местоположения способны предсказывать местоположение почтового индекса или соседнего местоположения в 31,2% случаев.

NNS – это методология машинного обучения, которая отлично справляется с задачами классификации и прогнозирования. Поскольку NNS обучаются, они способны решать сколь угодно сложные задачи (Хорник, 1991). Нейронные сети широко применяются для решения проблем в различных областях, включая бизнес (Веллидо и др., 1999), инженерное дело (Bose, 1994), медицину (Вахт, 1991), естественные науки (Sundararaj и др., 1999), а в последнее время – и криминологию (Oatley и др., 2006).

NNS обучаются с помощью одного из двух механизмов - контролируемого обучения, для которого требуются исторические данные с известными результатами, и неконтролируемого обучения, которое извлекает закономерности непосредственно из данных. Оба метода требуют, чтобы NN был обучен. Существуют различные алгоритмы обучения для использования в каждом типе NN, причем обратное распространение наиболее популярно для обучения под наблюдением (Jayalakshmi and Santhakumaran, 2011), а самоорганизующиеся карты (SOM) наиболее приемлемы для обучения без присмотра (Oatley et al., 2006). Известны гибридные методы, сочетающие контролируемое и неконтролируемое обучение, такие как популярная сверхточная NN (CNN).

Все NN имеют входной уровень, который определяет переменные, предоставляемые NN для обучения, и выходной уровень, который определяет желаемое решение для классификации или прогнозирования. Контролируемое обучение и гибридные модели также содержат один или несколько скрытых уровней, каждый из которых полностью связан со следующим уровнем с помощью взвешенного соединения. Обучение происходит в этом типе NN путем определения ошибки тренировочного прогноза на основе фактического значения и распространения этой ошибки в обратном

направлении по сети для изменения весов соединений, чтобы лучше согласовать прогноз с правильным выходным значением. Пример архитектуры контролируемого обучения NN показан на рис. 3.

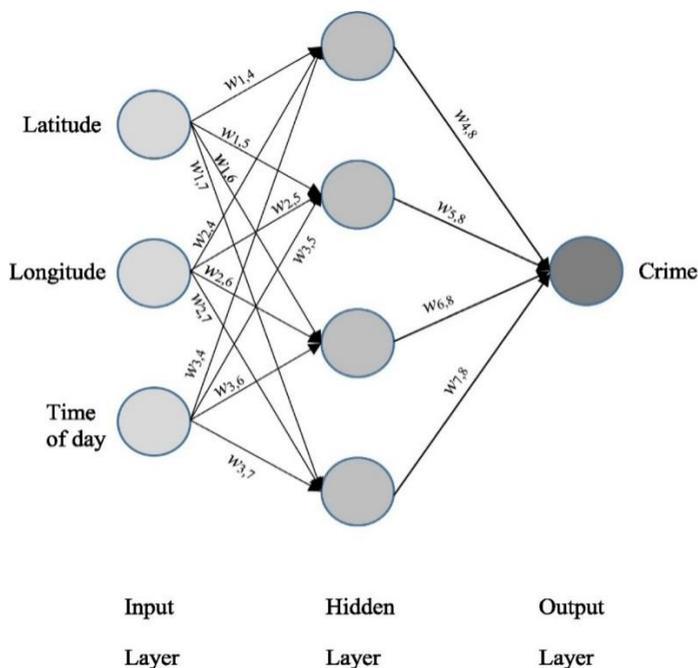

Рис. 3. Образец контролируемого обучения ANN [Многослойный перцептрон (MLP)] для прогнозирования типа преступления по данным о времени и месте

Валидация, или тестирование, моделей NN выполняется с данными, которые никогда не использовались при обучении оцениваемой модели. Это требуется для устранения неявной погрешности модели и имитации предполагаемого использования NN в реальном мире. Обычно доступные данные с известными результатами делятся на обучающий набор и набор для проверки, или тестирования, каждый из которых содержит уникальные примеры. Данные обучения также следует скорректировать, чтобы отразить сбалансированные пропорции прогнозируемых классов с целью помочь NN равномерно изучить все классы и не переучивать более распространенные классы (Weiland Dunbrack Jr, 2013).

С учетом изложенного следует отметить, что цифровые технологии в современном мире необходимы, особенно при выявлении преступлений в цифровой экосистеме, которая развивается и совершенствуется. Соответственно, преступный мир в этой области тоже не стоит на месте. Но чтобы понизить процент преступности в цифровом пространстве, нужно внедрять нейронные сети в системы государственного

управления, а также в оперативно-разыскные мероприятия, так как цифровые технологии помогут не только найти преступника, но и идентифицировать его с точки зрения криминалистики, а также собрать полный пакет доказательств виновности того или иного лица.

Список источников

1. Архипов Д.Д. Проблемы законодательного регулирования криптовалюты // Международный форум молодых ученых: сборник статей Международной научно-практической конференции, Москва, 01–02 декабря 2021 года. М.: Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. С. 7–11.
2. Архипов Д.Д., Мазин О.А., Миллер В.Ю. Фальсификация документов // Административная деятельность органов внутренних дел в современных условиях, Нижний Новгород, 28 апреля 2022 года. Нтжний Новгород: Нижегородская Академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. С. 505–509.
3. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2020 года // МВД.РФ. URL: <https://мвд.рф/reports/item/22678184/>.
4. Архипов Д.Д., Фадеева Я.А. Раскрытие отдельных видов преступлений // Наука и образование в контексте глобальной трансформации: сборник статей V Международной научно-практической конференции. Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука», 2023. С. 108–114.
5. Плясов К.А. Теоретические основы формирования криминалистической характеристики преступлений в сфере внешне экономической деятельности // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2017. № 3 (82). С. 61–69.
6. Плясов К.А. Комплексная методика расследования преступлений в сфере внешнеэкономической деятельности и криминалистическая ситуалогия // Юристь-Правоведь. 2018. № 1 (84). С. 27–33.

References

1. Arkhipov D.D. Problemy zakonodatel'nogo regulirovaniya kriptovalyuty [Problems of legislative regulation of cryptocurrencies]. In: *Mezhdunarodnyi forum molodykh uchenykh: sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Moskva, 01–02 dekabrya 2021 goda* [International Forum of Young Scientists: Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference, Moscow, December 01–02, 2021]. Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2021, pp. 7–11. (In Russ.).
2. Arkhipov D.D., Mazin O.A., Miller V. Yu. Fal'sifikatsiya dokumentov [Falsification of documents]. In: *Administrativnaya deyatel'nost' organov vnutrennikh del v sovremennykh usloviyakh, Nizhnii Novgorod, 28 aprelya 2022 goda* [Administrative activity of internal affairs bodies in modern conditions, Nizhny Novgorod, April 28, 2022]. Nizhny

Novgorod: Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2022, pp. 505–509. (In Russ.).

3. A brief description of the state of crime in the Russian Federation for January December 2020. *Ministry of Internal Affairs. RF*. URL: <https://мвд.рф/reports/item/22678184>. (In Russ.).

4. Arkhipov D.D., Fadeeva Ya.A. Raskrytie ot del'nykh vidov prestuplenii [Disclosure of certain types of crimes]. In: *Nauka i obrazovanie v kontekste global'noi transformatsii: sbornik statei V Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Science and education in the context of global transformation: Collection of articles of the V International scientific and practical conference]. Petrozavodsk: International Center for Scientific Partnership "New Science", 2023, pp. 108–114. (In Russ.).

5. Plyasov K.A. Teoreticheskie osnovy formirovaniya kriminalisticheskoi kharakteristiki prestuplenii v sfere vneshne ekonomicheskoi deyatelnosti [Theoretical foundations of the formation of criminalistic characteristics of crimes in the field of foreign economic activity]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta Ministerstva vnutrennikh del Rossii*, 2017, no. 3 (82), pp. 61–69. (In Russ.).

6. Plyasov K.A. Kompleksnaya metodika rassledovaniya prestuplenii v sfere vneshneekonomicheskoi deyatelnosti i kriminalisticheskaya situologiya [Complex methodology of investigation of crimes in the field of foreign economic activity and criminalistic situationology]. *Yurist"-Pravoved"*, 2018, no. 1 (84), pp. 27–31. (In Russ.).

Информация об авторах

Д.Д. Архипов – полицейский Управления МВД России по Нижнему Новгороду, Нижний Новгород, Российская Федерация, arkhipov_d.d@mail.ru

Ю.Ю. Гарцева – старший преподаватель кафедры конституционного и международного права Нижегородской академии МВД России, кандидат юридических наук, Нижний Новгород, Российская Федерация, yulya.gartseva@bk.ru

В.Ю. Миллер – старший преподаватель кафедры деятельности ОВД в особых условиях Нижегородской академии МВД России, кандидат юридических наук, Нижний Новгород, Российская Федерация, millerviktor@mail.ru.

Information about the authors

D.D. Arkhipov, Police Officer of the Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation, arkhipov_d.d@mail.ru

Y.Y. Gartseva, Senior Lecturer at the Department of Constitutional and International Law of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law, Nizhny Novgorod, Russian Federation, yulya.gartseva@bk.ru

V.Y. Miller, Senior Lecturer at the Department of Internal Affairs in Special Conditions of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia Candidate of Law, Nizhny Novgorod, Russian Federation, millerviktor@mail.ru.

Статья поступила в редакцию / The article received 10.04.2024;
одобрена после рецензирования / revised 13.08.2024;
принята к публикации / accepted 03.09.2024.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, № 3. С. 169–181.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2024. Vol. 26, no. 3. P. 169–181.

Научная статья

УДК 343.23-048.23:343.72(470+571)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2024-3/169-181>

Обман как способ совершения преступления: проблемы теории и практики

Марина Николаевна Шипунова

Кубанский государственный университет, Краснодар, Российская Федерация

✉ marina_shipunova0305@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению значения обмана как способа совершения преступного посягательства. Цель данного исследования – выявление особенностей реализации уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за обманные преступления. В работе использованы методы логического и системного анализа, проведен контент-анализ публикаций и синтез лучших precedентов в правоприменительной практике. Автор выделяет четыре модели определения обмана-способа в уголовном законе. Обосновывается, что обман может выступать отягчающим обстоятельством в составах со специальным субъектом, где механизм преступного посягательства связан с системой отношений, основанных на доверии (ст. 201, 202, 285, 285¹, 285² Уголовного кодекса Российской Федерации и др.). Автором анализируются актуальные проблемы правоприменения, предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: обман, обман как способ совершения преступления, обманные преступления, криминальный обман

Для цитирования: Шипунова М.Н. Обман как способ совершения преступления: проблемы теории и практики // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, № 3. С. 169–181.

Original article

Deception as the way of committing a crime: problems of theory and practice

Marina N. Shipunova

Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

✉ marina_shipunova0305@mail.ru

Abstract. The article is devoted to consideration of the significance of deception as a method of committing a criminal offense. The purpose of this study is to identify the features of the implementation of criminal law provisions providing for liability for fraudulent crimes. The work used the methods of logical and system analysis; a content analysis of publications and synthesized the best precedents in law enforcement practice was carried out. The author identifies four models for determining the method of deception in criminal law. It is substantiated that deception can act as an aggravating circumstance in compositions with a special subject, where the mechanism of a criminal attack is associated with a system of relations based on trust (Articles 201, 202, 285, 285¹, 285² of the Criminal Code of the Russian Federation, etc.). The author analyzes the current problems of law enforcement and suggests ways to solve them.

Keywords: deception, deception as a method of committing a crime, deceptive crimes, criminal deception

For citation: Shipunova M.N. Deception as the way of committing a crime: problems of theory and practice. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*, 2024, vol. 26, no. 3, pp. 169–181. (In Russ.).

Способ совершения преступления относится к числу факультативных признаков состава преступления. В отечественной теории уголовного права высказывались суждения относительно того, что общественно опасное посягательство всегда предполагает определенную, избранную виновным модель поведения, соответственно способ правильно считать признаком обязательным. Подход этот разделяется меньшинством специалистов и опровергается тем, как представляется, верным утверждением, что реальная наличие способа в совершении преступления не подтверждает его криминообразующий характер, поскольку последний вопрос зависит от описания состава преступления в конкретной диспозиции статьи Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ). Или как справедливо замечает по данному поводу С.В. Шиловский: «способ совершения преступления, будучи неотъемлемой частью объективной стороны преступления как явления действительности,

в конструкцию объективной стороны состава преступления включается законодателем факультативно, в случае если обладает существенным уголовно-правовым значением» [1, с. 40].

Р.А. Сабитов отмечает, что законодатель, конструируя тот или иной состав преступления, совершаемого путем обмана, прибегает к определенным приемам обрисовки обмана, позволяющим отграничить его от других преступлений [2, с. 94].

Действительно, с юридико-технической точки зрения обман как способ совершения преступления выражен неединообразно. Проведенное исследование позволяет выделить четыре модели: 1) обман напрямую указывается в редакции нормы (непосредственно в диспозиции либо в отдельных случаях в примечании к статье Особенной части УК РФ); 2) используются конструкции, содержательно соответствующие обманному способу посягательства (внесение / предоставление недостоверных сведений, заведомо ложное сообщение, подделка, фальсификация и т.п.); 3) обманный способ напрямую не указывается в тексте статьи уголовного закона, однако признается на уровне судебного толкования; 4) обманный способ совершения преступления поддержан на уровне доктрины уголовного права и правоприменения.

На данный момент прямое указание на обман наличествует в описании уголовно-правовых норм об ответственности за склонение к совершению самоубийства или содействие совершению преступления (ст. 110¹ УК РФ), воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий (п. «а» ч. 2 ст. 141 УК РФ), вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК РФ), вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего (ст. 151² УК РФ), мошенничество (ст. 159 УК РФ), мошенничество в сфере страхования (ст. 159⁵ УК РФ), причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 165 УК РФ), незаконное использование документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица (примечание к ст. 173² УК РФ), незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну (ст. 183 УК РФ), склонение спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте (примечание к ст. 230¹ УК РФ), незаконное получение сведений, составляющих государственную тайну (ст. 283¹ УК РФ), уклонение от исполнения обязанностей военной службы путем симуляции болезни или иными способами (ст. 339 УК РФ).

Последние изменения отечественного уголовного законодательства указывают на стремление в отдельных случаях специально выделить обманный способ в диспозиции конкретной уголовно-правовой нормы. Так, последние поправки в ст. 183 УК РФ были связаны именно с выделением обмана, шантажа и принуждения как самостоятельных способов незаконного получения налоговой, банковской и коммерческой тайны. Авторы законопроекта обосновывали необходимость соответствующих

изменений, чтобы более эффективно противодействовать лицам, осуществляющим незаконное собирание информации ограниченного доступа и использование ее в личных целях¹. Верховный Суд Российской Федерации в отзыве на законопроект небезосновательно указал на то, что указанное предложение представляется излишним с точки зрения юридической техники. Действующая редакция нормы предусматривает ответственность за собирание сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну, любым «иным незаконным способом»². Действительно, корректировка редакции ст. 183 УК РФ Федеральным законом от 11 июня 2021 г. мало что поменяла в уголовно-правовом противодействии посягательствам на коммерческую, налоговую или банковскую тайну. Как в теории, так и на уровне правоприменения обман всегда признавался возможным способом совершения незаконного собирания сведений, составляющих тот или иной вид тайны. С учетом этого можно констатировать, что изменение модели диспозиции ст. 183 УК РФ никак не повлияло на процессы, связанные с криминализацией, а имело в большей мере юридикто-технический характер.

В связи с этим следует сформулировать собственное отношение к подобной практике казуализации способа преступного посягательства в Особенной части УК РФ. Конечно же, подобное нормотворчество в некотором смысле перегружает текст уголовного закона, делает его и слишком громоздким, и в отдельных случаях коллизионным. Не говоря уже о том, что такие усилия без конкретного социального запроса и реальной на то необходимости со стороны правоприменения вызывают вполне понятное раздражение. Такие «косметические правки» уголовного закона способны ввести и в довольно вредное заблуждение. Так, например, в аспекте реализованного законопроекта по изменению ст. 183 УК РФ может возникнуть ошибочное представление, что обман не следовало ранее и нельзя в перспективе относить к конструкции «иногo незаконного способа».

Однако же детализация способа преступного посягательства в отдельных ситуациях имеет смысл. Касается это прежде всего случаев, когда пределы объективной стороны конкретного преступления имеют мало выявленный характер, грозящий либо фактической неприменяемостью нормы, либо крайне противоречивой или даже прямо противоположной практикой. Здесь в качестве примера можно привести редакцию новеллы отечественного уголовного закона об ответственности за воспре-

¹ Проект Федерального закона № 1112804-7 «О внесении изменений в статьи 183 и 320 Уголовного кодекса Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 16.02.2021). Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

² Официальный отзыв Верховного Суда РФ от 18.12.2020 № 4-ВС-6857/20 «На проект федерального закона «О внесении изменений в статьи 183 и 320 Уголовного кодекса Российской Федерации». Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

пятствование оказанию медицинской помощи (ст. 124¹ УК РФ). Известно, что поводом к криминализации послужили вполне конкретные примеры насильственного вмешательства в деятельность медицинских работников, блокирования проезда скорой помощи и т.п. Вместе с тем диспозиция указанной нормы предполагает, что такое воспрепятствование может быть осуществлено «в какой бы то ни было форме». Логично сделать вывод, что в таком случае сюда можно относить и обман. Соответственно, любое умышленное искажение информации, повлиявшее, например, на избрание правильной методики лечения пациента, при наступлении тяжкого вреда здоровью либо смерти можно квалифицировать в соответствии со ст. 124¹ УК РФ.

Между тем в настоящее время, когда практика применения ст. 124¹ УК РФ не установилась, а теоретические воззрения по поводу ее применения пока еще носят весьма поверхностный характер, нельзя не признать наличие определенного сомнения относительно толкования пределов криминального обмана как способа воспрепятствования оказанию медицинской помощи.

Другим способом формализации обмана в уголовном законе является использование конструкций семантически с ним связанных: предоставление недостоверной информации / сведений / документов / списка, заведомо ложные сообщения / сведения / информация / данные / объявление / донос / показание и т.п.). С учетом этого список обманных преступлений значительно расширяется, поскольку включает в себя многие криминальные формы пропаганды и дезинформации (публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан (ст. 207¹ УК РФ), реабилитация нацизма (ст. 354¹ УК РФ) и др.).

Возможность обмана как способа совершения преступления имеет место также в тех случаях, когда объективная сторона предполагает наличие формы, сопряженной с обманным поведением. Подобная модель может быть продемонстрирована составами мелкого хищения (ст. 158¹ УК РФ), хищения предметов, представляющих особую ценность (ст. 164 УК РФ), хищения оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (ст. 226 УК РФ).

Юридическое значение способа преступного посягательства раскрывается в литературе одинаково: 1) способ посягательства может выступать криминообразующим признаком состава; 2) он же в отдельных случаях является квалифицирующим признаком; 3) способ преступного деяния признается обстоятельством,отягчающим наказание; 4) служит разграничительным признаком между смежными преступлениями.

Обман является квалифицирующим признаком воспрепятствования осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий (ст. 141 УК РФ). Здесь обман поставлен в один ряд с подкупом, принуждением, угрозой насилия и самим насилием. Следует отметить, что за исключением приведенного примера обманный способ довольно редко используется законодателем при дифференциации

уголовной ответственности. Этот факт, пожалуй, имеет вполне очевидное объяснение – обман сам по себе крайне редко повышает степень общественной опасности содеянного. В связи с этим имеет смысл задуматься над тем, при каких условиях обманное поведение в том или ином выражении могло бы рассматриваться как квалифицирующее обстоятельство. В отечественной литературе по данному поводу практически отсутствуют какие-либо рекомендации.

С.В. Шиловский пишет, что «способ включается в уголовно-правовую норму только тогда, когда заряд общественной опасности, который он привносит в деяние, существенно влияет на деяние, а следом и на общественную опасность всего преступления. Иными словами, законодатель особо выделяет определенный способ совершения преступления (либо группу способов) в связи с тем, что совершение определенного деяния, которое запрещает конкретная уголовно-правовая норма, иными способами не может определить или существенно повысить степень общественной опасности преступления в целом» [1, с. 47].

Д.А. Овсюков предлагает выделять *электронный обман*, содержание которого заключается в передаче заведомо ложной информации в виде компьютерной информации либо ее размещение на интернет-ресурсе с открытым доступом для неограниченного круга лиц [3, с. 12]. Автор предлагает использовать электронный обман как квалифицирующий признак основного состава мошенничества и его отдельных видов.

С учетом процессов цифровизации и последовательного роста преступлений, совершаемых с использованием средств информационно-телекоммуникационной инфраструктуры, позиция Д.А. Овсюкова представляется и логичной, и аргументированной. Вместе с тем нельзя не заметить, что различие между обманом электронным и традиционным (физическим) заключается исключительно в среде, в которой передается ложная информация. Соответственно, сам способ коммуникации (например, переписка в мессенджере) должен убеждать нас в том, что деяние виновного обладает большей степенью общественной опасности. Однако не убеждает. Если тезис с электронным обманом в отношении неограниченного круга лиц еще понятен (хотя и не бесспорен), то относительно передачи ложной компьютерной информации сетевым способом в личном общении есть масса контраргументов. Так, подобный способ введения в заблуждение не позволяет говорить о том, что причиняется вред каким-либо иным охраняемым уголовным законом отношениям. Нельзя сказать и о том, что он как-то принципиально повышает вероятность достижения виновным преступного результата. Всё, на чем основываются подобные предложения, – это с каждым годом увеличивающаяся распространенность таких деяний. Однако этого объективно недостаточно, виртуализация жизнедеятельности имеет комплексный и всеохватывающий характер. Она меняет и преступность. В каком-то смысле данный процесс является естественным ходом вещей, логическим следствием научно-технического прогресса [4]. Более строго наказывать за мошенничество с электронным

обманом равносильно тому, что мы ужесточаем ответственность за существование в современном мире мессенджеров и онлайн-банкинга. Таким образом, модель, предложенная Д.А. Овсюковым, хотя и представляет несомненный интерес для науки, но в практической области вызывает ощущение попытки решить сложную проблему путем использования известного метода, в соответствие с которым гордиев узел не распутывается, а разрубается.

С.А. Сургай обосновывал идею, что общественная опасность обмана зависит от признаков личности преступника. На этом основании автор предлагал дифференцировать уголовную ответственность за клевету, совершенную должностным лицом [5, с. 15]. Здесь важно обратить внимание, что повышение общественной опасности деяния обусловлено не столько использованием служебного положения при распространении заведомо ложных порочащих сведений о другом лице, сколько самим статусом виновного, который априори повышает авторитет и доверие к его словам.

Полагаем, что обман может выступатьотягчающим обстоятельством в составах со специальным субъектом, где механизм посягательства связан с системой отношений, основанных на доверии. Как представляется, о подобной дифференциации можно говорить применительно к уголовно-правовым нормам об ответственности за злоупотребление полномочиями или превышение полномочий (ст. 201, 202, 285, 285¹, 285² УК РФ и др.). Данный вывод был поддержан 75% опрошенных респондентов.

Руководствуясь тем же самым критерием, возможной представляется дифференциация ответственности в зависимости от обманного способа в составе незаконного усыновления (удочерения) (ст. 154 УК РФ), где, как известно, субъектами выступают лица, наделенные специальными полномочиями по совершению соответствующих действий и принятию соответствующих решений в сфере усыновления, опекуновства и т.д. При проведении исследования предлагаемая модель дифференциации уголовной ответственности получила разную поддержку у респондентов.

Вообще проблема признания обмана квалифицирующим признаком состава преступления должна быть рассмотрена на двух уровнях. Первый уже был обозначен выше и касается влияния обмана на дифференциацию уголовной ответственности за преступления, в которых распространение недостоверных сведений не является основным (криминообразующим) способом.

Второй уровень связан с определением значения отдельных видов обмана для дифференциации уголовной ответственности за преступления, совершаемые обманым способом. Действующее уголовное законодательство (прежде всего редакция ст. 128¹ УК РФ) в зависимости от степени вредоносного воздействия на охраняемые уголовным законом общественные отношения позволяет выделить следующие виды обмана, используемые в системе квалифицирующих признаков: обман, совершаемый публично (публичный обман) и (или) в отношении неограниченного круга лиц; обман относительно того, что лицо страдает социально опасным заболеванием;

обман, связанный с распространением недостоверных сведений о совершении лицом преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности; обман, связанный с распространением недостоверных сведений о совершении лицом тяжкого либо особо тяжкого преступления.

Следует отметить, что необходимая системность в придании тому или иному виду обмана квалифицирующего значения в УК РФ не наблюдается. Так, например, в специальном составе клеветы в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, сотрудника органов принудительного исполнения Российской Федерации (ст. 298¹ УК РФ) отражение получил лишь обман относительно совершения лицом тяжкого либо особо тяжкого преступления. Здесь прежде всего вызывает вопросы отсутствие в системе дифференциации ответственности публичного обмана.

В ряду отягчающих уголовное наказание обстоятельств (ст. 63 УК РФ) обман не представлен. Однако это суждение является справедливым, если говорить именно об отсутствии явления «*per se*», то есть сугубо в буквальной интерпретации нормы. Вместе с тем можно вполне уверенно утверждать о том, что обман наличествует и в ст. 63 УК РФ, в очередной раз проявляя свою многоликую сущность. Здесь обман обнаруживается конструкциями совершения преступления с использованием доверия, оказанного виновному в силу его служебного положения или договора (п. «м»), а также совершения преступления с использованием форменной одежды или документов представителя власти (п. «л»). И если в первом случае возможность обмана носит еще вероятностный характер, то во втором – содержание самого деяния имеет вполне выраженный обманный характер.

Уголовно-правовое значение обмана в целом гораздо шире. Обман может лежать в основе такой конструкции, как посредственное исполнение объективной стороны преступления. В этой ситуации обман выступает способом воздействия на психику другого человека, в результате чего последний выполняет незавидную роль слепого орудия в совершении преступления. Если эту мысль развить, то с определенной уверенностью можно заключить, что в указанном смысле (через призму посредственного исполнителя) обман следует признать способом практически любого умышленного преступления.

Кроме того, предоставление ложных сведений при досудебном соглашении о сотрудничестве (ст. 63¹ УК РФ) выступает отменительным условием, позволяющим назначить виновному уголовное наказание в общем порядке без применения не только ч. 2, 3, 4 ст. 62 УК РФ, но и ст. 64 УК РФ. Следует отметить, что в конструкции ст. 63¹ УК РФ законодатель специально не указывает на заведомость в поведении виновного. Однако же по смыслу нормы правильно полагать, что предоставление ложных сведений лицом, добросовестно полагавшим, что они истинные, не может выступать основанием для применения ст. 63¹ УК РФ.

Важным является вопрос о квалификации преступлений, совершаемых путем обмана, при конкуренции уголовно-правовых норм, соотносящихся как часть и целое. Считается, что подлог в любой форме может быть признан способом преступления, совершаемого посредством обмана, при условии его большей общественной опасности по сравнению с подлогом обычным. Из этих же соображений Пленум Верховного Суда РФ указывает, что хищение лицом чужого имущества путем обмана или злоупотребления доверием, совершенное с использованием изготовленного другим лицом поддельного официального документа, полностью охватывается составом мошенничества и не требует дополнительной квалификации по ст. 327 УК РФ¹. При этом в тех случаях, когда лицо самостоятельно изготовило поддельный документ, Пленум Верховного Суда РФ предложил содеянное дополнительно квалифицировать по ч. 1 ст. 327 УК РФ. Логика такого решения убедительно раскрывает Л.А. Букалерева, справедливо обращая внимание на то, что подделка документа как разновидность подлога сама по себе, то есть без дальнейшего использования предмета подделки, обманом не является, поэтому не может признаваться способом совершения преступления, основанного на обмане [6, с. 224].

Изучение современной правоприменительной практики позволяет выделить следующие квалификационные особенности и ошибки при разграничении преступного подлога, предусмотренного ст. 327 УК РФ, и преступлений, совершаемых обманным способом.

Прежде всего игнорируется то важное условие, согласно которому разрешение конкуренции в пользу нормы-целой возможно лишь в тех случаях, когда она предусматривает ответственность за деяние, характеризующееся большей общественной опасностью в сравнении с нормой-частью (способом).

Так, по одному из дел суд кассационной инстанции указывает: «Давая юридическую оценку действиям осужденного по ч. 4 ст. 327 УК РФ, по использованию поддельного паспорта при оформлении заявки на получение потребительского кредита в ПАО «Почта Банк» на приобретение холодильника, суд неверно применил уголовный закон. Согласно разъяснений, содержащихся в абз 4 п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», хищение лицом чужого имущества или приобретение права на него путем обмана или злоупотребления доверием, совершенные с использованием изготовленного другим лицом поддельного официального документа, полностью охватывается составом мошенничества и не требует дополнительной квалификации по ст. 327 УК РФ. Аналогичная правовая позиция содержится

¹Пункт 7 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате». Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

в п. 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2020 № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 324–327¹ Уголовного кодекса Российской Федерации». Таким образом, покушение на мошенничество, совершенное подсудимым с использованием заведомо поддельного паспорта, не требует дополнительной квалификации по ч. 4 ст. 327 УК РФ. При таких обстоятельствах излишнее осуждение Х. по ч. 4 ст. 327 УК РФ подлежит исключению»¹.

По похожему делу суд также указал, что «мошенничества, совершенные с использованием заведомо поддельных документов, не требовали дополнительной квалификации по ч. 3 ст. 327 УК РФ, что не было учтено судом при вынесении приговора»².

Получается, что в результате вынесенного решения норма-целая (ч. 1 ст. 159 УК РФ) с максимальной санкцией до двух лет лишения свободы «поглотила» норму-часть (ч. 4 ст. 327 УК РФ) с наиболее строгой санкцией в виде лишения свободы на срок до четырех лет. Конечно же, согласиться с такой моделью разрешения конкуренции весьма трудно, несмотря на соответствующие указания Пленума Верховного Суда РФ. Дело в том, что последние должны применяться таким образом, чтобы не вступать в противоречие с научными основами квалификации преступлений, принципами уголовного законодательства, да и элементарным здравым смыслом.

В теории уголовного права неразработанным является вопрос относительно квалификации посягательства, совершаемого путем обмана, переросшего из другого преступления. Так, вполне вероятной представляется ситуация, когда виновный, начав изъятие имущества тайно, сталкивается с собственником и прибегает, что называется, к плану «Б», при котором передача имущества осуществляется уже законным владельцем под влиянием заблуждения. Доктрина и правоприменительная практика в похожих ситуациях перерастания кражи в грабеж либо разбой предлагает квалифицировать содеянное по признакам более тяжкого преступления. Пожалуй, аналогичный подход должен быть применен и к возможным казусам перерастания кражи в мошенничество.

Весьма непростой является ситуация, при которой при нерезультативном обмане лицо начинает угрожать применением насилия для передачи имущества. В литературе отмечается, что как кража перерастает в грабеж и разбой, так и мошенничество может перерасти в вымогательство, грабеж или в разбой, что нередко имеет место при так называемых автоподставах, когда не сумевшие обмануть потерпев-

¹Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 02.06.2022 № 77-2773/2022. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

²Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 19.09.2023 по делу № 77-1472/2023. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

шего мошенники прибегают к угрозам [7]. С таким подходом к квалификации содеянного солидаризируется и правоприменительная практика: «... из материалов дела видно, что действия А., П. и С.В., составлявшие к тому времени уже устойчивую организованную группу, начатые как мошенничество, переросли в грабеж, так как с целью удержания денег, взятых у Г.А., они применили насилие, не опасное для жизни и здоровья»¹.

При этом квалификация содеянного по совокупности преступлений объективно противоречит обоснованным в науке уголовного права правилам квалификации. Так, по одному из дел суд справедливо указал на то, что «правильно установив фактические обстоятельства дела, связанные с нападением на потерпевшего, суд квалифицировал действия К. как два самостоятельных преступления, предусмотренные соответственно ч. 2 ст. 159 УК РФ и ч. 2 ст. 162 УК РФ, не дав должной оценки тому, что из показаний потерпевшего и других собранных по делу доказательств следует, что действия К., начатые как мошеннические... фактически переросли в разбой, поскольку насилие к потерпевшему было применено с целью удержания похищенного, то есть действия представляли собой единое преступление. Кроме того, суд, признав К. виновным в совершении двух преступлений, пришел к взаимоисключающим выводам о том, что К. дважды похитил у В. указанный мобильный телефон, оба раза причинив материальный ущерб. При таких обстоятельствах суд находит необходимым исключить осуждение К. по ч. 2 ст. 159 УК РФ как излишне вмененное, поскольку содеянное им подпадает под признаки преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 162 УК РФ»².

Однако же нельзя не отметить, что до настоящего времени в отдельных случаях это выступает предметом спора. Так, по одному делу сторона защиты ссылалась на то, что предъявленное обвинение по ч. 1 ст. 161 УК РФ не соответствует требованиям УПК РФ в части описания субъективной стороны преступления, поскольку, исходя из разъяснений, данных в п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», при определенных условиях возможна квалификация как грабеж действий виновного, начатых как кража. Ввиду этого, по мнению защитника, недопустимо признавать законным обвинение в грабеже, начатом как мошенничество. Суд, отвечая на поставленный защитником вопрос, совершенно обоснованно указал, что действия подсудимого по неправомерному завладению чужим имуществом, начатые мошенническим способом, не были доведены до конца по независящим от него обстоятель-

¹Определение Верховного Суда РФ от 31.05.2002 № 13-о02-3. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

²Постановление президиума Московского городского суда от 22.05.2008 по делу № 44у-284/08. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

ствам. С того момента, как потерпевший потребовал возврата имущества, деяние виновного стало носить открытый характер, то есть переросло в грабеж. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 г. № 29 не содержит какого-либо запрета относительно подобного перерастания мошенничества в открытую форму хищения¹.

Список источников

1. Букалерева Л.А. Уголовно-правовая охрана официального информационного оборота. М.: Юрлитинформ, 2006. 354 с.
2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А.В. Бриллиантова. М.: Проспект, 2010. 1392 с.
3. Овсюков Д.А. Корыстные преступления против собственности с использованием информационно-телекоммуникационных сетей: вопросы квалификации: дис. ...канд. юрид. наук: 5.1.4. М., 2022. 231 с.
4. Русскевич Е.А. Уголовное право и «цифровая преступность»: проблемы и решения: монография. 2-е изд. перераб. и доп. М.: Научно-издательский центр ИН-ФРА-М, 2022. 351 с.
5. Сабитов Р.А. Криминальные обманы и фальсификации: монография. М.: Юрлитинформ, 2019. 472 с.
6. Сургай С.А. Компаративный аспект уголовной ответственности за оскорбление судьи и клевету в отношении судьи: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.08. Тамбов, 2009. 273 с.
7. Шиловский С.В. Способ совершения преступления как признак уголовно-наказуемого деяния и средство дифференциации ответственности: монография. М.: Юрлитинформ, 2015. 159 с.

References

1. Bukalereva L.A. Ugolovno-pravovaya okhrana ofitsial'nogo informatsionnogo oborota [Criminal-legal protection of official information circulation]. Moscow: Yurlitinform Publ., 2006. 354 p. (In Russ.).
2. Brilliantov A.V. (ed.). Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii (postateinyi) [Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation (article by article)]. Moscow: Prospect Publ., 2010. 1392 p. (In Russ.).
3. Ovsyukov D.A. Korystnye prestupleniya protiv sobstvennosti s ispol'zovaniem informatsionno-telekommunikatsionnykh setei: voprosy kvalifikatsii [Acquisitive crimes against property using information and telecommunication networks: qualification issues]. Cand. Dis. (Legal. Sci.). Moscow, 2022. 231 p. (In Russ.).

¹Приговор Павловского городского суда Нижегородской области от 16.12.2020 по делу № 1-222/2020. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

4. Russkevich E.A. Uголовное право i «tsifrovaya prestupnost'»: problemy i resheniya [Criminal law and "digital crime": problems and solutions: monograph]. 2nd ed. revised and enlarged. Moscow: Scientific Publishing Center INFRA-M, 2022. 351 p. (In Russ.).

5. Sabitov R.A. Kriminal'nye obmany i fal'sifikatsii [Criminal frauds and falsifications: monograph]. Moscow: Yurlitinform Publ., 2019. 472 p.

6. Surgay S.A. Komparativnyi aspekt uголовnoi otvetstvennosti za oskorblenie sud'i i klevetu v otnoshenii sud'i [Comparative aspect of criminal liability for insulting a judge and slander against a judge]. Cand. Dis. (Legal Sci.). Tambov, 2009. 273 p. (In Russ.).

7. Shilovsky S.V. Sposob soversheniya prestupleniya kak priznak uголовno-nakazuemogo deyaniya i sredstvo differentsiatsii otvetstvennosti [Method of committing a crime as a sign of a criminally punishable act and a means of differentiating liability: monograph]. Moscow: Yurlitinform Publ., 2015. 159 p. (In Russ.).

Информация об авторах

М.Н. Шипунова – соискатель кафедры уголовного права Кубанского государственного университета, Краснодар, Российская Федерация,
marina_shipunova0305@mail.ru.

Information about the authors

M.N. Shipunova, Participant of the Department of Criminal Law Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation, marina_shipunova0305@mail.ru.

Статья поступила в редакцию / The article received 20.07.2024;

одобрена после рецензирования / revised 13.08.2024;

принята к публикации / accepted 03.09.2024.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, № 3. С. 182–194.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2024. Vol. 26, no. 3. P. 182–194.

Научная статья

УДК 349.6.03(100:470)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2024-3/182-194>

Имплементация международно-правовых норм об ответственности за экоцид в российском уголовном праве

Евгения Анатольевна Углова

Дальневосточный юридический институт (филиал)

Университета прокуратуры Российской Федерации,

Владивосток, Российская Федерация

✉ vladivostok200@mail.ru

Аннотация. В статье на основании исследования международно-правовой доктрины раскрывается понятие «имплементация». Показано соотношение данного понятия с такими видами «проникновения» международных норм во внутригосударственную сферу, как трансформация, инкорпорация, рецепция и др. Особое внимание уделено экоциду как результату имплементации международного права в норму об ответственности за это преступление в российском уголовном праве. Установлено, что процесс имплементации норм международного права об экоциде осложняется многими проблемами, главными из которых представляются: а) большое количество, многообразие и интенсивная динамика соответствующих международных норм; б) выбор оптимальных способов имплементации; в) поддержание баланса между правом и политикой. Средствами разрешения указанных проблем в полной мере обладает государство как главный (первичный) субъект международного права и монополист в области разработки и реализации уголовной политики.

Ключевые слова: международно-правовые нормы, имплементация, экоцид, российское уголовное право, уголовная ответственность за экоцид

Для цитирования: Углова Е.А. Имплементация международно-правовых норм об ответственности за экоцид в российском уголовном праве // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, № 3. С. 182–194.

Original article

Implementation of international legal norms on responsibility for ecocide in the Russian criminal law

Evgenia A. Uglova

Far Eastern Law Institute (branch)

University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation,

Vladivostok, Russian Federation

✉ vladivostok200@mail.ru

Abstract. The article reveals the concept of "implementation" based on the study of international legal doctrine. The correlation of this concept with such types of "penetration" of international norms into the domestic sphere as transformation, incorporation, reception, etc. is shown. Special attention is paid to ecocide as a result of the implementation of international law in the norm of responsibility for this crime in the Russian criminal law. It has been established that the process of implementing the norms of international law on ecocide is complicated by many problems, the main of which are: a) a large number, diversity and intensive dynamics of relevant international norms; b) the choice of optimal ways of implementation; c) maintaining a balance between the law and policy. The State, as the main (primary) subject of international law and a monopolist in the development and implementation of criminal policy, fully possesses the means to resolve these problems.

Keywords: international legal norms, implementation, ecocide, the Russian criminal law, criminal liability for ecocide

For citation: Uglova E.A. Implementation of international legal norms on responsibility for ecocide in the Russian criminal law. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*, 2024, vol. 26, no. 3, pp. 182–194. (In Russ.).

В названии настоящей статьи закреплено понятие «имплементация», отражающее, по мнению современных ученых, одну из самых сложных проблем соотношения и взаимодействия международного и внутригосударственного права. Проявления этой сложности многочисленны и достаточно красноречивы. К ним можно отнести в первую очередь терминологическое многоголосие: для обозначения процесса осуществления международно-правовых норм в национальных правовых системах используются также понятия реализации, выполнения, исполнения, которые признаются синонимичными и взаимозаменяемыми по отношению к имплементации [1, с. 29–31]. Дискуссия относительно содержания понятия имплементации представлена в науке тремя различными подходами: широким (рассматривающим импле-

ментацию международного права как его воплощение в жизнь и оперирующим такими однопорядковыми с ним терминами, как «осуществление» и «реализация»), узким (использующим понятие имплементации для обозначения воздействия норм международного права на внутригосударственные отношения через внутригосударственное право) и специальным (отождествляющим имплементацию с обеспечением реализации международного права) [2, с. 30–31]. Помимо этого, отсутствует единство мнений по проблемам, касающимся способов имплементации и, как следствие, – ее соотношения с такими видами «проникновения» международных норм во внутригосударственную сферу, как трансформация, инкорпорация, рецепция и др. При этом наряду с классической точкой зрения, характеризующей имплементацию и трансформацию в качестве двух самостоятельных правовых «рычагов» приведения в действие норм международного права в рамках внутригосударственного правопорядка [2], высказываются и обосновываются другие взгляды. Так, М.Е. Жумабаева полагает, что «имплементация ... осуществляется путем трансформации международно-правовых норм в нормы внутригосударственного (национального) права» [3]. А.Б. Мельниченко также относит трансформацию к способам имплементации, утверждая, что последняя «возможна путем инкорпорации и трансформации» [4]. Б.А. Сафаров рассматривает трансформацию как «вид имплементации» [5]. Логика научных рассуждений авторов одной из монографий, посвященной правовому обеспечению интеграционных процессов, позволяет рассматривать имплементацию через призму интернационализации права и правовой интеграции [6] и т.п.

С учетом изложенного естественным и даже необходимым видится изложение нашей авторской позиции по двум вопросам: 1) почему из ряда синонимичных понятий выбрана именно имплементация; 2) какое конкретное содержание имеет данное понятие.

Ответ на первый вопрос, как представляется, вытекает из правовой доктрины, обосновывающей, с точки зрения целесообразности унификации используемых в международно-правовой науке категорий, предпочтительность термина «имплементация» [1]. Добавим к этому, что научным сообществом убедительно аргументируется насущная потребность унификации юридических терминов в целом, отмечается ее ключевое значение в условиях интеграции национальной правовой системы и международных правовых норм [7]. Иначе говоря, максимально возможное согласование терминологии выходит за пределы какой-либо одной отрасли права или смежных с ней явлений (законодательства, правоприменения, доктрины) и охватывает всю правовую сферу. Кроме того, нельзя не признать, что термин «имплементация» хорошо известен юристам, имеет мощные научные корни.

Ответ на второй вопрос диктуется вечным стремлением законодательства и права в целом к точности языка, ясности осознания смысла каждого термина [8, с. 6–17] и требует более глубокого анализа прежде всего потому, что понимание им-

плементации посредством применения широкого, узкого и специального подходов, упоминавшихся выше, не исчерпывает всего современного богатства взаимодействия международного и внутригосударственного права. Теоретической иллюстрацией этого являются поиск и введение в научный оборот новых терминов, характеризующих воздействие международного права на право государства: «вторжение» [9, с. 40–57], «национализация» [10, с. 245], «адаптация» [11, с. 219], «интеграция» [12, с. 55–69], «влияние» [13, с. 157–160] и др. При всех семантических различиях их объединяет стремление расширить сферу воздействия международного права на национальные правовые порядки. Основания для этого достаточно серьезны и многочисленны. Назовем и кратко охарактеризуем наиболее важные из них.

Во-первых, большинство правоведов, использующих термин «имплементация», не сводят его содержание только к нормотворческим аспектам и поддерживают мнение А.С. Гавердовского, рассматривающего имплементацию как «целенаправленную организационно-правовую деятельность государств, предпринимаемую индивидуально, коллективно или в рамках международных организаций в целях своевременной, всесторонней и полной реализации принятых ими в соответствии с международным правом обязательств» [14, с. 62]. Например, В.В. Гаврилов, отмечая, что данное определение является «наиболее полным и правильным», видит его достоинство в том, что оно фиксирует «подход к процессу реализации международного права как к органическому сочетанию правотворческой и организационной деятельности государств, осуществляемой ими внутри государства и на международной арене, в том числе при помощи и в рамках существующих или вновь создаваемых институциональных структур» [2, с. 53]. А.Я. Капустин выделяет научную позицию А.С. Гавердовского в качестве самостоятельного, специального подхода к содержанию понятия «имплементация» [1, с. 31]. Наличие в процессе имплементации двух этапов – правового и организационного – обосновывает А.Б. Мельниченко [4].

Во-вторых, в науке признается многообразие объектов имплементации, к которым относят не только международные договоры, но и общепризнанные принципы и нормы международного права [12, с. 59–60], судебный прецедент (или прецедент толкования) [11, с. 33–37], правовые позиции [15, с. 33–37], правовые стандарты [1, с. 39–41], рекомендательные нормы (мягкое право) [16], акты международных конференций и совещаний [17, с. 73], правовые акты международных организаций [17], определенные односторонние акты, порождающие международные обязательства [18, с. 36], и даже нератифицированные международные договоры [17]. В итоге имплементация рассматривается как одна из важных форм взаимодействия не только норм и принципов международного и внутригосударственного права и не только национальных законодательств, но и как «форма взаимовлияния правовых семей и правовых культур» [19, с. 12].

В-третьих, международно-правовая доктрина при описании современного уровня взаимодействия норм международного и внутригосударственного права довольно отчетливо демонстрирует стремление к замене термина «иерархия» термином «сеть» (network), поскольку «современное состояние развития права требует не просто высокого качества правовой нормы, но гармонии в содержании «высших» норм, относящихся к различным правопорядкам» [1, с. 192]. Так, М.А. Филатова подчеркивает, что при разрешении конфликта между внутренней и международной нормами путь его «иерархического» прочтения и, соответственно, обоснования приоритета той или иной нормы не является единственно возможным. Ему противостоит второй путь – системный. Он заключается «в попытке истолковать, а по сути, адаптировать свою компетенцию, сферу полномочий таким образом, чтобы иметь возможность применять одновременно обе конфликтующие нормы для обеспечения их максимальной гармонизации...» [1, с. 188–189]. Целесообразно заметить, что выход за пределы «иерархической» парадигмы и, соответственно, из бинарной логики («применить» / «исключить»), которую она навязывает, имеет определенную теоретическую базу. Так, Ж.И. Овсепян сформулировал и добротнo обосновал тезис о том, что все виды источников (форм) международного права «по своей глубинной природе, по их происхождению (первородству) являются согласительным, горизонтальным правом» [12, с. 55]. Система источников международного права «изначально лишена иерархичности, соподчиненности источников (форм) в традиционном понимании, которая является имманентным признаком системы источников внутригосударственного (национального) права» [12]. В.В. Гаврилов, характеризуя взгляды на возможное преимущественное значение той или иной системы права в процессе их взаимодействия, называет верховенство международного права над внутригосударственным «параюридическим» [2, с. 42].

В-четвертых, в результате исследования влияния международных актов ООН на развитие российского уголовного законодательства делается вывод, что такое влияние выражается «не только в количественном росте изменений во внутригосударственном отраслевом законодательстве, но и в приобретении им принципиально нового качества, характеризующего структуру уголовного законодательства и во многом определяющего его уровень и тенденции» [17, с. 94]. Попробуем уточнить это важное положение, распространив его на уголовное право в целом: следствием влияния международных норм на внутригосударственное право могут быть не только его очевидные формальные изменения (появление новых правовых норм, исключение «устаревших» и пр.). Меняться может дух права (идеи, принципы, символы, ценности – все духовно-нравственные проявления), обретая новое, более совершенное качество [20].

Представляется, что изложенное должно найти отражение в содержании понятия имплементации, которое не может рассматриваться изолированно от всех выше-

перечисленных аспектов влияния международного права на внутригосударственное. В этом смысле не только допустимо, но и целесообразно рассматривать понятия «влияние» и «имплементация» как синонимичные, отдавая предпочтение последнему в силу его наибольшей распространенности, традиционности и потому – привычности. В свою очередь, это означает, что имплементацию нельзя сводить к «принятию норм внутригосударственного права во исполнение международно-правовых норм, а также для создания условий по непосредственной реализации международно-правовых норм на территории государства» [21, с. 8], ее следует понимать максимально широко – как понятие, которое объединяет все возможные формы влияния международного права на право государства.

Приложение такого понимания к экоциду позволяет сделать уверенный вывод о том, что данное преступление является результатом имплементации норм международного права. Вместе с тем в отечественной юриспруденции единство мнений на этот счет отсутствует. Некоторые авторы считают, что глава 34 УК РФ «Преступления против мира и безопасности человечества» (а значит, и ст. 358 «Экоцид») содержит имплементационные нормы, то есть нормы, которые создавались в результате осуществления имплементации международного договора или соглашения [4]. Другие полагают, что в ст. 358 УК РФ частично имплементированы положения международного права. При этом отдельные ученые формулируют такую мысль несколько иначе. Так, О.И. Тиунов указывает, что в разделе XII УК РФ «Преступления против мира и безопасности человечества» многие положения, касающиеся ответственности за нарушение гуманитарных норм, отсутствуют [18].

Особого комментария требует точка зрения А.К. Князькиной. Как подчеркивалось выше, она не включает экоцид в число конвенционных преступлений. Следовательно, можно заключить, что при таком подходе вопрос об имплементации международных норм в ст. 358 УК РФ не может быть поставлен в принципе. Однако этим специфика рассматриваемого научного взгляда на преступление экоцида не исчерпывается. Изучив авторскую модель раздела Уголовного кодекса «Конвенциональные преступления», мы обнаружили, что в 17 главах, объединяющих 117 статей, экоцид отсутствует [22]. Иначе говоря, по мнению автора, он не относится и к более широкому по отношению к «конвенционным преступлениям» понятию – «конвенциональные преступления». За этим следует неизбежный вывод о том, что в ст. 358 УК РФ вообще не прослеживается связь с нормами международного права. Представляется, что такой вывод не согласуется ни с признаками экоцида, ни с внушительным корпусом международных норм, нацеленных на предотвращение вреда окружающей среде, ни с современным состоянием научной разработанности правовой характеристики экоцида, ни с позицией законодателя, включившего состав экоцида в обособленные раздел XII и главу 34 УК РФ о преступлениях против мира и безопасности человечества.

Что касается первых двух мнений (о полной или частичной имплементации норм международного права в ст. 358 УК РФ), то они могут быть приняты с некоторыми оговорками. Так, думается, что тезис о частичной имплементации отражает сложившуюся на сегодняшний день уголовно-правовую реальность, которая с очевидностью демонстрирует основанность ст. 358 УК РФ на нормах международного права. Об этом свидетельствуют сам факт установления уголовной ответственности за экоцид, его признаки и предусмотренное наказание, позволяющее отнести преступление экоцида к особо тяжким преступлениям, то есть к классификационной группе самых опасных преступных посягательств из числа предусмотренных в УК РФ. Оценка качества такой имплементации – научная проблема, требующая самостоятельного и глубокого изучения, на пути которого немало трудностей (большой массив международных норм различного уровня и статуса; отношение государства к данным нормам, возможные коллизии с внутригосударственным правом и пр.). Однако уже в первом приближении можно констатировать, что резерв для более внимательного учета нормативов международного уровня в УК РФ, безусловно, имеется. С учетом этого мнение о полной имплементации международных норм в ст. 358 УК РФ характеризует перспективу его развития, тот идеал взаимодействия международного и внутригосударственного правопорядков, необходимый для эффективной защиты окружающей среды от масштабных и часто непоправимых угроз, которые несет в себе экоцид.

Наше исследование международно-правовых норм об экоциде позволяет увидеть три основные проблемы процесса их аутентичного восприятия отечественным уголовным правом.

Первая проблема – это обилие международных норм и их заметная динамика, открывающая перспективы закрепления преступления экоцида (в том числе совершаемого в мирное время) на международном уровне. Данная особенность предполагает постоянный мониторинг идей и документов международного сообщества в целях их уяснения и отбора для последующей имплементации во внутригосударственный правопорядок.

Вторая проблема – определение конкретных способов имплементации, то есть адекватного «перевода» с международно-правового языка на внутригосударственный. При этом, как и в литературном переводе, желательно избегать словарных ошибок, максимально точно передавать смысл и т. п.

Третья проблема заключается в поддержании баланса между правом и политикой. Представляется, что она связана с наибольшими трудностями и потому нуждается в более развернутом комментарии. С одной стороны, профессиональное юридическое сообщество признает факт воздействия международных норм на внутригосударственное право «не столько с юридической, сколько с политической точки зрения», поскольку оно создает предпосылки для влияния на уголовную политику госу-

дарства [17, с. 71]. Сходный вывод вытекает из тезиса о том, что для современного состояния права необходимо не просто высокое качество правовых норм, но и «гармония в содержании» [1, с. 192]. При очевидном отсутствии формальных критериев такой гармонии, ее поиск и фиксация в нормах права может быть только результатом реализации политической воли. Думается, последняя лежит также в основе согласования позиций субъектов международного права при взаимодействии на международной арене, при решении совместных проблем и задач [18, с. 35]. Преимущественно политические, а не правовые факторы предопределяют добровольность и добросовестность соблюдения международных стандартов, восприятие государствами рекомендательных норм международного права, обычаев [16, с. 270, с. 275–285], нератифицированных международных договоров [12, с. 68]. С учетом согласительной природы всех видов источников международного права нельзя недооценивать роль политических обстоятельств и в отношении международных договоров. Помимо этого, термин «политика» используется для обозначения деятельности государства в области противодействия преступности. Целесообразно отметить, что уголовно-правовая наука предлагает и обосновывает альтернативные термины (уголовно-правовое воздействие, уголовно-правовое реагирование), однако понятие «уголовная политика» по-прежнему остается в центре профессионального дискурса.

С другой стороны, понятие и содержание уголовной политики является дискуссионным, а ее реализация вызывает у юридического научного сообщества довольно серьезные вопросы и замечания. При этом в процессе обсуждения высказываются также весьма спорные идеи. В частности, М.М. Бабаев и Ю.Е. Пудовочкин обратили внимание на такой отличительный признак уголовной политики в концепции И.М. Клейменова, как «независимость от стандартов международных организаций и экспертов» [23, с. 141], а также включили в перечень характерных черт, свойственных политике российского сильного государства, «избирательное отношение к международным стандартам и правилам в части регулирования уголовно-правовых отношений» [23, с. 142].

Наша позиция заключается в критическом отношении к любым попыткам «отгородиться» от международно-правовых норм в основном потому, что такие попытки идут вразрез с очевидным процессом создания единой мировой системы глобальных социальных взаимодействий, препятствуют достижению равновесия между правом и политикой. Между тем представляется, что важной предпосылкой для решения рассматриваемой проблемы является не вызывающий сомнений факт, что многие (если не все) средства такого решения находятся в руках государства, поскольку оно, во-первых, выступает в качестве хотя и не единственного, но, безусловно, самого значимого (первичного) субъекта международного права, а во-вторых, является монополистом в формировании и осуществлении уголовной политики.

Основываясь на изложенном, кратко сформулируем ряд основных выводов:

1. Понятие имплементации выходит за рамки как нормотворческой, так и организационно-правовой деятельности государства; оно охватывает все возможные формы влияния международного права (во всем многообразии его источников) на внутригосударственное право.

2. Преступление экоцида является результатом имплементации норм международного права, о чем убедительно свидетельствуют его признаки в сопоставлении с международными нормами, нацеленными на предотвращение вреда окружающей среде, правовая характеристика признаков экоцида в науке уголовного права, а также место данного преступления в структуре УК РФ.

3. Процесс имплементации норм международного права об экоциде осложняется многими проблемами, главными из которых представляются большое количество, многообразие и интенсивная динамика соответствующих международных норм; выбор оптимальных способов имплементации; поддержание баланса между правом и политикой. Залогом их успешного решения является то обстоятельство, что средствами такого решения в полной мере обладает государство как главный (первичный) субъект международного права и монополист в области разработки и реализации уголовной политики.

Список источников

1. Имплементация решений Европейского Суда по правам человека в российской правовой системе: концепции, правовые подходы и практика обеспечения: монография / Т.Я. Хабриева, А.Я. Капустин, А.И. Ковлер [и др.] / под общ. ред. В.В. Лазарева. М.: ИЗиСП: Норма: ИНФРА-М, 2019. 416 с.

2. Гаврилов В.В. Теории трансформации и имплементации норм международного права в отечественной правовой доктрине // Московский журнал международного права. 2001. № 2. С. 39–61.

3. Жумабаева М.Е. Способы реализации и механизмы имплементации норм международного права // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2012. № 4 (28). С. 135–139.

4. Мельниченко А.Б. Вопросы имплементации норм международного уголовного права в национальное законодательство // Философия права. 2008. № 3. С. 30–34.

5. Сафаров Б.А. Формы и способы воплощения норм международно-правовых актов по правам человека в национальную правовую систему // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 1. С. 231–236.

6. Правовое обеспечение интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза: монография / под общ. ред. А.И. Чучаева. М.: Проспект, 2017. 236 с.

7. Примак Т.К., Серова О.А. Гармонизация, унификация, стандартизация в доктрине, правообразовании и правоприменении // Юридический вестник Самарского университета. 2015. № 3. С. 71–78.
8. Люблинский П.И. Техника, толкование и казуистика уголовного кодекса / под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2004. 248 с.
9. Анисимов В.Ф., Трунцевский Ю.В. Вторжение международного права в национальную правовую систему // Правоприменение. 2021. Т. 5, № 1. С. 40–57.
10. Качук О.В. Отсылка как технико-юридический прием согласования российского и международного права // Юридическая техника. 2007. № 1. С. 245–247.
11. Авдеева М.В. Особенности техники имплементации международных уголовно-правовых норм в российское законодательство // Актуальные проблемы российского права. 2012. № 4. С. 215–227.
12. Овсепян Ж.И. Статус источников международного права во внутригосударственной (национальной) правовой системе (вопросы интеграции международного права Российской Федерацией). Ч. II. Источники международного права как часть правовой системы России // Северо-Кавказский юридический вестник. 2010. № 4. С. 55–69.
13. Кибальник А.Г., Шибков О.Н. Формы влияния международного уголовного права на российское уголовное право // Общество и право. 2011. № 4 (36). С. 157–160.
14. Гавердовский А.С. Имплементация норм международного права. Киев: Выща школа, 1980. 317 с.
15. Туманов В.А. Европейский Суд по правам человека. Очерк организации и деятельности. М.: НОРМА, 2001. 295 с.
16. Тиунов О.И. Влияние международных договоров и международно-правовых обычаев на национальное законодательство // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2009. № 11. С. 269–286.
17. Родионова Т.А. Понятие и классификация влияния международного права на российское уголовное законодательство // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 29 (244). С. 69–74.
18. Тиунов О.И., Каширкина А.А., Морозов А.Н. Влияние норм международного права на развитие национального законодательства // Журнал российского права. 2010. № 6 (162). С. 35–44.
19. Пугина О.А. Имплементация элементов системы общего права в российское законодательство: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 28 с.
20. Бондарь Н.С. Буква и дух российской Конституции: 20-летний опыт гармонизации в свете конституционного правосудия // Журнал российского права. 2013. № 11. С. 5–17.

21. Вдовин В.А. Имплементация международно-правовых норм в уголовном праве Российской Федерации (вопросы Общей части): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2006. 32 с.

22. Князькина А.К. Международный договор как основание криминализации деяний // *Lex Russica*. 2015. № 9 (т. CVI). С. 73–86.

23. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Уголовная политика и уголовное право сильного государства // *Актуальные проблемы российского права*. 2023. Т. 18, № 2 (147). С. 131–144.

References

1. Khabrieva T.Ya., Kapustin A.Ya., Kovler A.I. et al. Implementatsiya reshenii Evropeiskogo Suda po pravam cheloveka v rossiiskoi pravovoi sisteme: kontseptsii, pravovye podkhody i praktika obespecheniya [Implementation of decisions of the European Court of Human Rights in the Russian legal system: concepts, legal approaches and practice of ensuring: monograph]. Moscow: IZiSP: Norma: INFRA-M Publ., 2019. 416 p. (In Russ.).

2. Gavrilov V.V. Teorii transformatsii i implementatsii norm mezhdunarodnogo prava v otechestvennoi pravovoi doktrine [Theories of transformation and implementation of international law norms in domestic legal doctrine]. *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava*, 2001, no. 2, pp. 39–61. (In Russ.).

3. Zhumabaeva M.E. Sposoby realizatsii i mekhanizmy implementatsii norm mezhdunarodnogo prava [Methods of implementation and mechanisms for the implementation of international law]. *Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravo-voi informatsii Respubliki Kazakhstan*, 2012, no. 4 (28), pp. 135–139. (In Russ.).

4. Melnichenko A.B. Voprosy implementatsii norm mezhdunarodnogo ugolovnogo prava v natsional'noe zakonodatel'stvo [Issues of implementation of norms of international criminal law in national legislation]. *Filosofiya prava*, 2008, no. 3, pp. 30–34. (In Russ.).

5. Safarov B.A. Formy i sposoby voploshcheniya norm mezhdunarodno-pravovykh aktov po pravam cheloveka v natsional'nyu pravovuyu sistemu [Forms and methods of implementing norms of international legal acts on human rights in the national legal system]. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve*, 2014, no. 1, pp. 231–236. (In Russ.).

6. Chuchaev A.I. Pravovoe obespechenie integratsionnykh protsessov v ramkakh Evraziiskogo ekonomicheskogo soyuza: monografiya [Legal support for integration processes within the Eurasian Economic Union: monograph]. Moscow: Prospect Publ., 2017. 236 p. (In Russ.).

7. Primak T.K., Serova O.A. Garmonizatsiya, unifikatsiya, standartizatsiya v doktrine, pravoobrazovanii i pravoprimenenii [Harmonization, unification, standardization in doctrine, law formation and law enforcement]. *Yuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta*, 2015, no. 3, pp. 71–78. (In Russ.).

8. Lyublinsky P.I. *Tekhnika, tolkovanie i kazuistika ugovolnogo kodeksa* [Technique, interpretation and casuistry of the criminal code]. Moscow: Zertsalo Publ., 2004. 248 p. (In Russ.).

9. Anisimov V.F., Truntsevsky Yu.V. *Vtorzhenie mezhdunarodnogo prava v natsional'nyu pravovuyu sistemu* [Invasion of international law into the national legal system]. *Pravoprimenenie*, 2021, vol. 5, no. 1, pp. 40–57. (In Russ.).

10. Tkachuk O.V. *Otsylka kak tekhniko-yuridicheskii priem soglasovaniya rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Reference as a technical and legal technique for coordinating Russian and international law]. *Yuridicheskaya tekhnika*, 2007, no. 1, pp. 245–247. (In Russ.).

11. Avdeeva M.V. *Osobennosti tekhniki implementatsii mezhdunarodnykh ugovolno-pravovykh norm v rossiiskoe zakonodatel'stvo* [Features of the technique of implementing international criminal law norms into Russian legislation]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, 2012, no. 4, pp. 215–227. (In Russ.).

12. Ovsepyan Zh.I. *Status istochnikov mezhdunarodnogo prava vo vnutrigosudarstvennoi (natsional'noi) pravovoi sisteme (voprosy integratsii mezhdunarodnogo prava Rossiiskoi Federatsiei)*. Ch. II. *Istochniki mezhdunarodnogo prava kak chast' pravovoi sistemy Rossii* [Status of sources of international law in the domestic (national) legal system (issues of integration of international law by the Russian Federation). Part II. Sources of international law as part of the legal system of Russia]. *Severo-Kavkazskii yuridicheskii vestnik*, 2010, no. 4, pp. 55–69. (In Russ.).

13. Kibalnik A.G., Shibkov O.N. *Formy vliyaniya mezhdunarodnogo ugovolnogo prava na rossiiskoe ugovolnoe pravo* [Forms of influence of international criminal law on Russian criminal law]. *Obshchestvo i pravo*, 2011, no. 4 (36), pp. 157–160. (In Russ.).

14. Gaverdovsky A.S. *Implementatsiya norm mezhdunarodnogo prava* [Implementation of international law norms]. Kiev: Vyshcha shkola, 1980. 317 p. (In Russ.).

15. Tumanov V.A. *Evropeiskii Sud po pravam cheloveka. Ocherk organizatsii i deyatel'nosti*. [European Court of Human Rights. Essay on organization and activities]. Moscow: NORMA Publ., 2001. 295 p. (In Russ.).

16. Tiunov O.I. *Vliyanie mezhdunarodnykh dogovorov i mezhdunarodno-pravovykh obychaev na natsional'noe zakonodatel'stvo* [The impact of international treaties and international legal customs on national legislation]. *Vestnik RGGU. Seriya «Ekonomika. Upravlenie. Pravo»*, 2009, no. 11, pp. 269–286. (In Russ.).

17. Rodionova T.A. *Ponyatie i klassifikatsiya vliyaniya mezhdunarodnogo prava na rossiiskoe ugovolnoe zakonodatel'stvo* [Concept and classification of the impact of international law on Russian criminal legislation]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2011, no. 29 (244), pp. 69–74. (In Russ.).

18. Tiunov O.I., Kashirkina A.A., Morozov A.N. *Vliyanie norm mezhdunarodnogo prava na razvitie natsional'nogo zakonodatel'stva* [The impact of international law on the

development of national legislation]. *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2010, no. 6 (162), pp. 35–44. (In Russ.).

19. Pugina O.A. Vliyanie norm mezhdunarodnogo prava na razvitie natsional'nogo zakonodatel'stva [Implementation of elements of the common law system in Russian legislation]. Cand. Dis. (Legal Sci.). Synopsis. Moscow, 2004. 28 p.

20. Bondar N.S. Bukva i dukh rossiiskoi Konstitutsii: 20-letnii opyt garmonizatsii v svete konstitutsionnogo pravosudiya [The letter and spirit of the russian constitution: 20 years of harmonization in the light of constitutional justice]. *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2013, no. 11, pp. 5–17. (In Russ.).

21. Vdovin V.A. Implementatsiya mezhdunarodno-pravovykh norm v ugovnom prave Rossiiskoi Federatsii (voprosy Obshchei chasti) [Implementation of international legal norms in the criminal law of the Russian Federation (issues of the General Part)]. Cand. Dis. (Legal. Sci.). Cynopsis. Kazan, 2006. 32 p. (In Russ.).

22. Knyazkina A. K. Mezhdunarodnyi dogovor kak osnovanie kriminalizatsii deyanii [International treaty as a basis for criminalization of acts]. *Lex Russica*, 2015, no. 9 (vol. CVI) pp. 73–86. (In Russ.).

23. Babaev M.M., Pudovochkin Yu.E. Ugolovnaya politika i ugovnoe pravo sil'nogo gosudarstva [Criminal policy and criminal law of a strong state]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, 2023, vol. 18, no. 2 (147), pp. 131–144. (In Russ.).

Информация об авторах

Е.А. Углова – начальник отдела научной информации, издательской деятельности и библиографического обеспечения Дальневосточного юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, Владивосток, Российская Федерация, vladivostok200@mail.ru.

Information about the authors

E.A. Uglova, Head of the Department of Scientific Information, Publishing and Bibliographic Support of the Far Eastern Law Institute (Branch) University Prosecutor's Office of the Russian Federation, Vladivostok, Russian Federation, vladivostok200@mail.ru.

Статья поступила в редакцию / The article received 20.07.2024;

одобрена после рецензирования / revised 13.08.2024;

принята к публикации / accepted 03.09.2024.

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, № 3. С. 195–211.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2024. Vol. 26, no. 3. P. 195–211.

Научная статья

УДК 342.41(510)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2024-3/195-211>

**Научный смысл и суть концепции
«верховенства Конституции в управлении государством»
и «верховенства Конституции в исполнении властных полномочий»
в КНР***

Чжан Вэньсянь

Цзилиньский университет, Китайская Народная Республика

✉ lawreader@139.com

Аннотация. Верховенство Конституции в исполнении властных полномочий и государственном управлении – это суть идей Си Цзиньпина о верховенстве закона. Китайские концепции верховенства Конституции в управлении государством и исполнении властных полномочий принципиально отличаются от так называемого западного «конституционализма». Суть принятия Конституции в качестве основного руководства к действию заключается в том, чтобы лучше преобразовать конституционный институт в эффективный способ управления страной. Приверженность всеобъемлющему руководству КПК является одним из основных требований Конституции Китая и составляет суть верховенства Конституции в управлении государством и исполнении властных полномочий. «Народ» является целью верховенства Конституции в управлении государством и исполнении властных полномочий. Следование комплексу социалистических институтов с китайской спецификой предполагает поддержание, укрепление и совершенствование сущностных, базовых и важных институтов, определенных Конституцией. Для этого необходимо придерживаться ор-

*Данная работа является частью академического перевода монографии «Создание теории правового Китая», выполненного Государственным фондом общественных наук Китая в 2022 г. Перевод выполнили Лун Чанхай, доктор юридических наук, профессор Юридического института Университета Внутренней Монголии (longchanghai@imu.edu.cn), Чжоу Хэн, доктор юридических наук, доцент Юридического института Университета Внутренней Монголии (zhouheng@imu.edu.cn), Иванов Сергей Александрович, кандидат исторических наук, независимый исследователь (02isa02@mail.ru).

© Чжан Вэньсянь., 2024

ганического единства руководства партии, верховенства закона в управлении государством и роли народа как полновластного хозяина в стране, чтобы реализовать фундаментальное право народа управлять государством, а также повысить жизнеспособность партии и государства, мобилизовать энтузиазм народа, расширить социалистическую демократию и развить социалистическую политическую цивилизацию. Верховенство Конституции в управлении государством и исполнении властных полномочий играет ведущую роль в обеспечении всеобъемлющего верховенства закона в управлении государством и должно основываться на его глубоком внедрении. Верховенство закона в управлении государством и исполнении властных полномочий и верховенство правил в управлении партией – это не околонуточные игры в термины, а научное выражение богатой практики и диалектической взаимосвязи всеобъемлющего управления государством в соответствии с законом.

Ключевые слова: Китай, верховенство закона, верховенство Конституции в управлении государством, верховенство Конституции в исполнении властных полномочий, идеи Си Цзиньпина о верховенстве закона, приверженность всеобъемлющему руководству КПК

Для цитирования: Чжан Вэньсянь. Научный смысл и суть концепции «верховенства Конституции в управлении государством» и «верховенства Конституции в исполнении властных полномочий» в КНР // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, № 3. С. 195–211.

Original article

Scientific meaning and essence of the concepts of ‘supremacy of the Constitution in the state governance’ and ‘supremacy of the Constitution in the exercise of power’ in the PRC

Zhang Wenxian

Jilin University, People's Republic of China

✉ lawreader@139.com

Abstract. The supremacy of the Constitution in the exercise of power and state governance is the essence of Xi Jinping's ideas on the rule of law. Chinese conceptions of the supremacy of the Constitution in state governance and the exercise of power are fundamentally different from so-called Western "constitutionalism". The essence of adopting the Constitution as a basic guide to action is to better transform the constitutional institution into an effective way of governing the country. Adherence to the comprehensive leadership of the CPC is one of the basic requirements of the Chinese Constitution and constitutes the essence of the supremacy of the Constitution in governing the state and exercising power.

"The people" is the goal of the supremacy of the Constitution in governing the state and exercising power. Following the set of socialist institutions with Chinese characteristics involves maintaining, strengthening and improving the essential, basic and important institutions defined by the Constitution. To this end, it is necessary to adhere to the organic unity of the Party leadership, the rule of law in governing the state and the role of the people as full masters in the country, so as to realize the fundamental right of the people to govern the state, and to enhance the vitality of the Party and the state, mobilize the enthusiasm of the people, expand socialist democracy and develop socialist political civilization. The supremacy of the Constitution in the governance of the state and the exercise of power plays a leading role in the comprehensive rule of law in the governance of the state and should be based on its deep implementation. The rule of law in the governance of the state and the exercise of power and the rule of rules in party governance are not pseudoscientific games of terms, but the scientific expression of the rich practice and dialectical relationship of comprehensive governance of the state in accordance with the law.

Keywords: China, rule of law, supremacy of the Constitution in governing the state, supremacy of the Constitution in exercising power, Xi Jinping's ideas on the rule of law, commitment to the comprehensive leadership of the CCP

For citation: Zhang Wenxian. Scientific meaning and essence of the concepts of 'supremacy of the Constitution in the state governance' and 'supremacy of the Constitution in the exercise of power' in the PRC Pacific Rim. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*, 2024, vol. 26, no. 3, pp. 195–211. (In Russ.).

Идеи Си Цзиньпина о верховенстве закона всесторонне рассматривают научный смысл и суть управления государством и осуществление власти в соответствии с Конституцией. Они систематически разъясняют руководящую идеологию и научные методы укрепления конституционного строительства в соответствии с требованиями времени. Они важны для непрерывного совершенствования механизмов удовлетворения потребностей населения в верховенстве Конституции. Они оригинально, самобытно и комплексно развили марксистский взгляд на Конституцию и правовую теорию социализма с китайской спецификой, заложили идеологический фундамент и политическую базу для партии в ее приверженности верховенству Конституции в управлении государством, а также обеспечили научное сопровождение всесторонней реализации Конституции, утвердив ее первостепенное значение в государственных делах, обеспечении стабильности, проведении политики и возрождении нации.

Приверженность верховенству Конституции в исполнении властных полномочий и государственном управлении является обобщением исторического опыта партии в руководстве народом в его вековой борьбе, а также институциональным требованием конституционной концепции социализма с китайской спецификой. Для по-

нимания ее настоящей сути необходимо сначала прояснить ее отличие от западного «конституционализма». «Конституционализм» – одно из основных понятий западной политологии и юриспруденции, а его теоретическими идентификаторами являются «три ветви власти», «многопартийная система поочередного правления» и «парламентская демократия». Китайские концепции верховенства Конституции в управлении государством и исполнении властных полномочий принципиально отличаются от так называемого западного «конституционализма». Их не стоит путать. Си Цзиньпин подчеркивал: говоря о верховенстве Конституции в управлении государством и исполнении властных полномочий, мы отсылаем именно к Конституции Китайской Народной Республики, а не к конституциям других стран; наша практика реализации верховенства Конституции в управлении государством и исполнении властных полномочий – это стремление КПК привести народ к долгосрочному правлению и государственному управлению в соответствии с Конституцией, и оно никоим образом не направлено на отрицание или отказ от лидерства КПК; приверженность верховенству Конституции в управлении государством и исполнении властных полномочий должна начинаться с решительной приверженности конституционно закреплённому руководству Коммунистической партии Китая, непоколебимой приверженности конституционно закреплённому государственному строю диктатуры народной демократии и политического режима собраний народных представителей, несокрушимой приверженности пути политического развития социализма с китайской спецификой, который органично объединяет партийное руководство, верховенство закона в управлении государством и роль народа как полновластного хозяина в стране. Это, в сущности, и указывает на научный смысл и суть верховенства Конституции в управлении государством и исполнении властных полномочий.

1. Конституция как основополагающий кодекс деятельности партии в управлении государством и осуществлении власти

В этом и заключается смысл понятия «верховенство Конституции». В Конституции Китая четко прописано, что народы всех национальностей, все государственные органы и вооруженные силы, все политические партии и социальные группы, все предприятия и учреждения должны принимать Конституцию в качестве основного критерия своей деятельности, и что они обязаны защищать достоинство Конституции и обеспечивать ее выполнение. Принятие Конституции в качестве основного руководства для деятельности партии по управлению страной означает, что партия ведет за собой народ в принятии и реализации конституционных законов, при этом сама партия должна действовать в рамках Конституции и закона. «Этот важный вывод сделан партией после глубокого обобщения положительного и отрицательного исторического опыта с момента основания нового Китая, особенно горьких уроков «культурной революции». Он сводится к важному принципу, которому партия

должна следовать в своем управлении страной» [1, с. 201]. Си Цзиньпин подчеркивал, что «партия и государство должны воспринимать Конституцию как фундаментальное руководство для своей деятельности, охранять достоинство Конституции, обеспечивать ее выполнение, поддерживать социальную справедливость и постоянно повышать уровень верховенства закона в политической и социальной жизни страны» [1, с. 201]. В частности, «партия должна, прежде всего, взять на себя ведущую роль в соблюдении и исполнении Конституции, а также объединить руководство народом в принятии и исполнении Конституции и законов с приверженностью партии руководствоваться Конституцией и законами в своей деятельности» [2, с. 217].

Основные требования, связанные с принятием Конституции в качестве фундаментального руководства для своей деятельности, включают, во-первых, то, что партийные и государственные органы должны принимать Конституцию в качестве высшей правовой нормы, действовать в рамках норм и духа Конституции и осуществлять всю свою работу в соответствии с полномочиями и процедурами, установленными Конституцией, проводить все начинания и работу партии и государства в рамках правовой системы социализма с китайской спецификой, которая опирается на Конституцию и Устав партии, и обеспечивать, чтобы исполнительная, законодательная, административная, контрольная и судебная власти действовали на основе верховенства закона. Во-вторых, партийные и государственные организации всех уровней и руководящие кадры всех уровней должны взять на себя инициативу, сделав следование Конституции основополагающим кодексом поведения, и показать пример всему обществу в отстаивании авторитета Конституции. В-третьих, все нормативные документы должны соответствовать духу и положениям Конституции, подлежать конституционному контролю, не противоречить Конституции, а все нормативные документы, нарушающие дух и положения Конституции, должны быть отозваны и исправлены в соответствии с законом.

Суть принятия Конституции в качестве основного руководства к действию заключается в том, чтобы лучше преобразовать конституционный институт в эффективный способ управления страной. Си Цзиньпин отмечал, что «партия руководит народом в разработке и совершенствовании Конституции, чтобы в полной мере реализовать ее важную роль в управлении государством» [3, с. 128] и чтобы основной закон страны в конечном итоге мог направлять и гарантировать модернизацию системы государственного управления и управленческого потенциала. Модернизация системы государственного управления требует разработки и применения Конституции, чтобы сделать соответствующие институты более научно обоснованными, скоординированными и стандартизированными. Для модернизации управленческого потенциала государства важны стандарты и инструменты управления, определенные Конституцией, чтобы повысить исполнительные способности институтов. Практика доказала, что, подтвердив и закрепив сущностные, базовые и важные институты госу-

дарства с помощью Конституции и законов, а также используя государственное принуждение для обеспечения их функционирования, можно гарантировать системный, нормативный, скоординированный и стабильный характер системы управления страной и постепенно осуществлять регламентацию, институционализацию, процедуру и легитимацию государственного управления.

2. Приверженность всеобъемлющему руководству партии и повышение ее потенциала политической власти

Наиболее существенной чертой социализма с китайской спецификой является руководство КПК. Оно является важнейшим преимуществом институтов социализма с китайской спецификой. КПК обладает высшей политической силой в стране. Конституция Китая определила долгосрочный характер правления и всеобъемлющее руководство КПК. Приверженность этому руководству является одним из основных требований Конституции Китая и составляет суть верховенства Конституции в управлении государством и исполнении властных полномочий. В новую эпоху следование всеобъемлющему руководству партии прежде всего означает решительно поддерживать Си Цзиньпина в качестве ядра ЦК КПК и центральной фигуры всей партии, а также решительно отстаивать авторитет, централизованное и единое руководство ЦК КПК. Руководство партии, верховенство Конституции в управлении государством и исполнении властных полномочий едины. Конституционное строительство должно придерживаться руководства партии, а руководство партии должно опираться на Конституцию. Только приверженность партии верховенству Конституции в управлении государством и исполнении властных полномочий позволит народу реализовать свое право быть хозяином в своей стране и обеспечит поступательное развитие всеобъемлющего верховенства закона в управлении государством.

В следовании верховенству Конституции в управлении государством и исполнении властных полномочий необходимо уделять больше внимания совершенствованию методов руководства и управления партии. В новых условиях, если партия хочет выполнить важное обязательство правления ради развития страны, она должна управлять строго в соответствии с Уставом партии и Конституцией. Необходимо придерживаться центральной руководящей роли партии с функциями полного контроля ситуации и координации всех сторон, следовать всеобъемлющему верховенству Конституции в выработке базовой стратегии управления государством и ключевых методов правления на основе закона. «Руководство партии должно постоянно укрепляться и совершенствоваться, оно должно быть искусным в том, чтобы посредством правовых процедур предложения партии становились волей государства, а кандидаты, рекомендованные партийными организациями, становились руководителями государственных органов власти. Партия должна эффективно руководить государством и обществом через органы государственной власти, применять принцип

демократического централизма для сохранения авторитета партии и государства, единства и солидарности партии в целом» [4, с. 71]. Она должна быть лидером в законотворчестве, обеспечении правопорядка, поддержке судебной системы и законности. Партийные организации всех уровней, партийные лидеры и кадры должны в строгом соответствии с конкретными требованиями Конституции и Устава партии играть ведущую роль в реализации принципа верховенства закона, постоянно совершенствовать свои способности и возможности использовать правовые методы и правовое мышление для углубления реформ, продвижения вперед развития, разрешения противоречий, сохранения стабильности и преодоления рисков.

Приверженность верховенству Конституции в управлении государством и осуществлении власти требует продвижения легитимации и институционализации партийного руководства. Си Цзиньпин неоднократно отмечал, что «содействие институционализации и легитимации партийного руководства – это и суть укрепления партийного руководства, и важная задача правового строительства» [5, с. 223]. 4-й пленум ЦК КПК 19-го созыва, сосредоточившись на «соблюдении и совершенствовании системы партийного руководства, повышении уровня научного, демократического и правового правления партии», потребовал создать институты, позволяющие не предавать забвению первоначальный замысел и помнить о миссии, а также усовершенствовать институты, обеспечивающие надежную защиту авторитета, централизованное и единое руководство ЦК КПК. Он также заявил о необходимости совершенствовать институты всеобъемлющего партийного руководства, оздоровить различные институты осуществления власти, действующие ради народа и опирающиеся на него, усилить институты, направленные на повышение уровня руководства партии и ее способности править, улучшить институциональную систему партийного руководства, предлагающую всеобъемлющее видение и координацию всех аспектов работы партии, а также внедрить партийное руководство во все аспекты и звенья государственного управления. Необходимо претворять в жизнь положения Конституции и способствовать дальнейшему продвижению правовых методов руководства партии. Принятие и изменение соответствующих законов и постановлений должно четко определять правовой статус партии в руководстве соответствующей работой. Партии важно совершенствовать руководство собраниями народных представителей, правительствами, народными политическими консультативными советами, контрольными органами, судебными органами, органами прокуратуры, вооруженными силами, народными объединениями, предприятиями и учреждениями, низовыми организациями массового самоуправления и общественными организациями. Следует совершенствовать механизмы осуществления партийного руководства местными комитетами партии, партийными группами и рабочими органами партии. Необходимо внедрить и усовершенствовать правила, регулирующие руководящую роль партийных комитетов (партийных групп) на государственных предприятиях и низовых пар-

тийных организаций в сельских районах, учреждениях и уличных комитетах. В соответствии с Конституцией требование о приверженности общему руководству партии должно быть закреплено в органических законах о государственных учреждениях, уставах народных политических консультативных советов, демократических партий, ассоциаций промышленности и торговли, народных объединений, государственных предприятий, высших учебных заведений и соответствующих общественных организаций. Необходимо совершенствовать систему правил, регулирующих руководство партией этими организациями, и обеспечить, чтобы под руководством партии государственные органы и общественные организации всегда работали инициативно, независимо, ответственно и согласованно. Следует придерживаться демократического централизма, совершенствовать механизмы принятия решений партийными комитетами всех уровней в соответствии с законом, повышать способность и уровень партийного правления в соответствии с законом. В то же время необходимо уделять внимание эффективному согласованию Конституции и Устава партии, постоянно совершенствовать интеграцию и сближение государственных законов и актов с системой внутрипартийных правил, постоянно содействовать институционализации и легитимации руководства партии, а также обеспечивать эффективное осуществление линии и политики партии с помощью верховенства закона.

3. Приверженность ориентированному на людей подходу и доминирующей роли народа

Чаяния народа – это величайшая политика, а справедливость – самая мощная сила. Корни, жизнь, силы партии – это народ. Народ – главный источник вдохновения партии в ее политике по возрождению страны. Главным преимуществом и высшими принципами партийного осуществления власти и управления государством в соответствии с Конституцией является осуществление власти ради народа и с опорой на него. Конституция – это концентрированное выражение воли партии и народа, правовое воплощение народной демократии и основной свод прав народа. Таким образом, «народ» является целью верховенства Конституции в управлении государством и исполнении властных полномочий. Прежде всего необходимо сделать стремление к благополучию людей своей основной миссией и надежно гарантировать гражданам реализацию прав и выполнение обязанностей. Основные права и обязанности граждан составляют ядро Конституции, которая является фундаментальной гарантией того, что каждый гражданин может пользоваться своими правами и выполнять свои обязанности. Только уважая и защищая права человека, обеспечивая людям широкий спектр прав и свобод в соответствии с законом и гарантируя равенство граждан перед законом, можно добиться того, чтобы Конституция прочно укоренилась в сердцах и умах людей, а ее реализация действительно стала осознанным стремлением всего народа. В соответствии с законом все граждане должны пользо-

ваться широким спектром прав, включая личные, имущественные и неимущественные права, а также основные политические, экономические, культурные и социальные права. Необходимо стремиться к соблюдению основных интересов как можно более широкого круга людей, а также к удовлетворению чаяний и стремления людей к лучшей жизни.

Также необходимо развивать народную демократию полного процесса. Народная демократия – это жизненная основа социализма. Без демократии не может быть ни социализма, ни модернизации в условиях социализма, ни великого возрождения китайской нации. Народная демократия – это фундамент и сердце Конституции. Именно она придает основному закону Китая непреходящую жизнеспособность. Верховенство Конституции в управлении государством и осуществлении власти означает поддержку и защиту права народа быть хозяином страны, развитие политики социалистической демократии и сохранение народной демократии на пути реализации верховенства закона и развития политики социализма с китайской спецификой. После 18-го съезда КПК Центральный комитет партии во главе с товарищем Си Цзиньпином продолжил углублять понимание законов развития демократической политики и новаторски назвал народную демократию, которая включает в себя демократические выборы, демократические консультации, демократическое принятие решений, демократическое управление и демократический надзор, «народной демократией полного процесса». Си Цзиньпин подчеркивал: «Народная демократия полного процесса в Китае имеет не только полноценные институциональные процедуры, но и полноценную практику участия ... Народная демократия полного процесса в Китае реализует единство демократии как процесса и демократии как результата, демократии как процедуры и демократии как сущности, прямой и опосредованной демократии, демократии народа и воли государства. Она охватывает все звенья, направления и сферы и является самой широкой, истинной и функциональной формой социалистической демократии» [6, с. 13]. Конституция Китая – это важное институциональное достижение и фундаментальная институциональная гарантия реализации народной демократии полного процесса. Развитие народной демократии полного процесса и следование верховенству Конституции в управлении государством и осуществлении власти тесно связаны между собой и усиливают друг друга.

Наконец, необходимо отстаивать благородную ценность социальной справедливости и равенства, эффективно поддерживать и развивать ее. Конституция КНР придерживается социалистических принципов. Одно из основных требований научного социализма – социальная справедливость, отличительной чертой которой является «всеобщее процветание». Соответственно, следование верховенству Конституции в управлении государством и исполнении властных полномочий требует обеспечения и поощрения социальной справедливости, постоянного совершенствования системы равенства прав, возможностей и правил, чтобы плоды правовых реформ и строитель-

ства приносили больше пользы всему народу и были более справедливыми. Путем эффективного применения Конституции необходимо «стремиться к тому, чтобы люди чувствовали справедливость и равенство в каждом правовом институте, в каждом правоохранительном решении и в каждом судебном деле» [7, с. 10].

4. Поддержка и совершенствование институтов социализма с китайской спецификой, предусмотренных Конституцией

Социалистические институты с китайской спецификой, сформированные народом под руководством КПК в ходе длительного практического поиска, сочетают основные принципы марксизма с конкретными реалиями Китая, опираются на глубокие исторические и культурные традиции, накопленные китайской нацией за 5000 лет, впитали и использовали полезные достижения человеческой институциональной цивилизации, а также прошли длительную проверку на практике. Благодаря этому они непременно являются великим творением в истории институциональной цивилизации человечества и представляют собой систему работающих, эффективных, действенных, принимаемых и поддерживаемых народом институтов. Эти институты должны обладать очевидными преимуществами и мощной энергией, чтобы стабильно развиваться в долгосрочной перспективе.

Следование комплексу социалистических институтов с китайской спецификой, прежде всего, предполагает поддержание, укрепление и совершенствование существенных, базовых и важных институтов, определенных Конституцией. Этому способствует верховенство Конституции в управлении государством и исполнении властных полномочий, которое позволяет укреплять основу социалистических институтов. Назначение Конституции – это укрепление института руководства Коммунистической партии Китая и государственного строя диктатуры народной демократии, это следование политическому режиму института собраний народных представителей, фундаментальным руководящим положениям марксизма в идеологии и институту абсолютного партийного руководства народной армией. Основным законом страны привержен фундаментальным экономическим институтам социализма, включая систему социалистической рыночной экономики, в которой общественная собственность является основой при одновременном развитии многообразия форм собственности и в которой распределение по труду является основой при сосуществовании многообразия форм распределения. Важно сохранять фундаментальные политические институты, включая институт многопартийного сотрудничества и политических консультаций под руководством КПК, институт региональных этнических автономий и институт массового самоуправления на низовом уровне. Нужно придерживаться важных институтов во всех областях и на всех уровнях. Самое главное – неизменно следовать институту партийного руководства, закреплённому Конституцией, и никогда не вступать в многопартийную конкуренцию или ротацию полити-

ческих партий, чтобы избежать возникновения феномена сдерживания политических партий друг другом, серьезных внутренних конфликтов и раскола государства. Необходимо неуклонно поддерживать определенный Конституцией государственный строй диктатуры народной демократии и форму правления собраний народных представителей, осуществлять государственную власть научно, демократически и эффективно под централизованным и единым руководством партии, при разумном разделении функций государственных органов и их тесном взаимодействии, при полном осуществлении демократии и эффективном проведении централизации. Нельзя проводить деление на «три ветви власти» и допускать такие нежелательные явления, как обсуждение без решения, решение без действия и действие без учета реальности.

На новом пути в новую эпоху всестороннего строительства современного социалистического государства необходимо, исходя из твердой веры в институты социализма с китайской спецификой, постоянно совершенствовать и развивать их с учетом национальных условий Китая. Это необходимое условие для реализации верховенства Конституции в управлении государством и исполнения властных полномочий. Важно, руководствуясь духом новаторства и справедливости, ускорить совершенствование институтов, которые крайне необходимы для управления страной, чтобы удовлетворить растущие потребности населения в лучшей жизни. Основываясь на системе конституционных институтов и исходя из реальных условий, нужно продолжать развивать институциональные инновации, совершенствовать законодательство в ключевых областях, своевременно обобщать положительный опыт и передовую практику, а также оперативно внедрять зрелый опыт и практику в институты, законы и Конституцию.

Как отметил Си Цзиньпин, «с развитием эпохи и продвижением реформ задача модернизации государственного управления все больше требует создания научно совершенной системы правовых норм». Исходя из необходимости придерживаться и совершенствовать сущностные, базовые и важные институты, которые уже были созданы и проверены на практике, важно сосредоточиться на пробелах и противоречиях в правовых институтах, обеспечить скоординированное планирование и комплексное содействие работе по принятию, корректировке, отмене и разъяснению законов и подзаконных актов, а также ускорить создание надежных правовых институтов, которые крайне необходимы для управления страной и удовлетворения растущих потребностей народа в лучшей жизни [8, с. 275]. Придерживаясь и совершенствуя институты социализма с китайской спецификой, необходимо активизировать их внедрение, чтобы их очевидные преимущества можно было преобразовать в практическую полезность государственного управления. Это обеспечит эффективное сближение и взаимное продвижение «китайских институтов» и «китайского правления».

5. Приверженность политическому и правовому пути социализма с китайской спецификой

С момента образования КНР и особенно после проведения политики реформ и открытости партия объединила и повела за собой народ, успешно освоила и поддерживала политический и правовой путь социализма с китайской спецификой. Основные идеи, главное содержание и требования этого пути были подтверждены и воплощены в Конституции, установившей правильное направление для реализации максимально широкой народной демократии.

Этот путь и является ключом к верховенству Конституции в управлении государством и исполнении властных полномочий. Иными словами, мы должны придерживаться органического единства руководства партии, верховенства закона в управлении государством и роли народа как полновластного хозяина в стране, чтобы реализовать фундаментальное право народа управлять государством, а также повысить жизнеспособность партии и государства, мобилизовать энтузиазм народа, расширить социалистическую демократию и развить социалистическую политическую цивилизацию. В соответствии с принципом демократического централизма формой организации государственной власти и критериями ее деятельности, установленными Конституцией, собрания народных представителей осуществляют единое государственное управление. Полномочия по принятию решений, их исполнению и контролю благоразумно разделены и согласованы, чтобы государственные органы осуществляли свои полномочия и обязанности в соответствии с законными полномочиями и процедурами и организовывали свою деятельность единообразно и эффективно. В соответствии с институтами и принципами, установленными Конституцией, необходимо правильно регулировать центр-региональные, межэтнические и межгрупповые отношения, мобилизовать все благоприятные факторы, укреплять и развивать стабильную, единую и жизнеспособную политическую систему. Руководствуясь духом Конституции, следуя новым требованиям расширения народной демократии и содействия социально-экономического развитию, необходимо активно и неуклонно продвигать реформу политических институтов, развивать более широкую, полную и совершенную народную демократию. Это позволит в полной мере использовать превосходство политических институтов социализма в Китае, постоянно содействовать их самосовершенствованию и развитию, а также ускорить строительство правовой системы социализма с китайской спецификой.

После долгих усилий Китая удалось инициировать, поддерживать и развивать движение по политическому и правовому пути социализма с китайской спецификой, характеристики которого закреплены в преамбуле и положениях Конституции КНР. Приверженность верховенству Конституции в управлении государством и исполнении властных полномочий, конечно, подразумевает следование по правильному по-

литическому и правовому пути, а также уверенность и непоколебимость на политическом и правовом пути социализма с китайской спецификой, определенном основным законом страны.

6. Глубокое внедрение всеобъемлющего верховенства закона в управлении государством

Верховенство Конституции в управлении государством и исполнении властных полномочий играет ведущую роль в обеспечении всеобъемлющего верховенства закона в управлении государством и должно основываться на его глубоком внедрении. Конституция закрепила основные принципы социалистического права и четко определила, что Китайская Народная Республика должна следовать верховенству закона в управлении государством, строить социалистическое правовое государство, охранять единство и достоинство социалистической законности. Полная реализация базовой стратегии верховенства закона в управлении государством предполагает: строительство правовой системы социализма с китайской спецификой и социалистического правового государства в качестве главной цели и главного подхода; использование программы строительства правового Китая в качестве общей рамки; полное исполнение Конституции; единое продвижение строительства системы правовых норм, системы их реализации, системы правового контроля, системы правовых гарантий и системы внутрипартийных правил; всестороннее продвижение научно обоснованного законодательства, строгого соблюдения законов, справедливого отправления правосудия и всеобщего законопослушания. Всеохватывающий рабочий механизм конституционного контроля гарантирует, что все части и звенья правовой системы социализма с китайской спецификой будут основываться на духе и принципах Конституции. Необходимо всесторонне углубить реформу в области верховенства закона, построить систему правительственного управления с четкими функциональными обязанностями и верховенством закона в их выполнении, а также обеспечить прорыв в строительстве правового правительства. Важно углубить комплексную реформу судебной системы, усилить надзор и контроль за судебной деятельностью, обеспечить справедливость, чистоту, эффективность и авторитет правосудия. Следует создавать инновационные механизмы популяризации права, пропаганды и просвещения в области верховенства закона для продвижения правового духа социализма, формирования правовой культуры социализма и превращения верховенства закона в образ мышления и привычку поведения во всем обществе. Важно укреплять институты правовых гарантий социальной справедливости и равенства, а также совершенствовать механизмы защиты прав человека. Следует комплексно планировать продвижение верховенства закона во внутренних и международных делах, активно участвовать в построении верховенства закона на международном уровне, твердо поддерживать международный порядок, основанный на международном праве,

и усилить защиту суверенитета, безопасности и интересов развития государства. Важно придерживаться конституционного курса, чтобы способствовать модернизации государственного управления и правовой модернизации по китайскому образцу. Эти тезисы составляют основное содержание всеобъемлющего верховенства закона в управлении государством и отражают конкретное развитие верховенства Конституции в управлении государством и осуществлении власти. Они описывают образ правового Китая, который формируется под воздействием конституционного духа страны на правовую систему.

7. Приверженность единству верховенства Конституции в управлении государством и осуществлении власти

Управление государством и осуществление власти в соответствии с Конституцией – это не два отдельных понятия. Они тесно связаны между собой и взаимно дополняют друг друга, составляя единое целое. Это единство выражается в следующем: во-первых, они едины в конституционной практике руководства КПК. Верховенство Конституции в управлении государством означает, что Конституция является общим уставом и общей основой для государственного управления, а верховенство Конституции в исполнении властных полномочий подчеркивает, что Конституция – это фундаментальное правовое основание для долгосрочного правления КПК как руководящей и центральной силы в стране. Эти положения закреплены в Конституции Китайской Народной Республики. Партия достигает всеобъемлющего руководства законодательной, исполнительной, контрольной, судебной и прокурорской властью путем осуществления предусмотренных Конституцией руководящих и исполнительных полномочий, реализуя в конституционной практике органическое единство партийного руководства народом. Во-вторых, единство достигается через внутреннюю совместимость Конституции и Устава партии. Конституция и Устав партии являются высшей основой и фундаментальным руководством для осуществления партией руководящей и исполнительной власти. Поддержание единства двух документов с точки зрения базовых теоретических, программных и институциональных положений является неизбежным требованием для верховенства закона в управлении государством и осуществлении власти. Конституция – это кристаллизация общей воли партии и народа. Устав партии также воплощает волю партии и народа. Эти два документа связаны, согласованы и сформулированы как с точки зрения юриспруденции, так и с точки зрения основополагающих норм, о чем свидетельствует практика одновременного или последовательного внесения поправок в Устав партии и Конституцию после начала проведения политики реформ и открытости. В-третьих, единство достигается через системную инженерию всеобъемлющего верховенства закона в управлении государством. Всеобъемлющее верховенство закона в

управлении государством – это проект системной инженерии, и его системность заключается в органическом единстве верховенства закона в управлении государством и исполнении властных полномочий и верховенства правил в управлении партией. Общая цель и общая направленность всеобъемлющего верховенства закона в управлении государством заключается в построении правовой системы социализма с китайской спецификой и социалистического правового государства. Идеи Си Цзиньпина о верховенстве закона творчески включают систему партийных правил, основанных на Уставе партии, в систему верховенства закона, подчеркивая единую взаимосвязь в реальной практике между верховенством закона в управлении государством и исполнением властных полномочий и верховенством правил в управлении партией. Как видно, опора на практику КПК в управлении народом и государством позволяет избежать метафизические концептуальные споры. Верховенство закона в управлении государством и исполнении властных полномочий и верховенство правил в управлении партией – это не околонучные игры в термины, а научное выражение богатой практики и диалектической взаимосвязи всеобъемлющего управления государством в соответствии с законом. Как красноречиво отметил Си Цзиньпин, «верховенство закона в управлении государством – это базовая стратегия управления государством, определенная нашей страной. Реализация такого верховенства зависит от того, сможет ли партия придерживаться верховенства закона в осуществлении власти, и сможет ли правительство на всех уровнях следовать верховенству закона в выполнении административных функций» [9, с. 113]. «Только когда верховенство норм в управлении партией станет основой партийной жизни, только тогда верховенство закона в управлении государством станет основой жизни людей» [5, с. 223].

Список источников

1. 习近平.《切实尊崇宪法, 严格实施宪法》(2018年1月19日) // 习近平.《论坚持全面依法治国》. Си Цзиньпин. Эффективно соблюдать Конституцию и строго следовать ей (19.01.2018) // Си Цзиньпин. О приверженности всеобъемлющему верховенству закона в управлении государством. Пекин: Чжунъян вэньсянь чубаньшэ, 2020. 283 с.
2. 习近平.《关于我国宪法和推进全面依法治国》(2018年2月24日) // 习近平.《论坚持全面依法治国》. = Си Цзиньпин. О Конституции Китая и укреплении всеобъемлющего верховенства закона в управлении государством (24.02.2018) // Си Цзиньпин. О приверженности всеобъемлющему верховенству закона в управлении государством. Пекин: Чжунъян вэньсянь чубаньшэ, 2020. 283 с.
3. 习近平.《坚持依法治国首先要坚持依宪治国, 坚持依法执政首先要坚持依宪执政》(2014年12月–2018年12月) // 习近平.《论坚持全面依法治国》. = Си Цзиньпин. Приверженность верховенству закона в управлении государством и исполнении властных полномочий должна начинаться с приверженности Конституции (12.2014 –

12.2018) // Си Цзиньпин. О приверженности всеобъемлющему верховенству закона в управлении государством. Пекин: Чжунъян вэньсянь чубаньшэ, 2020. 283 с.

4. 习近平. 在庆祝全国人民代表大会成立六十周年大会上的讲话》(2014年9月5日) // 习近平.《论坚持全面依法治国》. Си Цзиньпин. Выступление на конференции по случаю 60-й годовщины создания Всекитайского собрания народных представителей (05.09.2014) // Си Цзиньпин. О приверженности всеобъемлющему верховенству закона в управлении государством. Пекин: Чжунъян вэньсянь чубаньшэ, 2020. 283 с.

5. 习近平. 在中央全面依法治国委员会第一次会议上的讲话》(2018年8月24日) // 习近平.《论坚持全面依法治国》. Си Цзиньпин. Выступление на 1-м заседании ЦК КПК по обеспечению всеобъемлющего верховенства закона в управлении государством (24 августа 2018 г.) // Си Цзиньпин. О приверженности всеобъемлющему верховенству закона в управлении государством. Пекин: Чжунъян вэньсянь чубаньшэ, 2020. 283 с.

6. 习近平.《在中央人大工作会议上的讲话》(2021年10月13日). Си Цзиньпин. Выступление на рабочем заседании ЦК КПК и ВСНП (13.10.2021) // Цюши. 2021. № 5. С. 13.

7. 习近平:《加强党对全面依法治国的领导》. Си Цзиньпин. Укреплять партийное руководство всеобъемлющим верховенством закона в управлении государством // Цюши. 2019. № 4. С. 10.

8. 习近平.《推进全面依法治国,发挥法治在国家治理体系和治理能力现代化中的积极作用》(2020年2月5日) // 习近平.《论坚持全面依法治国》. Си Цзиньпин. Продвигая всеобъемлющее верховенство закона в управлении государством и в полной мере реализуя его позитивную роль в модернизации системы государственного управления и управленческого потенциала (05.02.2020) // Си Цзиньпин. О приверженности всеобъемлющему верховенству закона в управлении государством. Пекин: Чжунъян вэньсянь чубаньшэ, 2020. С. 275.

9. 习近平:《加快建设社会主义法治国家》(2014年10月23日) // 习近平.《论坚持全面依法治国》. Си Цзиньпин. Ускорить строительство социалистического правового государства (23.10.2014) // Си Цзиньпин. О приверженности всеобъемлющему верховенству закона в управлении государством. Чжунъян Вэньсянь Чубаньшэ, 2020. С. 113.

References

1. Xi Jinping. Effectively respecting the Constitution and strictly enforcing it (19.01.2018). In: Xi Jinping. *On sticking to law-based governance of China*. Beijing: Zhongyang wenxian chubanshe, 2020. 283 p. (In Chin.).

2. Xi Jin-ping. On the Chinese Constitution and the strengthening of the comprehensive rule of law in state governance (24.02.2018). In: Xi Jinping. *On sticking to law-based governance of China*. Beijing: Zhongyang wenxian chubanshe, 2020. 283 p. (In Chin.).

3. Xi Jinping. Adherence to the state governance in accordance with the rule of law must begin with adherence to the state governance in accordance with the Constitution, and adherence to power exercise in accordance with the rule of law must begin with adherence to the power exercise in accordance with the Constitution (12.2014 – 12.2018). In: Xi Jinping. *On sticking to law-based governance of China*. Beijing: Zhongyang wenxian chubanshe, 2020. 283 p. (In Chin.).

4. Xi Jinping. Address to the General Assembly in celebration of the 60th Anniversary of the National People's Congress (05.09.2014). In: Xi Jinping. *On sticking to law-based governance of China*. Beijing: Zhongyang wenxian chubanshe, 2020. 283 p. (In Chin.).

5. Xi Jinping. Address at the first meeting of the Central Committee for the Comprehensive Rule of Law in China (24.08.2018). In: Xi Jinping. *On sticking to law-based governance of China*. Beijing: Zhongyang wenxian chubanshe, 2020. 283 p. (In Chin.).

6. Xi Jinping. Speech at the working conference of the Central Committee and the National People's Congress (13.10.2021). *Qiushi*, 2021 no. 5, pp. 13. (In Chin.).

7. Xi Jinping. Strengthening the party leadership with comprehensive rule of law in the state governance. *Qiushi*, 2019, no. 4, pp. 10. (In Chin.).

8. Xi Jinping. Promoting the rule of law in a comprehensive manner and giving full play to the positive role of the rule of law in the modernization of the country's governance system and capabilities (05.02.2020). In: Xi Jinping. *On sticking to law-based governance of China*. Beijing: Zhongyang wenxian chubanshe, 2020, pp. 275. (In Chin.).

9. Xi Jinping. Accelerating the building of a socialist State governed by the rule of law (23.10.2014). In: Xi Jinping. *On Sticking to Law-Based Governance of China*. Beijing: Zhongyang wenxian chubanshe, 2020, pp. 113. (In Chin.).

Информация об авторах

Чжан Вэньсянь – заслуженный профессор философии и общественных наук Цзилиньского университета, председатель Ассоциации юридического образования Юридического общества Китая, член Консультативного экспертного комитета Верховной народной прокуратуры КНР, lawreader@139.com.

Information about the authors

Zhang Wenxian, Distinguished Professor of Philosophy and Social Sciences, Jilin University, Chairman of the Legal Education Association of the Law Society of China, Member of the Advisory Expert Committee of the Supreme People's Procuratorate of the People's Republic of China, lawreader@139.com.

Статья поступила в редакцию / The article received 20.07.2024;

одобрена после рецензирования / revised 13.08.2024;

принята к публикации / accepted 03.09.2024.